

**КОНСТАНТИН
БУЛАНОВ**

**ВЫМПЕЛ МЕРТВЫХ.
БАЛТИЙСКИЕ
СТРАЖИ**

2016

Боевые действия с Японией подошли к концу, но выбравшим путь изменения истории некогда расслабляться. Слишком много было факторов предвосхитивших поражение России в войне 1904–1905 годов. И пусть далеко не все найдется возможность изменить, кое-что подправить все же можно. Во всяком случае попытаться подправить. Особенно если это кое-что пойдет на пользу, как собственному карману, так и государству российскому в целом.

Буланов Константин Николаевич
Вымпел мертвых. Балтийские стражи

Сидение в Шанхае затянулось на три недели, в течение которых на борту "Полярного Лиса" скромными силами местных судоремонтных мастерских велись работы по заделке полученных в последнем бою пробоин. Не смотря на статус центра китайской торговли, в Шанхае, как и везде в Империи Цин, европейцам не позволялось иметь в собственности промышленные предприятия и производства, что негативно сказывалось, в том числе, на возможностях местных доков в плане обслуживания судов. Конечно, имелось немало компаний зарегистрированных на китайцев, за спинами которых стоял европейский капитал, но, опасаясь быть обманутыми, истинные владельцы подобных производств не спешили активно вкладываться в их развитие. Но если с заменой листов обшивки и переборок особых проблем не намечалось, то вот с поврежденным котлом все оказалось куда хуже. Нет, в Шанхае имелась и мастерская и специалисты, которые смогли бы привести его в порядок, но за свои услуги они запросили столь непомерную цену, что ремонт становился абсолютно нерациональным. Все равно пострадавший котел, как и его собратья по котельным отделениям минного крейсера, практически отжил свое и вскоре должен был запроситься в почетную отставку. Война же для "Полярного лиса" закончилась и потому максимально возможная скорость ему уже была не нужна.

Впрочем, окончилась война не только для корабля, но и для его экипажа. Помимо призовых команд и Иениша с Протопоповым, в качестве непосредственных участников боевых действий успели засветиться разве что Георгий Керн, лично руководивший подготовкой мин нанесших японцам наиболее сильные потери, да инженер-механик Ян Лев, не вылезавший из машинных отделений китайских миноносцев. Остальные же матросы и офицеры бывшего рейдера старались не сильно афишировать своего участия в войне, и потому сбор доказательств для их задержания мог занять у японцев не один месяц, если эти самые доказательства вообще можно было бы собрать. Все же, как китайцы с японцами для русских виделись на одно лицо, так и русские для японцев с китайцами выглядели практически одинаково. А в паспорте ни у кого из экипажа "Полярного лиса" не было написано, что он состоял добровольцем на китайской службе. Тем более что весьма предусмотрительный адмирал Дин во время последней встречи с Иенишем передал ему все имевшиеся документы по русским "добровольцам", что могли бы позволить японцам предъявить какие-либо претензии экипажу "Полярного лиса". Вот и проживали они вполне спокойно и свободно во французской концессии, тратя заработанные за месяцы войны деньги на всевозможные блага цивилизации.

— Наслышан о ваших успехах. Точка. Весьма впечатлен. Точка. С рыбой придется обождать. Точка. Прошу прибыть для встречи в кратчайшие сроки. Точка. А. Точка. А. Точка. — зачитал краткое послание императора собравшимся в кают-компании друзьям Иениш.

Естественно, само послание было отправлено не лично императором и даже не лицом приближенным к его персоне, а Марией Алексеевной, но подпись и упоминание вопроса рыбного промысла не оставляли никаких сомнений в истинном авторе текста.

— С одной стороны, нас похвалили. С другой — дали понять, что с наградой придется обождать. — хмыкнул Иван. — Ни тебе кнута, ни тебе пряника! Как так можно!? — притворно возмутился он, но тут же уточнил для отставных офицеров воспринимавших

слишком близко к сердцу его наплевательское отношение к императору, — Ладно, ладно. Шучу я. Что я, не понимаю? Видать, у империи появилось еще одно дело, где требуется применение именно наших талантов и возможностей.

— Поддержу Ивана Ивановича. — кивнул Протопопов, — Причем, судя по всему, дело это будет вестись отнюдь не в здешних краях. Иначе информацию для нас вновь могли бы передать через подполковника Вогача. А так, просят прибыть. Иван Иванович, не припомните, что такого могло произойти в этом году?

— Нет, Николай Николаевич. Ничего такого в голову не приходит. Видать, принялся активно сказываться факт моего появления здесь. Либо это я в свое время плохо учил историю. — развел тот руками в ответ. — Уж извините, что ничем не могу помочь в этот раз.

— Ничего страшного. — отмахнулся Иениш. — Все равно рано или поздно узнаем. Единственное, что меня сильно волнует, так это выбор кандидата, на которого можно было бы взвалить начинания наших дальневосточных дел. Сами знаете, сколько всего задумано. Вы же, Иван Иванович, желаете побыстрее отправиться в Африку, мне надлежит скорейшим образом и при этом инкогнито убыть в Санкт-Петербург, а Николай Николаевич поведет "Полярного лиса" с компанией в Кронштадт.

— Да, не вовремя государь-император изъявил желание лицезреть нас. — вынужден был согласиться Протопопов. — Но и игнорировать подобное приглашение никак неуместно.

— Остается одно — брать еще кого-нибудь из проверенных боями людей в долю на правах партнера. — пожал плечами Иван.

— А почему не просто наемным служащим? — поинтересовался Протопопов.

— Да потому что для себя будет стараться куда больше, нежели для чужого дяди. Это раз! И в будущем нам понадобится куда большее количество не только проверенных и преданных, но и сильно заинтересованных в наших успехах людей. Это два! Так почему бы не начать примечать их уже сейчас?

— Все так, Иван Иванович. — согласно кивнул довольный Иениш. — Я и сам не один месяц обдумывал нечто подобное. И даже взял на себя смелость провести предварительные беседы с господами Лушковым и Зариным. Надеюсь, вы не будете сердиться на меня за подобное своеволие?

— Ни в коем разе, Виктор Христофорович. И каковы результаты?

— Николай Михайлович согласился сразу. Ему я предлагал занять мостик флагмана будущей флотилии охотников на браконьеры и 3 % долю в нашем пароходстве. Естественно, с учетом тех прибылей, которые официально никак и нигде не учитываются.

— Приемлемо. — кивнул Иван и дождавшись аналогичного одобрения от Протопопова, поинтересовался, — А что Зарин?

— Вы и сами знаете, в какую неприятную ситуацию он угодил. Так что за возможность заработать денег он ухватился мгновенно. Сергей Аполлинариевич готов выйти в отставку и принять наше предложение при условии получения 8 % доли в пароходстве, а также 15 % от цен будущих трофеев. За это он обязуется взять на себя командование всей нашей будущей флотилии в этих столь хорошо знакомых ему водах, а также вести дела в качестве управляющего рыбодобывающей артели.

— А не сильно ли много он хочет? — вздернул бровь Иван.

— Хочет не мало. — вынужден был согласиться Иениш. — Но и готов взвалить на свои

плечи довольно много. К тому же, столь опытных людей в нужном месте и нужное время найти практически невозможно.

— В его опыте, как капитана корабля, я не сомневаюсь. И для охоты на браконьеров этого будет вполне достаточно. Но чтобы вести дела в торговле и рыбозаготовках, одних знаний офицера флота никак не достаточно. Тут без хитрой и пронырливой сволочи со связями не обойтись. А под такое описание Сергей Аполлинаруевич ну никак не подходит.

— Полностью с вами согласен. Но ведь и дозволения на промысел мы еще не получили. И даже если сделаем первые шаги в этом направлении уже в этом году, нам, так или иначе, придется нарабатывать опыт, набирать и обучать людей, искать рынки сбыта. Потому, первые год или два лучше всего нанять со стороны помощника из тех жителей Владивостока или Сахалина, кто уже давно промышляет в этих водах. Согласитесь, прежде чем начинать вкладывать огромные деньги в данное направление, следует, сперва, попробовать в небольших масштабах. Лично я не сомневаюсь, что прибыль мы сможем получить отнюдь не сразу, потому и нет смысла брать в долю еще и управляющего или купца. А за пару лет и сам Сергей Аполлинаруевич, каким-никаким, опытом и связями да обзаведется.

— И все равно, просит он сильно много. Я не согласен. — уперся рогом Иван, у которого в голове вертелось столько требующих немалых финансовых вложений идей, что можно было свихнуться. — Передайте ему, что, как минимум, один из ваших компаньонов требует урезать осетра. Да, я прекрасно помню, что у него могут возникнуть весьма немалые финансовые проблемы, но по сравнению с тем, что пытаемся исправить мы — они откровенно мелочны. Нам же здесь и сейчас будет нужна каждая копейка. Уж извините, если это прозвучало грубо.

— И на каких условиях согласились бы принять его вы, Иван Иванович?

— Пусть урежет свои запросы вдвое. Тогда я дам добро. Ну и пообещайте обсудить его проблему с императором. Может он своей властью сможет что-нибудь сделать. Должен же он, в конце концов, понимать, что у простого капитана 1-го ранга нет в кармане лишних полутора миллионов. Да и не лишних тоже нет.

— Я тоже соглашусь с Иваном Ивановичем. — кивнул Протопопов, — Да и то лишь по той причине, что Сергей Аполлинаруевич показал себя исключительно с лучшей стороны во время недавних боевых действий.

— Что же, будем надеяться, что он согласится на подобные условия.

— А как дела с остальными членами экипажей нашей будущей и гипотетически возможной охранной флотилии?

— Все, кто состоял в призовых партиях, уйдут обратно в Петербург. Ну да это мы изначально знали, все же именно таких туда и отбирали. Из состава постоянного экипажа "Полярного лиса", согласились остаться здесь на поселение семнадцать нижних чинов, при условии, что мы обеспечим их работой и окладом не меньшим, чем они могли иметь в европейской части России. Останется здесь и Ян Карлович, так что хоть за машины наших судов можно быть относительно спокойным.

— Надо будет поговорить с людьми из призовых партий. — в задумчивости почесав подбородок, пробормотал Иван, — Может кто и согласится составить мне компанию в Африке. Хотя бы на пол года. А то, честно говоря, соваться туда в одиночку мне откровенно боязно. Тут же люди проверенные. И не обманут и спину прикроют.

— Попробуйте. Народ распробовал, какого быть под нашей рукой. Может у кого и сменилось мнение с прошлого года.

— Обязательно попробую. Кстати, а тех, кто остается, нам на все суда хватит?

— Конечно, нет! Едва один экипаж соберем!

— И как же быть? Продавать один из наших будущих траулеров?

— Продавать точно не стоит. — покачал головой Иениш. — Покупать то потом куда дороже выйдет. Мне во Владивосток хода сейчас, скорее всего, не будет, да и Николаю Николаевичу тоже не следует задерживаться в этих водах до официального завершения войны японцев с китайцами. Но кому-то, имеющему право голоса, непременно надо будет пообщаться с местным купеческим обществом на предмет наличия работы для подобных судов. Та же наша средиземноморская эскадра, что вот-вот придет в полном составе, потребует очень серьезного обслуживания, которое, в сложившихся обстоятельствах, доверять японцам явно не рискнут. Тот же уголь даже на стоянке будет расходоваться десятками тонн ежедневно. Так почему бы не подрядить "Корсаковский пост" в качестве угольщика? "Маука" можно пустить к берегам Сахалина и Камчатки в качестве трампа или сдать в наем одному из Владивостокских пароходств. А "Понто-Кэси" использовать как траулер. Пробовать-то добывать рыбу надо начинать. Так что, Иван Иванович, извините, но задержаться здесь придется именно вам.

— Так я же никто! — изумился Иван. — У меня же все бумаги поддельные!

— Зато вы имеете право принимать решения. Доверенность действовать от имени пароходства мы дадим и Зарину и Лушкову, но вот без вашего одобрения они ни под чем расписываться не смогут. Они же займутся набором матросов в экипажи. А как с основными вопросами все порешаете, так и сможете взять курс к берегам столь манящей вас Африки.

— Меня манит не Африка, а то золото, что лежит в ее недрах. Золото, которое должно дать нам возможность изменить будущее. Мы с вами, конечно, теперь можем именоваться состоятельными людьми и даже миллионерами, но вы не хуже меня должны представлять, во сколько могут встать все наши начинания. Без устройства тех же консервных заводов и огромных морозильных камер со складами, о зарабатывании денег на той же рыбе, можно даже не мечтать. А ведь для них необходимо выкупить землю, создать прочую инфраструктуру, найти и перевезти сюда строителей и рабочих, которых опять же придется чем-то занимать все то время, когда нереста нет. А толковые инженеры и специалисты по обработке морепродуктов? Оглянуться не успеем, как все наши миллионы растают, подобно снежинкам под лучами солнца.

— Право же, не стоит быть столь пессимистичным, Иван Иванович. — покачал головой Иениш. — Дел нам, действительно, предстоит немало, но ведь еще полтора года назад никто из нас и подумать не мог, что вскоре станет обладателем подобного состояния. Да и числящиеся в пароходстве суда тоже не стоит списывать со счетов. Все они являются отличными, современными пароходами и послужат нам верой и правдой не один десяток лет. К тому же, мы еще не можем себе представить, что именно желает обсудить со мной его императорское величество. С какой стороны ни посмотри, а предоставленная нами информация и предпринятые нами же действия наглядно продемонстрировали, что мы не шарлатаны и умеем отвечать за свои слова.

— Только на благосклонность императора и остается уповать. — тяжело вздохнул Иван, — А сами, даже с деньгами, все равно мало на что способны из-за существующих реалий. Обидно. Вместо того чтобы вносить свой посильный вклад в развитие отечественных технологий, буду скакать по всеми забытым уголкам планеты в поисках источников доходов. Ладно, что-то я действительно расхандрился. Мы выжили, заработали

солидные деньги и у нас впереди еще не мало лет! Так что будем смотреть на наше светлое будущее с оптимизмом!

— Как-то это прозвучало несколько саркастически с вашей стороны. Может еще немного коньячку для поднятия духа?

— А давайте. — разрешающе махнул рукой Иван. Отдав должное очередной порции благородного напитка, он продолжил беседу — А какие у нас планы насчет остальных кораблей и судов?

— "Полярного лиса" после возвращения на Балтику ждет многомесячный ремонт с обязательной заменой котлов. Доводить его до тех скоростных характеристик, которые будут достигаться минными кораблями через пару лет, выйдет слишком накладно, потому, после ремонта переведем его опять сюда и сделаем флагманом охранной флотилии. Это если нам, конечно, будет дано высочайшее дозволение. Минные катера, которые вы по-тихому и совершенно преступно выкупили у китайцев, придется забрать с собой, чтобы впоследствии залегендировать их появление заказом на немецких верфях. Полагаю, получив наряд на ремонт нашего минного крейсера, они не откажут в столь мелкой просьбе, как оформление документов на три небольших катера. Японский же миноносец по окончании войны перегоним во Владивосток и закажем его переделку в небольшой пограничный крейсер. Выйдет, конечно, долго и дорого, но не в Японию же нам его вести на перестройку. А "Находку" и наше последнее крупное приобретение тоже возьмем с собой на Балтику. Здесь им пока делать нечего, а в родных краях я им и экипажи и работу смогу подобрать куда быстрее. Причем, на "Находку" еще надо будет загрузить все то добро, что пока скрывается господином Ваном.

— Что же, в качестве грубых набросков предварительного плана — сойдет. Но если мне предстоит тут задержаться, я бы попросил заранее забросить людей и некоторое имущество в ближайший к Трансваалу порт, куда и я смог бы впоследствии прибыть на каком-нибудь пароходе. — подвел черту под разговором Иван, записывавший все высказываемые тезисы на бумаге. Хоть перо и давалось ему с трудом, количество клякс уже сократилось в десятки раз, да и буквы стали вполне читаемыми, так что вскоре он вполне мог рассчитывать на соответствие своего почерка образцу достойного интеллигентного человека.

Глава 1. Браконьер — это не только ценный мех...

30 марта 1895 года было объявлено о 20-ти дневном перемирии с целью ведения переговоров, о чем сидевшие в Шанхае бывшие русские добровольцы узнали уже на третий день и сразу поспешили покинуть приютивший их на несколько недель город. Первой на внешний рейд вышла "Находка", как самое защищенное с правовой точки зрения судно. Нарочито медленно продефилировав мимо японской канонерки "Осима", сменившей еще полторы недели назад "Такао", бывший японский угольщик взял курс на север, к Шаодунскому полуострову. Там, в одной неприметной бухточке дожидались своих новых владельцев три минных катера, если их, конечно, еще не обнаружили японцы. Спустя два часа из устья Сучжоу показалась целая вереница судов под русским торговым флагом — пусть и с немалым трудом, но на все три судна, запланированные к перегонке во Владивосток, удалось набрать минимально необходимые экипажи, правда, с условием их возврата в Шанхай не менее чем через месяц. Впрочем, последнее условие несколько не смущало Лушкова, стоявшего на мостике шедшего головным "Корсаковского поста". Ему так и так было необходимо возвращаться за трофейным японским миноносцем, потому, обратный вояж к Шанхаю пришлось бы совершать в любом случае. В отличие от первого судна, этот конвой, наоборот, постарался как можно быстрее пройти мимо японца курсом на северо-восток. Стоило же японской канонерке сняться с якоря и дать ход, как все три судна порскнули в разные стороны. Хотя, в их случае "порскнули" было сказано чересчур громко. Со своими максимальными 10-ю узлами они принялись активно расползаться, нещадно дымя трубами. Не отреагировать на подобное показательное бегство командир канонерки никак не мог. Вот только его "Осима" и сама была неважным ходоком, а с учетом поддержания пара только в половине котлов, он имел все шансы упустить двоих из трех беглецов. То, что русские в скором времени собирались вывезти из Шанхая всех, кто участвовал в войне против Японской Империи, оставив свой минный крейсер в порту до подписания мирного договора, стало известно благодаря изрядной любви китайцев к деньгам. Всего за какие-то тридцать йен один из местных рыбаков, пиратов, контрабандистов и много кто еще, ибо все имевшие свои лодки китайцы отличались многостаночностью, подрядил всю свою семью следить за активно гуляющими в европейской части города русскими. Причем, шпиона даже не пришлось искать — он сам пристал к борту японской канонерки с предложением своих услуг и поставок свежих овощей впридачу. Знал бы японский лейтенант, что за пару дней до этого тот же китаец получил от русских пять соверенов как раз за донесение до него подобной информации, наверное, сожрал бы собственную фуражку, не смотря на хваленое японское хладнокровие.

Совершив невозможное, он смог догнать, остановить и досмотреть двоих из трех беглецов, не обнаружив на их борту ни пассажиров, ни какого-либо груза. И если бы в тот момент, как досмотровая партия японцев не переворачивала вверх дном все, что не было приклепано на "Маука" на внешний рейд Шанхая не вышел бы красующийся свежеокрашенным бортом "Полярный лис" в компании "Владивостока", его можно было бы назвать героем. Та самая парочка, что имела все шансы навсегда остаться в руках японцев из-за состава своих экипажей и находящихся на борту грузов, совершенно спокойно потянулась на юг, чтобы через девять дней пристать к берегу территории Французского

Индокитая. Конечно, можно было бы уложиться и в более короткий срок, но, не желая столкнуться нос к носу со всем японским флотом участвующим в захвате Формозы и Пескадорских островов, Протопопов обогнул крупнейший из китайских островов с запада, сделав крюк в добрые пять сотен миль, благо запасы угля на "Владивостоке", ставшим последним крупным трофеем теперь уже точно закончившейся для них войны, это вполне позволяли. Сохранивший же за собой мостик "Полярного лиса" Иениш, уступив прав командования конвоем своему бывшему старшему офицеру, не смотря на предварительное решение дожидаться первого в этом году рейса добровольца до Одессы, все же не смог отпустить СВОЙ корабль под командованием куда менее опытного минного офицера и старательно подтягивал Керна в качестве капитана корабля. Впрочем, не смотря на вахты и обучение младшего товарища, не менее четырех часов в день он проводил за очередным переписыванием своего рапорта о недавних боевых действиях и составлении расчетов по вооружению пока еще не существующих кораблей Русского Императорского Флота. Пусть у него не было чертежей или даже намеков на таковые, за исключением набросанных по памяти Иваном условных эскизов крейсеров и броненосцев, которым предстояло познать горечь поражения в грядущей войне, даже этого, а также куцега списка слабых и сильных сторон каждого конкретного вымпела было более чем достаточно, чтобы занять время именно тем делом, что было ему по душе.

К величайшему сожалению отставного капитана 1-го ранга, его спаситель, пришедший из далекого будущего, не смотря на любовь к морю, смог припомнить слишком мало сведений, да и те не изобиловали деталями. Почти каждый задаваемый ему вопрос оставался без конкретного ответа. Ни марку и тип котлов, ни характеристики машин, ни системы привода башен, ни марку брони. Иван не мог назвать ровным счетом ничего за исключением справочных характеристик кораблей. Да и то далеко не всех. Ну, вот скажите на милость, что можно было выудить хотя бы из приведенных им характеристик крейсера 2-го ранга "Новик", что, по словам Ивана, оказался ночным кошмаром японских миноносников!? Водоизмещение 3000 тонн, скорость в 25 узлов и шесть 120-мм орудий Канэ, не считая мелочи и минных аппаратов. Ничего! Ничего нельзя было понять об особенностях конструкции данного корабля из приведенных данных! Хорошо еще, что, поднапрягшись, он смог припомнить производителя этого скоростного крейсера — судоверфь "Шихау", успевшую зарекомендовать себя как производителя отличных миноносцев. Тут уже хотя бы было от чего отталкиваться, зная пристрастия инженеров этой верфи к тем или иным конструкторским решениям. А вот по отношению еще одного крейсера рожденного на немецких верфях он не смог сказать и этого — лишь название "Аскольд" и принадлежность к классу шеститысячников, да еще звание быстреего из них, без обозначения максимально возможной скорости, было всем, что удалось выудить Ивану из своей памяти. Тут уже можно было смело махнуть рукой на все возможные предварительные изыскания и лишь дожидаться появления проекта крейсера с пятью дымовыми трубами.

Но куда больший интерес для Иениша представляли данные по погибшим в боях кораблям и причинах их гибели. И пусть сам Иван Иванович не был до конца уверен в имевшейся у него информации, даже этого было более чем достаточно, чтобы попытаться еще на стадии строительства будущих стальных участников боевых действий минимизировать количество их слабых мест. Впрочем, особых надежд отставной капитан 1-го ранга не питал, прекрасно зная инертность Адмиралтейства, но попытаться сделать хоть что-нибудь он считал себя обязанным. Особенно, с учетом владения информацией о

тенденциях развития флота и подкинутых Ивановым же идей о типах кораблей, которые пока еще в принципе не существовали. Тяжелый крейсер, карманный линкор, носитель подводных лодок — все эти проекты в свое время не оправдали возложенных на них функций, являясь, по сути, результатами политических, экономических и технических ограничений. Вот только, как бы это ни звучало странно, для условий грядущей Русско-Японской войны именно эти проекты имели наиболее высокие шансы не только быть реализованными с учетом существующих технологий, но и солидно повлиять на ход боевых действий на море. И если о карманных линкорах думать пока было все же рано, то тяжелый крейсер несущий относительно легкую броню, но обладающий большим запасом хода и солидной артиллерией виделся великолепным рейдером. А уж подводные лодки, об успехах которых в начале Первой Мировой Войны поведал ему Иван Иванович, вообще виделись кошмаром любого флотоводца. И если в прошлый раз имевшиеся в Русском Императорском Флоте подводные лодки не смогли продемонстрировать всех своих достоинств, будучи сильно привязанными к своим базам из-за небольшого запаса хода, то создание специализированного носителя катамаранного типа, который мог бы доставлять подводную лодку едва ли не вплотную к вражеской военно-морской базе и впоследствии принимать ее обратно на борт, действительно превращали эти небольшие подводные миноносцы в жуткое оружие. В тот раз, в результате быстрого развития концепции подводных лодок, подобный корабль появился только во флоте Германии и чуть позже в качестве спасательного судна в русском флоте, но оба они опоздали со своим рождением. Сейчас же у подобного проекта имелись все шансы появиться в тот отрезок времени, когда он был бы наиболее востребованным. И тем не менее Иениша терзали сомнения о возможности постройки подобных кораблей в ущерб броненосцам и броненосным с бронепалубными крейсерам, что уже доказали свое право на существование и на которые вечно не хватало средств. Потому, сперва, следовало уделить внимание главным драчунам будущих схваток.

К сожалению, броненосцы типа "Полтава", на одном из которых в будущем должен будет погибнуть его бывший командир — Макаров, Степан Осипович, как-либо переделывать было уже поздно и потому лишенные броневого пояса оконечности грозили доставить им немало неприятностей в грядущей войне. Но как минимум добиться снятия с кораблей 1-го ранга запасов якорных мин, чья детонация, по словам Ивана Ивановича, и стала причиной быстрой гибели "Петропавловска" никак не виделось не решаемой проблемой с учетом установки противоминных сетей. То же самое можно было сказать об устройстве дополнительной защиты бомбовых погребов от подводных взрывов, пусть это и привело бы к некоторому уменьшению носимого запаса снарядов главного калибра. И в этом деле он рассчитывал как раз на поддержку со стороны пока еще контр-адмирала Макарова как одного из самых "непоседливых" адмиралов флота и хорошего знатока не только минного дела, но и основоположника работ по противодействию затоплениям на стальных кораблях.

Однако, если с "Полтавами" все было относительно ясно, то, что можно было бы придумать с крейсерами-броненосцами типа "Пересвет", о возможности закладки которых он еще пока даже и не слышал, Иениш попросту не знал. С одной стороны, эти корабли являлись предтечами будущих линейных крейсеров выполнявших роль разведчиков и загонщиков при линейном флоте, да к тому же виделись действительно нужными, как сверхмощные рейдеры, в условиях постоянного напряжения в отношениях с Великобританией. И то, что война между Россией и Англией в ставшей известной ему

истории так и не разразилась, вовсе не значило, что она не могла начаться с учетом как уже сделанного их "дружной компанией", так и планируемого к реализации. А потому такие корабли, не смотря на их недостатки и некоторую внеклассовость, России действительно были нужны. Другое дело, что ставить их в одну линию с куда более тихоходными полноценными броненосцами было изрядной ошибкой. Но, как говорится, на безрыбье и рак рыбой станет. Вот и получали тяжелые плюхи рожденные рейдерами корабли наравне с прочими броненосцами.

Та же проблема вставала с современными броненосными крейсерами, первым представителем которых был "Рюрик". Эти огромные прерыватели торговли, превосходившие по водоизмещению те же "Полтавы", вынуждены были заниматься абсолютно не свойственным им делом — воевать в линии против заточенных под линейный бой крейсеров противника. Так что гибель того же "Рюрика" стала вполне закономерным результатом. В тех условиях куда лучше показал бы себя тот же "Адмирал Нахимов", не смотря на десятилетнюю разницу в возрасте и куда меньшее водоизмещение. Не зря ведь этот броненосный крейсер зачастую относили к броненосцам 2-го класса и всегда уважительно смотрели в его сторону. Все же трехкратное преимущество в количестве орудий главного калибра что-нибудь да значило в условиях линейного боя.

Но все это были мысли вслух без поддержки на самом верху. И лишь по итогам будущей встречи с его императорским величеством Иениш надеялся получить возможность хоть как-нибудь повлиять на характеристики будущих кораблей флота. А вот насчет количества они так и не смогли прийти к единому мнению. Сам Иениш, прекрасно знавший насколько сильно не хватает кораблей, настаивал на многократном увеличении количества вымпелов. А вот Иван Иванович практически сорвал голос, доказывая, что это нельзя делать ни в коем случае, по той причине, что данный шаг со стороны Российской Империи непременно приведет к увеличению количества кораблей японцами и тогда все его немногочисленные знания окажутся полностью обесцененными. А так они уже сейчас прекрасно знали, что основной ударной силой японцев будут шесть броненосцев и восемь броненосных крейсеров, не считая бронепалубников и старичков еще даже не закончившейся войны, включая взятые в качестве трофеев китайские корабли, тактику противодействия которым можно было начинать разрабатывать уже сейчас. И что самое обидное для военного моряка, но видевшееся истиной, гость из будущего не безосновательно предлагал на сей раз делать стране ставку не на флот, а на армию. Именно своевременно переведенные на Дальний Восток пехотные части и артиллерия, а также построенные оборонительные позиции должны были, по его мнению, перемолоть японскую армию и тем самым принести победу России в будущей войне, даже в случае очередного поражения флота. Но и здесь возникающих проблем виделось как бы не больше чем с флотом, ведь прежде чем начать перебрасывать к будущему театру боевых действий войска, требовалось создать всю необходимую инфраструктуру для размещения сотен тысяч солдат и офицеров, не говоря уже о проблемах снабжения столь удаленных от центральной России гарнизонов. И все это при том, что до окончания строительства Транссибирской железной дороги был еще не один год.

А пока Виктор Христофорович активно исписывал сотни листов бумаги, систематизируя все имевшиеся у него данные и полученный недавно опыт боевых действий, добравшиеся до Владивостока Иванов, Лушков и Зарин хватались за голову от осознания будущего масштаба работ, которую им предстояло сделать.

Вообще, прибытие в проснувшийся от зимней спячки и только-только освободившийся ото льда порт небольшого каравана судов, встряхнуло застоявшееся за зиму общество портового города. Нет, ни гражданские суда, ни боевые корабли не были для жителей самого крупного дальневосточного портового города России чем-то из ряда вон выходящим. Все дело было в том, кто именно бросил якоря на рейде порта. Не прошло и пары часов как Зарин сошел на родной берег, а успевшие расползтись по всему городу слухи полностью остановили работу во всех конторах, предприятиях и стройках. Десятки тысяч соскучившихся хоть по какому-нибудь зрелищу людей бросили все свои дела, чтобы лично взглянуть на трофеи и людей ставших одними из главных звезд недавнего времени. Хоть замерзающий зимой порт и отрезал город от морского сообщения, телеграф еще никто не отменял и потому все новости, пусть и с опозданием, все же попадали на страницы местной газеты "Владивосток", а после расползались в виде слухов среди не владеющего грамотой населения, которое составляло большинство во Владивостоке.

Вздохи восхищения и разочарования пронесли над городом. Первые, большей частью женские, были адресованы героическим морякам, что еще считанные дни назад сходились в боях с японским флотом, вторые — в основном относились к стоящим на якорях судам. Совсем не так люди представляли себе богатые трофеи взятые русскими добровольцами у коварно напавших на Империю Цин японцев. Ведь, судя по газетным статьям восхвалявшим "мужество отчаянных парней", на рейде Владивостока должно было не протолкнуться от взятых в качестве призов судов. Здесь же взору представали всего три небольших парохода. Причем, многие, совершенно не знакомые с морским делом и уж тем более не имеющие ни малейшего понятия о классах кораблей, то и дело дергали оказывавшихся поблизости моряков, прося указать, какое именно из трех пришедших судов является тем самым прославившемся многими победами "Полярным лисом". Ведь, судя по многочисленным хвалебным статьям, взору страждущих непременно должен был предстать этакий океанский гигант, один только вид которого внушал врагам ужас. На деле же выходило, что все это время газетные писаксы нахваливали и вешали лавры победителя на какое-то крохотное суденышко, не крупнее канонерских лодок составлявших основу Сибирской Военной Флотилии.

А пока народ ахал да охал, выискивая хоть кого-нибудь из экипажей пришедших судов, капитан 1-го ранга Зарин уже представлялся о своем прибытии командиру Владивостокского порта контр-адмиралу Энгельму. Этот крещенный в православие финн из древнего рыцарского рода отдавший морской службе сорок лет мог бы стать для всех офицеров Русского Императорского Флота примером того, как надо служить, ежели поставить перед собой цель стать адмиралом. Именно Дальний Восток стал для него тем испытанием, что позволило закалить характер и из года в год четко держать курс к адмиральскому званию. Появившись во Владивостоке в звании лейтенанта в далеком 1868 году, только спустя 18 лет, уже имея на плечах погоны капитана 1-го ранга, он на время оставил Дальний Восток перебравшись на Балтику. Именно служба на самом дальнем форпосте империи позволила ему стать одним из тех мичманов, что все же имел шансы примерить адмиральские погоны, но и цену она взяла немалую. Молодость и дети — вот что забрал у него развивающийся из года в год Владивосток. Из трех детей к настоящему времени в живых оставалась лишь младшая дочь, и с каждым новым днем Федор Петрович все больше убеждался в том, что недолго ему осталось радоваться ее успехам — уж больно сильно начали напоминать о себе возраст и пошатнувшееся в последнее время здоровье. Но

пока еще оставался порох в пороховницах, он тянул свою лямку и тянул, надо сказать, более чем достойно.

Сказать, что высокое начальство приняло бывших "добровольцев" благосклонно, значило не сказать ничего. Не только простые люди, но и те, кто, по сути, руководил городом, успели изрядно соскучиться за зиму и потому на неделю вперед немногочисленные офицеры — как действующий, так и вышедшие в отставку, стали самыми желанными гостями в любом доме города. Хотя порой на высоких должностях и оказывались откровенные дураки, но с таким непростым местом как русский Дальний Восток вообще и Владивосток в частности было все не так плохо и те, кому надо, умели складывать два и два, получая в итоге четыре. А раз из столицы до сих пор не пришло ни одного слова с приказом задержать резвившихся на японских коммуникациях "добровольцев" в случае их появления во Владивостоке, высочайшую индульгенцию балтийские варяги имели. А это значило не просто что-то! Это значило многое! Едва ли не впервые за всю историю освоения этих земель и морей империя наглядно продемонстрировала свои зубы. И как продемонстрировала! Потому благосклонность обличенных властью лучших людей Владивостока к Зарину и Лушкову практически не знала границ. Тем более что описываемые ими в красках и подробностях недавние похождения идеально скрашивали бывшие до того скучными вечера. А уж новости о том, что пароходство "Иениш и Ко" приняло решение открыть во Владивостоке филиал и заняться весьма интересными, но пока еще не подлежащими разглашению делами, были встречены едва ли не бурными аплодисментами. Все же каждое новое предприятие вело только к развитию города, что не могло не радовать тех, кто связал с ним свою жизнь.

Итогом многочисленных выходов в свет стало обладание не только информацией о возможных конкурентах, но и что, где и почём можно было бы приобрести. Как оказалось, рыбным промыслом в действительно серьезном масштабе никто из русских подданных здесь никогда не занимался. Да, немногочисленные владельцы шхун каждый год брали в аренду те или иные уголья богатые на рыбу, но назвать их крупными рыбопромышленниками не поворачивался язык. Совсем по-другому дело обстояло с китобоями. Не единожды во Владивостоке появлялись те, кто настраивался на добычу этих морских гигантов, но уж больно опасным оказывался данный промысел. Слишком большие вложения требовались в самом начале пути становления китобоем и те, у кого необходимых финансовых возможностей не имелось, были вынуждены рисковать, выходя в море на совершенно недостаточно подготовленных судах. И гибли. Так что сейчас промыслом китов занималась всего одна единственная шхуна принадлежащая старому китобою, который сам уже давно не выходил в море, передавая свой опыт другим и куда больше занимаясь торговыми делами и строительными подрядами.

Последним подданным Российской Империи, кто пытался наладить добычу морских гигантов в промышленных масштабах, был отставной капитан 2-го ранга Российского Императорского Флота Дыдымов, Аким Григорьевич. Но в конце 1890 года он погиб у берегов Кореи вместе со своим судном "Геннадий Невельской" и всей командой, оставив после себя лишь огромное количество долгов и обязательств, как перед казной, так и частными лицами. Однако, история о печальной судьбе китобоя, которую Зарин слышал во время одного из званых вечеров, принесла неожиданную и весьма полезную информацию. Во-первых, не смотря на гибель китобойного судна и продажи второй шхуны его небольшой флотилии, полностью дело Дыдымова не исчезло, так как в бухте Гайдамак все еще стоял

заброшенный китоперерабатывающий комплекс, на который уже несколько лет пытались найти покупателя, дабы хоть частично возместить нанесенный казне урон. Во-вторых, помимо промысла китов Дыдымов занимался охотой на браконьеров! И занимался вполне легально, имея соответствующее разрешение от государственных органов. При этом данное начинание осуществлялось отставным офицером не просто на добровольной основе. Ежегодно за свои услуги он должен был получать ассигнований более чем на 10 тысяч рублей, что естественно не могло не заинтересовать капитана 1-го ранга, чьей задачей была организация как раз подобной же флотилии. Потому, не было ничего удивительного в том, что спустя всего пару дней никому не нужный завод обзавелся новым владельцем, а на имя Иениша в Санкт-Петербург ушла телеграмма с весьма кратким описанием законов позволяющих им уже сейчас начать заниматься под русским торговым флагом охотой на браконьеров и контрабандистов, частично финансируясь при этом от казны.

А вообще доселе не сталкивавшиеся с реальным положением дел в разработке биологических ресурсов Дальнего Востока пришедшие с Балтики моряки осознали насколько все запущено, лишь когда ознакомились с тысячами рапортов, что за последние два десятка лет были поданы как командирами судов и кораблей борющихся по мере сил с браконьерами, так и составленными командирами пограничных и сторожевых казачьих команд, что были разбросаны по побережью или проживали на островах, где с давних времен добывали морских зверей. Ежегодно в порт Владивостока доставляли по три — пять задержанных шхун, но зачастую, даже будучи конфискованной, подобная потеря не сильно била по карману ее владельца. Ведь цена небольшой старой деревянной шхуны редко когда превышала двух — трех тысяч рублей, а сезонный улов команды подобного судна мог доходить до десятков и сотен тысяч. Конечно, промышлявшие в основном рыбной ловлей у берегов Сахалина японцы не могли похвастать подобными доходами, но вот американские и канадские китобои и охотники на морских котиков ежегодно зарабатывали на разграблении русских берегов миллионы рублей, добывая в разы больше, чем выкупившие у государства лицензии русские заготовители. И уж конечно никто из этих заокеанских незваных гостей слыхом не слыхивал о каких-либо налогах.

Судебные же разбирательства с отловленными браконьерами приносили казне лишь очередные разорения, даже в случаях признания их вины и распродажи с аукциона всего конфиската. Не желая обострять отношения с САСШ и Англией, суды зачастую отпускали пойманных на горячем иностранцев, довольствуясь лишь их имуществом. Но при этом досудебное содержание и экстрадиция подобных личностей ложилась целиком и полностью на казну и далеко не всегда затраты покрывались средствами полученными от продажи конфискованного имущества. Так что возникала ситуация, что, с одной стороны, бороться с браконьерами было необходимо, а с другой стороны, существующие методы и возможности противостояния им приносили государству одни убытки, если учитывать затраты на снаряжение судов и кораблей, что ежегодно выходило на патрулирование русских берегов и охоту на браконьеров. Частнику же было немногим легче лишь потому что затраты на содержание и выдворение пойманных браконьеров на его личном кошельке никак не сказывались.

Вдобавок, большая часть моряков браконьерских шхун привыкших к суровым условиям лова царившим в местных водах и сами не отличались мягким характером. В 1893 году дело даже дошло до того, что на охрану браконьерской флотилии был снаряжен вооруженный тремя орудиями пароход, что должен был отгонять русские патрульные суда, ведь далеко не

каждый браконьер задерживался "белым крейсером" ставшим благодаря литературному таланту Джека Лондона страшилкой для американских обывателей мало знакомых с реалиями браконьерского дела.

— Да-а-а. Дела-а-а. — протянул Иван, после того как Зарин отложил последний лист собранного воедино доклада. — Я, конечно, не сомневался, что у нас тут все плохо. Но чтобы настолько! Вот уж действительно, вечное русское раздолбайство не знает границ. — Лушков, уже пару дней как отправился в Шанхай и потому во Владивостоке на хозяйстве остались лишь Иван и Зарин, днями напролет пропадавшие в архивах служб и ведомств, доступ к которым оба получили легко и непринужденно, повергнув тем самым Ивана в шок. О таких понятиях как "Совершенно секретно" или хотя бы "Для служебного пользования" здесь, похоже, и слыхом не слыхивали или закрывали на чужаков глаза, стоило Зарину пообещать провести очередной вечер рассказов на дому очередного начальника очередного ведомства. Так что информацию можно было грести лопатами. — Надо будет составить для Виктора Христофоровича пакет с нашими мыслями и пожеланиями, кои он смог бы хоть частично озвучить на встрече с государем-императором. Разве это дело, когда государство еще само же и страдает от борьбы с браконьерами!? Конечно, все те законы, что из года в год проталкивали и принимали в целях защиты своих дальневосточных интересов облеченные властью люди, показывают, что дело не стоит на месте, и имеются люди ратующие за благополучие родины. Или своего собственного кармана. — добавил он спустя пару секунд, — Но пока не появится такой закон, который заставит уже пойманного браконьера доказывать свою невиновность, а не как сейчас — вылезать наших служивых из штанов, чтобы не остаться виновным в задержании совершенно честного человека, по какой-то странной причине оказавшегося у наших берегов с полным трюмом мехов, китового уса или жира, ситуацию переломить не выйдет. Да и отпускать тех, кого уже по существующим законам вполне возможно упечь на каторгу как минимум на 5 лет, на мой взгляд, слишком разорительно. Да, Америка и Англия куда сильнее нас в этом регионе, но это не значит, что надо столь показательно прогибаться под них! Вон, тех же китайских браконьеров отправляют на каторги с превеликим удовольствием! А чем остальные лучше или хуже!? Всем кайло в руки и гнать на подъем русского Дальнего Востока! И кормить всех этих деятелей, лишь по факту выработки дневной нормы! Вот когда они прочувствуют на собственной шкуре, какого это — красть у России, тогда разорение наших природных богатств и прекратится. Пусть не полностью. Все же сорвиголовы всегда найдутся. Но основное число тех же браконьеров, так или иначе, уменьшится. Кто найдет себе иное занятие, кто пропишется на наших каторгах, а кто и отправится на корм рыбам. Вон, сами ведь все плачут, что им не хватает рабочих рук, — сделав очередной глоток превосходного ароматного чая, махнул в сторону окна Иван, имея в виду разом всех — и частных предпринимателей, и занятых в государственных проектах начальников строек, — а на каждом браконьерском судне от полутора до трех десятков бесплатных рабочих рук. Бери — не хочу! И вообще, как известно — пять бабулек — уже рубль.

— Ну вы даете, Иван Иванович. — покачал головой Зарин. Не смотря на почти год, как они оказались представлены друг другу, Зарин до сих пор не знал об этом человеке практически ничего. С одной стороны, никаких особых заслуг за его собеседником не числилось. Порой он занимался вопросами снабжения их отряда в Шанхае, порой ему доверяли финансовые операции, а порой вполне спокойно допускали в боевую рубку в разгар боя. В общем — всего понемножку. С другой стороны, не надо было быть невероятно

внимательным человеком, чтобы понять — роль этого человека во всем происходящем если не ведущая, то, как минимум, очень значимая. Все же и Иениш и Протопопов, при решении серьезных вопросов не связанных непосредственно с военными действиями, завсегда запирались в кают-компаниях именно с Ивановым. Да и держались с ним хоть и по-дружески, но время от времени проскакивали такие раболопные нотки, если можно было так сказать. Нет, они не заглядывали ему в рот, ежесекундно ожидая какого-либо откровения, но едва заметный налет чуть большего уважения чем к кому бы то ни было, при желании можно было разглядеть. А это закономерно пробуждало любопытство, впрочем, как и некоторые его знания или видения жизни. Как ни посмотри, а тактика действия абордажных групп отрабатывалась моряками именно под его присмотром и по его указаниям, что уже говорило об определенных знаниях, но не опыте. Тогда, во время обучения абордажников, было хорошо видно, что Иван Иванович и сам не слишком хорошо разбирается в вопросе, а лишь пробует те или иные приемы. Но, учитывая приготовленную заранее экипировку, эти самые тактические приемы не пришли ему в голову от безделья во время продолжительного перехода, а уже имелись в голове на момент подготовки к походу. А это навевало на мысли. А уж что можно было почерпнуть из его высказываний! С одной стороны — он представлял весьма жестким человеком. Чего только стоили произнесенные буквально только что слова! И ведь это были не просто слова. Он действительно считал подобный путь решения браконьерской проблемы единственно верным — либо на каторгу, либо на дно. С другой стороны, он ни разу не видел, чтобы Иван Иванович пускал в ход кулаки, когда у матросов не выходило то, чему он их обучал. Вместо того чтобы вбивать в головы знания, он их туда вкладывал, раз за разом повторяя то, что оставалось непонятным. И такая смесь одновременно жесткого и мягкого человека вызывало откровенное удивление. Со временем сам Зарин надеялся все же заслужить доверие и узнать тайну человека, что мог единолично принимать решения во всем, что касалось филиала пароходства во Владивостоке и всех их дальнейших действий, а пока можно было продолжать собирать о нем всю возможную информацию для построения верной линии поведения, тем более что собеседником он был весьма интересным. — И при чем здесь какие-то бабульки? — уточнил Зарин.

— Это так. Из анекдота. К слову пришлось. — отмахнулся Иванов.

— Не просветите? — улыбнулся Зарин, успевший оценить не совсем стандартное юмора этого человека.

— Легко. — пожал его собеседник плечами, — Встречаются Федор Михайлович Достоевский и Родион Раскольников. Достоевский и спрашивает — "Что же ты, Родион, старушку за двадцать копеек убил?". А тот в ответ и говорит — "Не скажите, Федор Михайлович. Пять бабулек уже рубль."

Как раз отвлекшийся на чай Зарин подавился очередным глотком и закашлялся. В отличие от Иениша и Протопопова, которые уже успели привыкнуть к временами черному юмору гостя из будущего, те, кто общался с ним относительно немного, практически всегда реагировали подобным образом, и потому Иван уже несколько привычно похлопал по спине собеседника, помогая тому прокашляться.

— И вы действительно полагаете, что отправка на каторгу сотен человек поможет нам защитить и поднять Дальний Восток? — благодарно кивнув, поинтересовался Зарин.

— Конечно, нет! Но как один из шагов, он видится мне крайне необходимым. Причем, необходимым сразу по нескольким причинам! Две из них я уже озвучивал — это

предупреждение преступления, а не его зачастую насильственное предотвращение и свободные рабочие руки. Но также я вполне допускаю, что кто-нибудь из них, оттрубив на каторге свой срок, оседет в этих местах. Да, сейчас это звучит несколько безумно, да и работа эта на весьма долгую перспективу. Но посудите сами. Сейчас на улицах Владивостока встретить человека европейской внешности — это нечто из разряда уникального! Пусть по переписи китайцы, корейцы и японцы составляют 50 % населения города, но, во-первых, на самом деле их куда больше, а во-вторых, русское население представлено в основном солдатами и строителями, которые в городе не появляются месяцами, будучи занятыми на строительных работах. Вы не подумайте, я не националист какой. Работают тут представители близлежащих государств — и пусть работают. Но ведь создается впечатление, что только они тут и живут, стоит отойти чуть в сторону со Светланской. Но город-то русский! Как имеющий экономическое образование человек, я прекрасно понимаю, что всем выгодно присутствие здесь всех этих людей, как недорогой рабочей силы. Все же за те же деньги ни один русский мужик не поедет сюда работать. Но мы то с вами должны рассматривать сложившуюся ситуацию не только с точки зрения экономиста, но и военного! Не мне вам рассказывать сколь непростые отношения у нас складывались, что с Китаем, что с Японией. Да, после того как закончится война между этими странами, им потребуется некоторое время, дабы привести свою экономику в порядок для очередного раунда бодания с европейскими державами за право продвижения своих интересов в этом регионе. И если на Китай можно будет не особо обращать внимание в связи с его грядущим поражением и последующим за этим обиранием его до нитки, то Япония станет еще сильнее, нежели сегодня. А у нас половина населения города — потенциальные шпионы японцев! И ведь город непростой! Город — стратегический!

— Вы допускаете, что японцы отважатся напасть на нас? — заинтересованно воззрился на собеседника Зарин.

— Это предопределено. — пожал плечами Иван. — Именно к этому ведет как не самая дальновидная политика России, так и Японии пользующейся поддержкой Англии и САСШ. Японцам просто-напросто больше не на кого нападать кроме нас. А без продолжения внешней экспансии им, как государству, не выжить.

— Но ведь они уже смогли отхватить у китайцев немалый кусок. Вся Корея, по сути, теперь принадлежит им.

— И вы полагаете, что остальные игроки так просто отдадут японцам Корею? — хмыкнул Иван, — Да те же англичане скорее удавятся, чем хоть немного подвинуться на этом рынке. Да и в Китае особо сильно развернуться японцам никто не позволит. Не смотря на бурное развитие экономики и победу в войне, они все еще пока находятся на совершенно ином уровне, нежели остальные мировые игроки. Вот увидите, если что японцам и достанется, то далеко не все, что они смогли взять силой оружия. Никто не позволит всяким выскочкам их вырванные с кровью и десятилетиями развиваемые рынки. Так что, как я уже говорил, войны с Японией нам не избежать. А какие из японцев бойцы, вы знаете не хуже меня. Тем более теперь, когда они получили столь богатый опыт современной войны, как на суше, так и на море. Да, сейчас у них не самая сильная армия и далеко не самый сильный флот. Но они всего за пол года разгромили лучшие китайские войска и уничтожили лучший китайский флот, не понеся при этом тяжелых потерь. А что будет, когда их армия увеличится в несколько раз и флот обзаведется броненосцами?

— Хм. Я понимаю, что вы хотите сказать. — потерев в задумчивости подбородок,

кивнул Зарин, — Даже с учетом нашего превосходства в целом, здесь и сейчас японцы будут всегда сильнее исключительно из-за близости собственных баз, складов и промышленности и соответственно удаленности всего этого у нас.

— Ну вот видите. — усмехнулся Иван, — Раз уж мы с вами это видим, японцы видят это тем более.

— Только японцы? — вопросительно изогнул бровь Зарин.

— Кое-кто из наших тоже. Но большая часть ослеплены жаждой наживы на дармовой рабочей силе. Вот и выходит, что, гонясь за выгодой, мы сами же роем себе могилу.

— Ну, не может же все быть столь печально, как вы говорите. Да, японцы показали себя с весьма хорошей стороны, хотя победа над китайцами еще ничего не значит. Но даже имеющийся сейчас в этих водах Российский Императорский Флот ничем не уступит японцам. А с учетом скорого прихода средиземноморской эскадры, о каком-либо паритете даже не придется говорить.

— Если считать вымпелы или смотреть исключительно на технические характеристики кораблей указанные на бумаге, то вы правы. Но у японцев имеется преимущество, которое нивелирует всё наше численное преимущество. Они, при необходимости, смогут отремонтировать полученные в бою повреждения и пополнить боекомплект, а мы нет. Всего один бой и весь наш флот окажется даже в худшем положении, чем Бэйянский флот китайцев после боя при Ялу. У них хотя бы был Порт-Артур под боком с его ремонтными мощностями и складами. У нас же пока нет и такого! Те ремонтные возможности, что имеются во Владивостоке можно назвать мощами, но никак не мощностями. Да, мастерские потихоньку развиваются, да здесь имеется плавучий док, да строится сухой док, но всего этого не хватает даже для обслуживания кораблей Сибирской флотилии и Тихоокеанской эскадры, не говоря уже о каком-либо серьезном ремонте.

— Что же, тут мне возразить нечего. — вновь был вынужден согласиться капитан 1-го ранга, — Любой мало-мальски серьезный ремонт мы всегда производили в Японии. И судя по тому, как идет строительство сухого дока, ближайшие пару лет ничего не изменится.

— Да и после не изменится. — расстроено махнул рукой Иван. — Один сухой док погоды не сделает. Конечно, с ним лучше, чем вообще не иметь дока, но вы представляете себе, какая очередь организуется в него!? А где взять мастерские способные производить ремонты машин и прочих механизмов? А где взять людей для этих мастерских? В общем, пока во Владивостоке не произойдет лавинообразный приток именно русского населения, о его развитии как полноценной военно-морской базы не стоит даже и мечтать.

— А при чем тогда бывшие каторжники, которых вы упоминали? Они ведь точно ни с какой стороны не русские. — подметил нестыковку в рассуждениях своего собеседника Зарин.

— А при том, что они хоть как-нибудь смогут разбавить население Владивостока. Я и сам понимаю, что это видится каплей в море. Но как говорится — курочка по зернышку. И в отличие от наших ссыльных, они ведь не душегубы какие или политически неблагонадежные — обычные суровые мужики подрядившиеся на тяжелую и опасную работу. И вот как раз такие нам самим понадобятся уже завтра! Вы ведь вряд ли имеете представление, как правильно охотиться на китов и всевозможных морских зверей. — дождавшись отрицательного ответа от собеседника, Иван продолжил, — Вот и я не знаю, как это все происходит. А они знают и умеют! Пусть не все, но некоторые! Хотя, — задумчиво протянул он, — лет через пять — шесть у нас и своих, русских, умельцев будет в достатке на подобных

промыслах. Если мы не разоримся раньше!

— Типун вам на язык, Иван Иванович.

Об окончании японо-китайской войны Лушков узнал лишь 24-го апреля, когда прибыл в Шанхай. Как оказалось, мирный договор в японском городе Симоносеки был подписан как раз 17-го апреля, в день, когда он покинул Владивосток, взяв курс к берегам Китая. И эта новость безмерно радовала, поскольку теперь можно было не тратить время в ожидании неизвестного, а забрав трофейный миноносец, сразу взять обратный курс к родным берегам, где им предстояло вновь вступить в бой, но уже с новым противником и на совершенно иных правилах.

Господин Ван не подвел и трофейный миноносец в целости и сохранности, не считая ранее демонтированного вооружения, был передан на руки Лушкову с наилучшими пожеланиями и надеждой, что на этом их сотрудничество не закончится. Подтвердив, что продолжение плодотворного сотрудничества более чем вероятно, Лушков убыл к Владивостоку, до которого добрался без каких-либо проблем уже 1-го мая, но лишь для того чтобы практически сразу вновь выйти в море. За время отсутствия Лушкова, Зарин успел договориться насчет тех двух судов, что временно остались без команд. Благодаря благосклонности и рекомендациям командира Владивостокского порта на "Корсаковский пост" не только удалось набрать экипаж из бессрочно-отпускных матросов, но и поставить его на линию обеспечения углем собирающегося в китайском Чифу русского флота. Причем, не малую роль в этом деле сыграл местный купец Гинзбург, многие годы занимавшийся снабжением русских кораблей топливом и прочими припасами, причем порой даже в долг, когда в судовых кассах не оказывалось достаточного количества средств. За долгие годы работы и создания имени с репутацией его возможности распространились не только на земли Российской Империи, но и Китай с Японией, где он составлял заметную конкуренцию местным купцам. Впрочем, не смотря на работу Сучанского разреза, добываемого в нем угля было столь мизерное количество по сравнению с потребностями Владивостока и флота, что топливо приходилось завозить из Японии, так что порой небольшому угольщику предстояло заглядывать и в порты страны его бывшего владельца. "Маука" тоже не долго предстояло простаивать на внутреннем рейде. "Иениш и Ко" стало далеко не первым частным пароходством Владивостока. Его предшественники и конкуренты уже давно имели налаженные торговые пути и связи, но развивались относительно медленно по причине отсутствия свободных оборотных средств, которые можно было бы пустить на развитие дела. Зарин же выставил совсем небольшую плату за наем, лишь бы сдать пароход кому-нибудь на руки и не платить порту за простаивающее в нем судно. Так что вскоре под флагом пароходства "Шевелев и Ко" он встал на стандартную линию Владивосток — Гензан — Фусан — Нагасаки — Чифу — Шанхай.

А "Понто-Кэси", едва успев прибыть, всего за сутки был загружен углем, провиантом и прочими припасами, в которых всегда испытывали потребность на Сахалине и Камчатке, после чего, приняв на борт еще две артели корейских и японских рыбаков, взял курс к рыболовным угодьям, право на разработку которых обошлись бюджету пароходства в весьма скромные деньги. И как бы морякам не требовался отдых, природа диктовала им свои условия — в начале мая начинался нерест сахалинского тайменя, и потому требовалось успеть перехватить рыбу на входах в пресноводные реки, пока их мясо не начало портиться в результате гормональных преобразований. Впрочем, этот заход был пробным и никто даже не планировал на какую-либо прибыль в этом году. Сейчас главным виделось получить

знания по методам ловли и засолки, что практиковались коренными жителями этого региона, поскольку среди соотечественников кого-нибудь хоть сколько-нибудь сведущего в этом деле человека найти не удалось. Потому, в целях получения и сохранения знаний, к каждой артели приставлялся один из наиболее мозговитых русских матросов из экипажа "Понто-Кэси" в качестве официального представителя пароходства. И пусть экипаж судна без того не мог похвастаться многочисленностью, иного выбора попросту не было. Все же вопросы, касающиеся регистрации и перестройки трофейного миноносца получившего название "Лисенок", а также выкупа земли под устройство филиала пароходства и будущих складов, а также реанимации китоперерабатывающей базы ложились на плечи имеющего генеральную доверенность Ивана, о чем он не преминул высказаться вслух, в том числе и в свой адрес тоже. Вместо того чтобы, мучаясь морской болезнью, держать курс к берегам Африки, ему предстояло окунуться с головой в бюрократическое болото Российской Империи. Причем, в отличие от успевшего завести изрядное количество знакомств Зарина, сам Иван не мог похвастаться многочисленными выходами в свет по причине своего полуподпольного положения и соответственно знакомствами с теми, кто мог немало подсобить в повешенных на него делах.

Высадив спустя три дня пути рыбаков на заранее арендованных участках, Лушков выдвинул "Понто-Кэси" к Камчатке. Узнав о намерении балтийцев пробежаться вплоть до Командорских островов, их судно с превеликим удовольствием загрузили припасами, что требовалось доставить как на сами острова, так и в Петропавловский порт, поскольку снаряжать для этого отдельный пароход тому же "Русскому товариществу котиковых промыслов" выходило излишне расточительно, а цена запрошенная Лушковым не то что не кусалась — даже не лаяла. Вообще, идея использовать для крейсерства грузовое судно неожиданно нашло весьма много положительных сторон в сложившихся здесь условиях. Так, за один единственный выход разом решалось несколько задач — доставка рыболовных артелей к местам промысла, попутная перевозка грузов на Сахалин и Камчатку, где можно было выкупить у местных жителей добытые ими за зиму меха, до сих пор не сданные постоянно присутствующим там представителям торговых компаний, а как эпилог — охота на браконьеров. В результате деньги зарабатывались как на рыбном промысле, так и на перевозке с торговлей. Возможные же трофеи хоть и предполагались, все же шли отдельной статьей как приятные неожиданности.

С начала года "Понто-Кэси" оказался первым судном зашедшим в Петропавловский порт, и Лушкову удалось снять сливки, выкупив ценных мехов на тысячу рублей, которые, попав в Европу, могли принести пятикратную прибыль даже с учетом всех транспортных расходов. Здесь же удалось продать по хорошей цене двести тонн угля — половину того, что было принято в грузовые трюмы перед выходом. Остальное же предназначалось для топок судна, поскольку запасы собственных угольных ям были рассчитаны не более чем на 1000 миль среднего хода. А ведь впереди еще были долгие недели крейсерства.

После подписания в 1891 году соглашения между САСШ и Великобританией о запрете промыслов морских зверей в своих территориальных водах и высылки кораблей для охраны лежбищ морских котиков, все множество браконьеров ранее промышлявших у берегов Северной Америки устремились к русским берегам. Вскоре дело приняло такие обороты, что браконьерская добыча морских котиков превзошла легальную в разы, но ни у Сибирской военной флотилии, ни у "Русского товарищества котиковых промыслов" никак не хватало сил охватить как пути миграции этих животных, так и их лежбища. Единственное, чего

удалось добиться — прекратить допуск браконьеров на острова Беренга и Медный путем размещения там вооруженной охраны, но поделаться что-либо со стоящими в нескольких милях от побережья шхунами, с которых действовали охотничьи баркасы, они ничего не могли. Ежегодно, благодаря стараниям немногочисленных русских крейсеров и шхун, удавалось задержать считанные единицы браконьерских судов, при том, что порой их количество доходило до сотни штук.

Вот именно в момент самого начала разгула браконьерского промысла, когда к Командорским островам начинали подплывать для размножения морские животные, на голову английских и американских ловцов удачи свалился вооруженный тремя картечницами Гатлинга, купленными Ивановым вместе с минными катерами, "Понто-Кэси". Вообще, куда более серьезным вооружением могли бы смотреться малокалиберные скорострельные орудия, которые в изрядном количестве имелись в закромах вчерашних добровольцев, но суда находящиеся под торговым флагом не имели права нести артиллерийское вооружение. А вот со стрелковым вооружением дела обстояли куда проще, особенно если оно было приписано не к самому судну, а принадлежало кому-нибудь из команды. К тому же, включение "Понто-Кэси" в список охранных судов Приморского управления охраны рыбных и зверобойных промыслов не только упростило все процедуры регистрации имеющегося оружия, но и позволило им получить столь необходимое право на задержание браконьеров. Как впоследствии оказалось из всего множества министерств и ведомств Российской Империи только у этого филиала Департамента рыболовства имелось право выдавать лицензию дающую право на законных основаниях заниматься фактически каперством, пусть и на строго ограниченных территориях с последующей передачей призов в казну. Впрочем, никто не мог запретить им заявить свое право на бесхозное судно найденное в нейтральных водах. Дело оставалось за малым — найти браконьера пожирнее и убедить его, что жизнь куда ценнее какого-то судна. Единственное, не следовало особо сильно нагнать, ограничившись для начала именно одним судном. Да и отловить несколько браконьеров для сдачи трофеев казне тоже было бы не лишним.

Первым делом, зайдя на остров Беренга, где располагалось село Никольское, они выгрузили товары и провиант, заказ на доставку которого пришел от "Русского товарищества котиковых промыслов" обязавшегося следить за наличием съестных припасов на островах при подписании договора на промысел морских зверей. Большая часть проживавшего здесь населения являлись алеутами, жившими за счет продажи добытых ими шкур в представительство товарищества. Но так же имелось некоторое количество русских, состоявших как на государственной службе, так и являющихся сотрудниками товарищества. Именно от них Лушков узнал о появлении браконьерских шхун и в ответ на многочисленные сетования о невозможности противодействовать им, по причине отсутствия серьезных плавсредств, предложил пробежаться до ближайшего на борту его судна команде охотников. Надо ли говорить, что предложение было встречено на ура?

Какого же было удивление сборной ватаги из охранников и алеутов, когда на борту гражданского судна они обнаружили зачехленные митральезы. Рассказ же моряков об их недавних похождениях и будущей роли в местных водах, сперва, вызвал нездоровый ажиотаж, но после всех разъяснений, особенно тех, что касались возможности поступления на службу в такое интересное пароходство, все разговоры быстро затихли и "волк в овечьей шкуре" взял курс к одному из лежбищ находившихся с противоположной стороны острова.

Американскую шхуну "Каско" без шуму и пыли, как впоследствии выразился Зарин,

удалось взять со спущенными штанами, точнее, вельботами, с которых и осуществлялся отстрел морских котиков на воде. Раскочегарив машину на полную, Лушков, идя на 10 узлах, легко смог догнать бросившую своих охотников и принявшуюся удаляться от острова шхуну, задолго до того как она покинула 30-тимильную зону, запретную иностранцам для всякого промысла вокруг этого острова начиная с 1894 года.

Едва ступив на борт спустившей паруса шхуны, Лушков осознал, что промысел морских котиков ни разу не мирное занятие. Вся палуба, борта и стены надстройки были склизкими от смеси крови и жира покрывавших всё весьма солидным слоем. Впрочем, сами браконьеры тоже куда больше походили на мясников, нежели на моряков. Изгвазданные с ног до головы кровью со слипшимися бородами и волосами, они представляли собой поистине устрашающее зрелище. Во всяком случае, увидь их хоть одна из тех дам, на плечи которых возлагали шубы пошитые из шкур морских котиков, вряд ли хоть одна из них не лишилась бы чувств. Даже успевший повоевать и повидать кровь Лушков с трудом удержал пребывавшую в его желудке пищу от аварийного покидания организма. А вот жившие тем же промыслом алеуты и охотники компании даже глазом не повели от подобного зрелища.

— По какому праву вы открыли огонь по моему судну, мистер! — стоило Лушкову взойти на борт, попытался накинуться на него капитан и владелец шхуны, — Это пиратство! Вас непременно повесят за подобное! — кивнул он головой в сторону расчехленной митральезы, из которой и велась предупредительная стрельба.

— Это вряд ли. — смерив американца несколько брезгливым взглядом, ответил на английском Лушков, — В настоящее время я нахожусь на государственной службе и занимаюсь именно тем, что мне было поручено — охочусь на браконьеров.

— Так и охотьтесь на браконьеров! Мы тут при чем!? Мы не заходили в трехмильную зону и били зверя только в нейтральных водах! — все более распаляясь, принялся размахивать руками капитан шхуны, потихоньку заводя и оставшихся на борту своих матросов.

— Если вы не знали, то в прошлом году между Россией и САСШ был подписан договор о признании суверенными водами Российской Империи тридцатимильной зоны вокруг островов Беринга и Медный. Соответственно, вы осуществляли незаконный бой зверя в российских водах, а потому являетесь браконьерами. И в соответствии с законами Российской Империи, я конфискую шхуну, а вы и ваши матросы отныне находитесь под арестом до проведения судебных разбирательств во Владивостоке. А сейчас я требую сдать все имеющееся на борту огнестрельное и холодное оружие, а также добровольно указать, где находятся шкуры забитых вами морских котиков.

Имейся бы на борту "Каско" побольше людей, и ее капитан, несомненно, предпринял бы попытку воспротивиться приказам русских, но из дюжины человек команды, половина осталась в двух брошенных баркасах, а за каждым оставшимся непрерывно следило вдвое большее количество вооруженных русских и алеут. В результате ему не оставалось ничего иного, как смириться с судьбой. Правда, это не мешало ему, не прерываясь в течение нескольких часов, высказывать все, что он думает о России, ее законах, моряках и конкретно о команде "Понто-Кэси". Угомонился он лишь после того, как получивший молчаливое согласие командира боцман от души приложил говоруна кулаком, лишив того пары зубов, а покачавший головой Лушков посоветовал американцу более не падать на палубу, дабы не убиться раньше времени.

Приняв на борт оба вельбота, которым попросту некуда было деваться и препроводив

еще шестерых американцев к их коллегам по промыслу, Лушков повел взятую на буксир шхуну в Никольское. Отправить ее туда своим ходом не представлялось возможным по причине нехватки матросов, способных управиться с ней. Впрочем, терять бездарно время он тоже не стал и пригласив на беседу уже успевшего познакомиться с кулаком боцмана мистера Мартина, с помощью доброго слова и револьвера выведал у того информацию о судах, вместе с которым пришла к русским берегам "Каско". Особенно сильно наблюдавшему за беседой боцману понравился переход, когда улыбающийся и вежливо говоривший Лушков внезапно рванул американца за волосы и дважды приложив того рукояткой револьвера по голове, сунул дуло этого самого револьвера тому в рот, не переставая что-то неразборчиво рычать. Английским языком он не владел, потому и не мог впоследствии сказать, что именно пообещал отставной капитан 2-го ранга Российского Императорского Флота бывшему капитану и бывшему владельцу шхуны "Каско", что тот сильно побледнел лицом и принялся активно кивать головой. Да и говорить кому-либо о случившемся, он не собирался. Все же невероятно скользкая палуба могла списать любое количество синяков и выбитых зубов. Сам же Николай Михайлович оставил это знание в тайне, мысленно восхищаясь столь простым и в то же время действенным психологическим приемом, который в свое время в числе прочих приходилось отрабатывать под чутким наблюдением господина Иванова. Пусть ему не всегда нравились речи и действия этого странного компаньона Иениша, да и его теперь тоже, но уважать он себя заставил.

К очередному всеобщему удивлению, вместо того чтобы отконвоировать захваченную шхуну в Петропавловский порт, а затем во Владивосток, ее накрепко прикрепили к причалу Никольского и даже заякорили, после чего "Понто-Кэси", едва успев сдать пленных и трофеи, отправился на поиски еще трех шхун, что должны были промышлять у берегов острова Медный. На 8 узлах пароход мог подойти к предполагаемому месту их действия не ранее чем через 12 часов, потому судно встало на якорь у восточной оконечности острова Беринга, чтобы с первыми лучами солнца продолжить свой путь.

Из двух обнаруженных на следующий день шхун, что промышляли у северных берегов Медного, удалось нагнать только одну. Небольшая восьмидесятитонная "Арети" оказалась куда более скромным призом, чем предыдущий трофей, но зато ее груз составлял уже почти две сотни засоленных шкур, что вдвое превышало браконьерский улов "Каско". Экипаж этой шхуны составляли всего десять человек, поэтому каких-либо эксцессов удалось избежать. Переть с кулаками на три десятка вооруженных винтовками и револьверами русских, дураков не нашлось.

Следующие семь дней крейсерства оказались полностью безрезультатными. Если где у Командорских островов и появлялась браконьерская шхуна, то обнаружить ее не удавалось. Зато потом пришедшим балтийцам улыбнулась удача. Придя на отдых в Никольское, они узнали от местных об обнаружении целой флотилии возглавляемой весьма крупной парусно-винтовой шхуной. Конечно, подобное судно не шло ни в какое сравнение с тем, что еще недавно они захватывали у японцев, но в сложившихся обстоятельствах мирного времени трофей обещал быть знатный. И отдавать его казне у Лушкова не было ни малейшего желания. Подобная шхуна весьма пригодилась бы и их активно развивающейся компании для прибрежного плаванья или доставке тех же рыбаков к будущим местам лова. Все же гонять полторатысячетонный "Понто-Кэси" к каждому участку виделось излишне накладным делом, а вот приличных размеров шхуна более чем подходила для этого дела. Дело оставалось за малым — подстроить все так, чтобы ни у кого не возникло вопросов по

поводу законности предъявления пароходством прав на эту шхуну. А потому ее надлежало найти непременно брошенной экипажем и непременно в нейтральных водах.

К превеликому сожалению, для осуществления этих планов пришлось отказаться от помощи местных, которым понравилось охотиться на браконьеров. Все же порой при обнаружении их ватаг на берегу дело доходило до перестрелок с погибшими и ранеными с обеих сторон, а потому какой-либо любви к браконьерам жители острова не испытывали. Лушков же отболтался по поводу нежелания брать помощников тем, что кому-то требовалось присматривать за уже взятыми под арест браконьерами, а также необходимостью приглядывать за шхунами, чтобы те не выбросило на берег или не унесло в море. Отмазка, честно говоря, была так себе, но ничего иного ему в голову на тот момент не пришло. Впрочем, ставить ему что-либо в вину или высказывать недоверие никто не спешил. Все же что бы ни затеял экипаж "Понто-Кэси", так или иначе, они активно боролись с браконьерами, и для местных этого было более чем достаточно.

Прекрасно понимая, что на своих максимальных паспортных 10 узлах "Понто-Кэси" вряд ли сможет поймать паровую шхуну, если у команды той будет достаточно времени на ввод в строй машины, Лушков позволил браконьерам бесчинствовать в русских водах в течение всего светового дня, и лишь когда на море опустилась тьма, вывел свое судно из-за скал восточного берега острова Беренга. Поскольку Никольское располагалось на юго-западной оконечности острова, можно было предположить, что возможных гостей браконьеры будут ждать именно с запада, и при подходе с противоположной стороны у него мог появиться шанс неожиданно свалиться на голову любителей нечестной наживы. Вот только отсутствие каких-либо огней со стороны браконьерской флотилии или берега и скрывающая все на расстоянии вытянутой руки темень не позволили осуществить ночной налет. Пройдя по счислению три четверти расстояния до места стоянки браконьеров, Лушков приказал лечь в дрейф, удерживая положение машинами, до прояснения неба.

С первыми лучами солнца в редком тумане американские моряки смогли разглядеть нечеткий силуэт приближающегося судна. Прекрасно зная, что изредка русские крейсера и шхуны появляются в этих краях, они принялись ставить паруса, но по первой же сдвинувшейся с места шхуне с борта уже хорошо различимого парохода ударили разом две митральезы и прочерченные ими перед ее носом водяные дорожки дали понять, что на сей раз никто с браконьерами шутить не собирается. Тем не менее, капитан "Карлотты" оказался из сильно упертых или сильно непонятливых, продолжая разбег, лишь немного отвернув в сторону. Следом за ним потянулись и остальные, но обрушившийся на стотонную шхуну град пуль заставил их резко передумать. Пусть их промысел и был весьма опасен, умирать не хотелось никому, а то, что русские начали просто убивать, было хорошо видно на примере "Карлотты". Не менее двух сотен пуль впоследствии выковыряли из борта и мачт шхуны. И это не считая тех, что ушли в молоко. Все же в отличие от пулеметов системы Максима, многоствольные митральезы не отличались особой точностью, особенно, на относительно больших расстояниях.

Пострадавшая "Карлотта", "Роус Спакс" и "Савил Тепел" в компании парусно-винтовой шхуны "Пандора" вынуждены были послушно встать на якоря близ лежбища, где они отстреливали морских котиков и принять досмотровые партии. Со всех четырех шхун на борт "Понто-Кэси" свезли шестьсот тринадцать шкур, что свидетельствовало лишь о начале их деятельности у островов, столь внезапно прерванной появлением русского судна. Полтора десятка винтовок и большую часть припасов так же перенесли на борт парохода, после чего

Лушков с Зариным уединились в капитанской каюте с капитаном "Пандоры".

— Лови! — совершенно неожиданно и резко выкрикнул Лушков, кинув в сторону насупленного американца изъятый у него же недавно револьвер. Правда, справедливости ради, надо сказать, что барабан его был пуст, но это уже не играло большой роли, поскольку поймавший на автомате летевший к нему предмет Френсис Уорд тут же оказался на прицеле двух Смит-Вессонов русских. — Обратите внимание, Сергей Апполинариевич, — на хорошем английском произнес Лушков, — наш задержанный за браконьерский промысел гость оказался столь глуп, что предпринял попытку взять нас в заложники, выхватив из внутреннего кармана запрятанный там револьвер. Надо будет непременно сделать выговор команде не выполнившей приказ по отъему всего оружия у задержанных.

— Что все это значит? — процедил капитан Уорд, переводя взгляд с одного русского на другого. Точнее с одного темного зрачка револьверного ствола на его двойника.

— Это значит, мистер Уорд, что сейчас я выстрелю вам в голову в качестве самообороны, а потом отдам своей команде приказ перестрелять всех ваших людей за попытку бунта. И ничего более. — мило закончил объяснять складывающуюся ситуацию Лушков. Все же общение с Иван Ивановичем и его понимание служению отечеству сильно изменили воззрения самого отставного офицера. Скажи ему кто-нибудь еще год назад, что он будет угрожать человеку в целях откровенно пиратского отбора у того имущества, Николай Михайлович сразу же отвесил тому удар. А то и не один.

— Зачем вам это? — очень медленно положив револьвер перед собой на небольшой столик, поинтересовался американец. По выступившим на висках и лбу каплям пота хорошо было видно, что он сильно взволнован, но продолжительная карьера браконьера достаточно закалила его характер, чтобы контролировать свой голос и что более важно — разум, даже в такой ситуации.

— В этом случае мы сможем сказать, что нашли ваши суда без команд в нейтральных водах. А еще лучше представим все так, что это вы друг-друга перестреляли, благо все ваше оружие и патроны теперь находятся в наших руках. — все с той же милой улыбкой на лице пояснил Лушков. — Все же если мы задержим вас как браконьеров, мы не получим ровным счетом ничего, кроме устной благодарности. А вот в случае обнаружения брошенного командой судна, оно перейдет в собственность нашедших. Впрочем, чего это я растолковываю вам прописные истины, мистер Уорд? Вы и сами должно быть знаете их не хуже меня.

— Я прекрасно понимаю, что потеряю судно в любом случае. — старательно подбирая слова, начал говорить капитан "Пандоры", — Но при этом хотелось бы сохранить свою жизнь. Возможно ли нам договориться об этой мелочи, господа? — криво усмехнулся Уорд, поглядывая то на один направленный на него револьвер, то на другой.

— Если у сторон имеется намерение договориться, не вижу ничего невозможного в этом. — впервые с начала беседы подал голос Зарин. — Ведь порой случается так, что в темноте происходит столкновение двух шхун, одна из которых тонет сразу, а вторая получает слишком серьезные повреждения вследствие чего экипаж оставляет ее на произвол судьбы. И еще реже происходит так, что брошенная шхуна обнаруживается и спасается проходившим мимо судном, а бросившие ее моряки на имеющихся баркасах добираются до ближайшего берега. Но ведь случается! Вдобавок, когда происходит нечто подобное, у нас не возникает никакой возможности обвинить таких людей в браконьерстве и отправить их на каторгу. Они ведь не преступники, а просто попавшие в беду моряки.

— Я вас понял, господа. — с трудом выдавил из себя Уорд. — И быть потерпевшим крушение моряком мне нравится гораздо больше, нежели попасть на рудники в качестве каторжника. Но что будет со всеми остальными? Ведь свидетелями факта нашего захвата были экипажи четырех шхун.

— Ну, во-первых, не четырех, а трех. Ведь все ваши матросы являются потерпевшими крушение моряками, о чем вы дадите письменные показания, как только доберетесь до Никольского. А мы за этим как следует проследим. Во-вторых, даже не трех, а двух. Ведь должна же была ваша "Пандора" с кем-нибудь столкнуться. Полагаю, что "Савил Тепел" будет не плохим кандидатом на бесславную гибель. Отведем его подальше, пробьем днище и полюбуемся на ее погружение в морскую пучину. Частная прогулочная яхта "Роус Спакс" дней через пять сможет прийти в Никольское для пополнения припасов, и совершенно случайно обнаружив там соотечественников с погибших шхун, экипаж сможет взять их на борт и доставить на родину. А вот что делать с капитаном "Карлотты" и ее экипажем, я себе пока не представляю. Вот надо же было этому идиоту пробовать от нас убежать!

— Так может их тоже отпустить? — предпринял попытку дать совет Уорд, чтобы потом страсти с идиота Андерса хоть что-нибудь за защиту его шкуры и имущества перед этими бешеными русскими.

— Нельзя. — скривился, будто съел лимон Лушков, — Рыбы засмеют. Он ведь непременно начнет хвастать во всех газетах, что ушел от русского крейсера, отогнав его огнем ружей. Вы, американцы, любите подобные фантастические и горячие истории. А в качестве доказательств произошедшего боя продемонстрирует полученные его шхунной повреждения. Сами понимаете, нам такая реклама, что продемонстрирует нашу слабость, не нужна. И даже ваши будущие вопли, о том, что у вас силой отобрали шхуну русские пираты, нас заботят куда меньше. В последнее время именно нас пиратами называли уже все кому не лень. К подобному мы привыкли, и правительство уже не обращает на эти вопли никакого внимания. Все же служба на "Полярном лисе" принесла нам весьма темную славу. Не находите, мистер Уорд?

— Так вы те самые, кто ободрал японцев до исподнего!?

— Ну, это вы преувеличиваете! Мы с них не то что штаны не сняли, даже в карманах толком не пошарили. — как бы извиняясь за свою нерасторопность, развел руками Лушков. — Но то, что мы не добрали с японцев, мы собираемся поиметь с вас, браконьеров. Пусть вы и не столь ценная добыча, как японские транспорты снабжения, но и подобным добром, что само идет к нам в руки, мы не побрезгуем. Так ведь, Сергей Аполлинариевич?

— Не побрезгуем. — подтвердил слова коллеги Зарин. — А что касается команды "Карлотты", то должны же мы сдать хоть кого-нибудь на каторгу. Сами ведь знаете, как быстро там мрут. — решил еще немного припугнуть американца капитан 1-го ранга, — Так что такого понятия как "лишние рабочие руки" там попросту не существует. Надеюсь, среди спасенных моряков не окажется неблагодарных идиотов, что впоследствии будут давать ложные и противоречащие ранее данным показания о хищническом захвате их шхун русским сторожевым кораблем в территориальных водах империи.

— Что же, господа, я понял, с кем имею дело и осознаю, что со мной и остальными может произойти в случае вашего недовольства.

— Море оно такое. — философски изрек Лушков, — Никогда не знаешь, где и кого приберет.

— Ну вы и актер, Николай Михайлович! — стоило стихнуть звукам шагов

выпровоженного из каюты американца, восхитился Зарин. — Злодей! Истинный злодей! Даже я поверил, что вы со спокойной душой пустите бедолагу на корм рыбам!

— Как же это было муторно. — не поддержал восторг напарника Лушков, — Сергей Аполлинариевич, не считите за труд передать мне бутылочку коньяка. Она там, в тумбочке. — указал он рукой на дверки расположенные рядом с Зариным. — А то нервы что-то расшалились.

— Ну, это не мудрено. — выполняя просьбу коллеги, кивнул капитан 1-го ранга. — Даже мне было тяжело. Что уж говорить про вас. Извольте, Николай Михайлович. — наполнил он две рюмочки и поднял свою в знак салюта. — За наш успех!

— За успех! — принял тост Лушков и опустошил свою рюмку.

— Где же это вы успели так наостриться в актерском мастерстве? — разлив по новой, поинтересовался Зарин.

— Иван Иванович натаскивал во время перехода с Балтики. Как же он называл подобный процесс? — пощелкав пальцами, попытался припомнить какое-то непонятное определение, что дал ему Иванов, — Разводом лохов! Вот! Что бы это ни значило.

— Ну что же, тогда давайте поднимем рюмки за преподавательский талант Ивана Ивановича, поскольку у вас все вышло великолепно. Лично у меня создалось такое ощущение, что вы уже не единожды вели подобные "беседы".

— Так вы правы. — приняв вторую порцию антистрессового, кивнул Лушков, — Иван Иванович, сперва, заставлял меня отрабатывать все перед зеркалом, а после сам играл роли тех, кого я должен был запугивать путем применения всевозможных психологических приемов. Да и не меня одного он втянул в эти занятия. Николай Николаевич тоже прошел подобное обучение. И вы знаете, что самое страшное было в нем?

— Очень любопытно было бы узнать.

— Для самого Ивана Ивановича подобная игра не казалась каким-нибудь неприемлемым действием. Лично у меня создалось такое впечатление, что он искренне верил, что именно так и надо себя вести. Причем, не играть роль, а именно вести! И только убедившись, что мы не сможем заставить себя быть такими, он превратил все в обучение актерскому мастерству. И вообще, каким бы скромным и безобидным ни выглядел Иван Иванович, узнав его получше, я для себя решил, что мало кто на свете будет столь же жестким, как он. Не жестоким, а именно жестким. У меня вообще создалось такое впечатление, что понятие "сострадание" ему чуждо. С одной стороны, он может специально сходить на камбуз, чтобы вынести что-нибудь вкусненькое и покормить на пирсе бродячего кота или пса — сам несколько раз подобное видел, с другой стороны, он так спокойно рассуждает о таких совершенно жутких делах как пытки и уничтожение противников, что мне до сих пор страшно. Правда, сам он после подобных разговоров начинал заливаться смехом и называл себя "диванный вояка", поясняя нам, что таким суровым он может быть только на словах, но ни на деле. Однако, мне хватило того, свидетелем чего я был, чтобы понять — при большой необходимости он притворит свои слова в жизнь, не колеблясь. Пусть не собственными руками. Но приказ он отдаст не раздумывая. Жесткое у него сердце.

Выведя на буксире подальше и утопив самую крупную из парусных шхун, экипаж "Понто-Кэси" организовал пробоину в борту "Пандоры", которую в ту же секунду заделали заранее подготовленными деревянными щитами, после чего выпнув с борта в баркасы и лодки всех американских браконьеров, взял свой трофей на буксир и в сопровождении взятой в качестве браконьера "Карлотты" вновь взял курс к Никольскому. Причем все трофеи

за исключением трех десятков шкурок морских котов оставленных на борту "Карлотты" были перенесены на "Пандору", чтобы предъявить свои права и на эти богатства. Все же шесть сотен шкурок могли принести им не менее шести тысяч рублей. А отказываться от таких денег, дураков не было.

Вообще, экипажу "Понто-Кэси" невероятно повезло с этой группой шхун. Уже сегодня капитаны собирались разделить и действовать самостоятельно, и лишь богатое зверем лежбище заставило их провести два дня в составе флотилии. Потому никому ранее и не удавалось прихватить за крейсерство более одного браконьера. Зато у Лушкова их образовалось целых три, не считая "найденыша", и что с ними делать, было абсолютно неясно. Очень сильно сказывался недостаток немногочисленного экипажа их судна, с которого с большим трудом можно было бы наскрести команду максимум на одну из шхун. А тех под рукой имелось целых четыре! К тому же четыре десятка озлобленных крепких мужиков, могли натворить немало бед в Никольском, все население которого едва превышало полтысячи человек. А ведь при подходе экипажей "Савил Тепела" и "Пандоры" потенциально опасных личностей становилось уже под восемьдесят человек.

В результате, как только появившиеся спустя пару дней в поселении американцы изложили в письменном виде свои злоключения и подписались под показаниями о потере своих судов, Лушков принял решение сворачивать крейсерство, тем более что запасы угля тоже настаивали именно на этом. Взяв на борт всех задержанных, а также пассажиров, которым по тем или иным делам требовалось в Петропавловские порт или Владивосток, небольшой флот покинул остров Беринга. К моменту отбытия полученные "Карлоттой" повреждения решили мучавшую моряков дилемму — кого же брать с собой на буксире. Через пробитые пулями борта она набрала воды и легла на дно у пристани, так что над водой возвышалась только верхняя палуба с мачтами.

Переход к Камчатке показал, что пусть и с напряжением сил, но урезанные экипажи все же способны управляться идущими на паровой тяге "Понто-Кэси" и "Пандорой", имея на буксире по шхуне. Вот только вновь повторять подобный двухдневный опыт, когда каждому члену экипажа удавалось поспать всего по паре часов, никому не хотелось бы и потому в следующий выход требовалось увеличить экипаж, как минимум втрое. К тому же не могло идти речи о перегонке подобным способом и с таким небольшим экипажем всех трофеев во Владивосток.

Задержавшись в Петропавловском порту на пару дней для отдыха, составления предварительных документов, устройства на хранение двух шхун и приема грузов с пассажирами пожелавшими отправиться во Владивосток, Лушков, приняв в кильватер способную идти на машине "Пандору", отправился в обратный путь, увозя в чреве своего судна помимо всего конфискованного с браконьерских шхун еще и их команды. Взять всех задержанных американских моряков, не смотря на малочисленность русского экипажа и опасения возникновения бунта на борту "Понто-Кэси", удалось лишь потому, что некоторые пассажиры согласились поработать кочегарами под присмотром понимающих людей взамен оплаты стоимости билета, а освободившихся матросов приставили в качестве охраны к пойманным браконьерам. Все же далеко не у каждого крестьянина имелись в кармане лишние десять рублей на оплату проезда, если проделать путь можно было бесплатно, да еще и с кормежкой, всего лишь за привычный крестьянину тяжелый физический труд.

Между тем, пока отставники драли холки браконьерам, оставшийся на хозяйстве Иванов, едва успев разобраться с бумажной волокитой, оказался атакован весьма

энергичным и даже несколько настырным молодым человеком примерно его же возраста. В очередной раз заглянув в столь понравившийся ему чистотой и обхождением японский ресторанчик, где в отличие от многих других национальных заведений общепита подавали и привычные русскому человеку блюда, Иван едва не подавился, когда практически над самым ухом кто-то прокричал, — Ну наконец-то я вас смог отыскать!

— Вы это мне? — прокашлявшись и вытерев губы салфеткой, поинтересовался Иван у застывшего рядом с ним незнакомца.

— Конечно вам, сударь! И прошу меня извинить за столь эмоциональный выпад, я не имел ни малейшего намерения прерывать вашу трапезу.

— И, тем не менее, вы ее все же прервали, сударь. — как бы намекая на потребность представиться, Иван сделал ударение на последнем слове.

— Граф Кейзерлинг, Генрих Гугович, лейтенант Российского Императорского Флота в отставке. — коротко кивнул головой неожиданный гость.

— Иванов, Иван Иванович. Просто хороший человек. — привстав со своего стула, зеркально кивнул Иван. — Уж извините, но, будучи гражданином Российской Империи, я в общей сложности прожил в ней всего несколько месяцев, родившись и взрослея в совершенно иных странах, потому не имею представления, как именно необходимо приветствовать русских аристократов. С военными и гражданскими чинами еще куда ни шло, а вот с аристократами совсем никак. Что поделать, там, где я провел большую часть жизни, с аристократами было весьма туго и обучению тонкостям общения с ними, к сожалению, не обучен. — развел руками Иван, мелко мстя пусть и представившемуся, но пока все еще неизвестному молодому человеку, что прервал его обед, — Не желаете составить мне компанию? — тем не менее, указав на стол, поинтересовался гость из будущего, чтобы изобразить вид желания сгладить собственную оплошность. Говорил же ему Иениш, зубрить все тонкости этикета высшего света, но почему-то до них никогда не доходили руки, за что сейчас приходилось краснеть.

— Хм. И такое бывает. — было видно, что слова Ивана не сильно понравились графу, но от каких-либо комментариев он воздержался, благоразумно приняв предложение.

— Так по какому поводу вы изволили меня разыскивать, Генрих Гугович? — дождавшись, когда его гость сделает заказ мгновенно появившемуся рядом с ним официанту, поинтересовался Иван и добавил, — Надеюсь, вы позволите обращаться к вам по имени-отчеству?

— Что же, не вижу в этом особой проблемы, учитывая особенности вашего воспитания. — вновь кивнул граф. — Но дабы в будущем избежать подобной оплошности, к князьям и графам следует обращаться — "ваше сиятельство", а к светлейшим князьям — "ваша светлость".

— Благодарю за краткий и более чем понятный ликбез. — решил не заметить шпильку в свой адрес Иван, у него и без того хватало хлопот, чтобы еще цапаться с каким-то залетным аристократом, — Но все же, что именно подвигло вас разыскивать мою скромную персону?

— Дело. Исключительно дело. Видите ли, во время путешествия его высочества цесаревича Николая Александровича на Дальний Восток я имел честь служить на крейсере "Память Азова" и помимо того, что свел хорошее знакомство с наследником престола, — не увидеть намеков на серьезные связи было попросту невозможно, — узнал о трагической судьбе лейтенанта Дыдымова. Этот воистину отважный человек, не смотря на свою трагическую гибель, указал мне достойный путь приложения сил помимо службы. Уйдя в отставку из

флота, я потратил почти два года на подготовку и создание собственного китобойного предприятия и флота. И честно говоря, был изрядно удивлен, узнав по прибытии во Владивосток, что китобойная фактория Дыдымова совсем недавно нашла новых хозяев, при том, что долгие годы она никого не интересовала. У меня на нее, знаете ли, имелись обширные планы.

— Что же, тут вы абсолютно правы, Генрих Гугович. Совсем недавно оно было выкуплено пароходством "Иениш и Ко", которое я имею честь представлять. Но я так и не понял, в чем же именно заключается дело, ради которого вы разыскивали меня.

— Раз вы не желаете понимать намеков, скажу прямо. Я не знаю, кто вам предоставил информацию о моем скором прибытии и сильной заинтересованности в дыдымовском заводе, но нажиться на моих потребностях вам вряд ли удастся. Пусть люди вложившие в мое предприятие немалые средства не станут раскрывать свое инкогнито, оказывая непосредственное давление на вашу компанию, но сил и возможностей, чтобы осложнить жизнь вашего пароходства, у них и так имеется вдоволь.

— Хм. — усмехнулся Иван в ответ на пышущую скрытым гневом тираду графа. — Я, наконец, понял причину вашего предвзятого отношения ко мне. На вашем месте я тоже, непременно, обиделся бы на всяких ушлых купчиков, решивших заработать легких денег на моей нужде. Вот только вы ошиблись в главном, Генрих Гугович. Пароходство, которое я представляю, не собирается наживать на вас. Китоперерабатывающая база была выкуплена для ее дальнейшего использования по прямому назначению. Видите ли, не только вам и ныне покойному господину Дыдымову пришла в голову идея зарабатывать деньги на морских гигантах. Кто бы что ни говорил, но умных людей в России всегда имелось в достатке. А у умных людей, как говорится, мысли сходятся. Вот и владельцы пароходства решили вложить весьма немалые средства в китобойный промысел. А то, что наши интересы в этом деле сошлись по месту и времени, это всего лишь совпадение. Дурацкое совпадение.

— Значит, продавать мне завод, вы не станете ни при каких обстоятельствах? — излишне резко вздернул подбородок Кейзерлинг.

— Продавать нет. — отложив столовые приборы и в задумчивости посмотрев на своего собеседника, ответил Иван, — Но вот предложить совместную эксплуатацию будем только рады. Я ведь правильно понял, что вы прибыли во Владивосток со своим китобойным флотом, который вы совсем недавно упомянули?

— Именно так. И новейшие китобойные суда норвежской постройки и право на добычу китов в русских водах сроком на 24 года у меня имеются.

— Так это же замечательно! — всплеснул руками Иванов, решив для себя отыграть роль пусть и ушлого, но несколько недалекого человека. — Вы же именно то, что было так необходимо нашему пароходству! Скажите, пожалуйста, Генрих Гугович, во сколько процентов долей вашего предприятия вы оценили бы китоперерабатывающую базу, современный стальной пароход в полторы тысячи тонн водоизмещения и, скажем, сто тысяч рублей ассигнациями, которые завтра же можно было бы пустить в дело развития китобойного промысла?

— У вас имеются достаточные полномочия, чтобы предлагать мне подобные условия? — совершенно неприлично вытаращился на своего собеседника несколько обескураженный граф. А удивляться действительно было от чего. Весь бюджет его начинания составлял 125 тысяч рублей, которые удалось взять взаймы у казны лишь благодаря положению его отца, ставшего одним из совладельцев "Тихоокеанского китового

промысла Графа Г.Г. Кейзерлинга и Ко". Здесь же и сейчас не блещущий дорогими одеждами и прочими реквизитами весьма состоятельного человека индивидуум, походя, предлагал ему сравнимые, если не большие, средства. Будь он с отцом единственными владельцами предприятия, граф непременно согласился бы обсудить столь заманчивое предложение здесь и сейчас. Но дела обстояли так, что за лицензию на промысел китов пришлось взять в долю более чем высокопоставленную особу. И пусть на долю Кейзерлингов приходилось 90 % предприятия и, соответственно, будущей прибыли, без согласия сийательнейшего совладельца, решать подобные вопросы, он не был уполномочен. Впрочем, это не помешало ему поинтересоваться количеством долей, которые желало бы получить пароходство "Иениш и Ко" в лице такого непростого человека как Иван Иванович.

— Нам не нужно руководящее положение. — перво-наперво произнес Иван, выслушав вопрос своего собеседника, — Для нас главное — прибыль и скорейшее развитие предприятия в целях получения еще большей прибыли. Но и заниматься меценатством мы не намерены. Давайте вы скажете честно, сколько уже вложено с вашей стороны средств и во что именно, а я так же честно скажу, какую долю мы ожидаем получить от своих вложений. А чтобы у нас не возникло некоторых взаимных непониманий, сообщаю вам, что главным владельцем пароходства является капитан 1-го ранга Российского Императорского Флота в отставке Иениш, Виктор Христофорович. И я, являясь его хорошим другом, буду действовать только такими методами, что не очернили бы его доброе имя.

— Неужели тот самый Иениш? — справившись с очередным шоком, уточнил граф. Не смотря на сосредоточение на подготовки судов и экипажей, а также более чем трехмесячный переход от берегов Норвегии на Дальний Восток, информация о действиях русских добровольцев под командованием Иениша не прошла мимо него стороной. И информация эта говорила о многом. Особенно, в плане прикрытия Иениша сверху. Ведь крики ряда европейских и колониальных газет призывающие остановить распоясавшегося русского медведя, остались проигнорированными в Санкт-Петербурге. Проигнорированными от слова "абсолютно". Будь это иначе, ни о каком филиале пароходства "Иениш и Ко" во Владивостоке не могло бы быть и речи. И уж тем более о его расширении. — А я, дурачок, еще бравировал перед этим незнакомцем личным знакомством с цесаревичем! — пронеслась в голове графа мысль, заставившая его даже слегка покраснеть от стыда. Ведь если он мог рассчитывать на некоторое прикрытие со стороны наследника престола, сидящий перед ним господин если не прямо, то косвенно находился под протекторатом самого государя-императора.

— Если вы имеете в виду "негодного капера решившего вернуть времена Моргана и Дрейка" — процитировал Иван наиболее понравившуюся ему строчку из одной английской газеты, — то да, это именно он. Проверить же мои слова вы сможете легко. Пусть сам Виктор Христофорович и не появлялся во Владивостоке, бывшие вместе с ним на войне господа офицеры в недавнее время являлись желанными гостями в любом доме.

— А где же они сейчас? — слегка растерянno поинтересовался граф.

— Ушли за добычей. — расплылся в милой улыбке Иван, — Хотят снять сливки, пока водящиеся в наших водах браконьеры еще не пуганные. — а вот теперь его улыбка превратилась в хищный оскал, заставивший собеседника сглотнуть. — Все же в этих водах можно заниматься охотой не только на китов, а господа офицеры в последнее время получили немалый опыт в деле перехвата вражеских судов.

— Вражеских? — немного скованно уточнил граф.

— Ну конечно вражеских! Не могут же грабящие наши воды и берега браконьеры быть нам дружественными. — усмехнулся Иван. — Или вы со мной не согласны?

— Нет, что вы. Полностью согласен. Просто для меня несколько непривычно слышать, как один человек совершенно спокойно рассуждает об охоте на другого человека.

— А вы постарайтесь не воспринимать браконьеров как людей. Воспринимайте их как законную добычу. Куда более хитрую и изворотливую, нежели киты, но добычу. Вот увидите, все сразу станет легче. Но да мы что-то несколько ушли от темы затеянного вами разговора. Готовы ли вы мне раскрыть секрет ваших активов или предпочтете взять некоторое время на размышление?

— С вашего разрешения, я все же возьму перерыв.

— Превосходно! — вновь расплылся в дружеской улыбке Иван. — Это говорит о том, что вы не только умный, но и расчетливый человек. С доверчивым же дурачком мы и сами не стали бы иметь дел, ведь такой человек мог принести больше вреда, нежели пользы.

— Да что же это за человек такой!?! — выйдя по окончании обеда из ресторана, задумчиво пробормотал себе под нос молодой граф Кейзерлинг, — Как актер меняет маски. — Знал бы он, что подобным образом гость из будущего защищался, заставляя собеседника поверить, что является прожженным интриганом, при этом внутренне обливаясь холодным потом, наверное, рассмеялся бы вслух.

Глава 2. Из огня да в полымя

Африка, колыбель человечества — как называли ее ученые мужи. Тысячелетиями она привлекала как великих завоевателей, так и простых авантюристов. Не прошла сия стезя и мимо русских людей, среди которых всегда хватало уникальных способных лишь своей неумолимой энергией творить дела, что впоследствии отражались в истории. Царицынский казак Николай Ашинов, для выдворения которого из Африки французы привлекли боевые корабли; поручик Машков, Виктор Федорович, который первым из русских людей, влезая в огромные долги, не только добрался до Абиссинии, но и положил начало дипломатическим связям двух империй; есаул 1-го Уманского полка Кубанского казачьего войска в запасе Леонтьев, Николай Степанович, который, подхватив знамя Машкова, продолжил его дело. Конечно, скорее всего они были далеко не первыми и не последними подданными российских императоров, кто пытался реализовать себя "открыв" черный континент для Российской Империи. Но они стали именно теми, чьи имена сохранила история.

Впрочем, никто из живших в 1895 году от рождения Христова знать об этом не мог. Никто, включая невероятным образом попавшего в это время простого русского парня с "невероятно редкой" фамилией Иванов. Ну не входили подобные познания, ни в школьный, ни в университетский курс истории. Однако, это нисколько не мешало им творить историю.

Выйдя в запас в 1891 году, Николай Степанович Леонтьев даже и помыслить не мог о том, чтобы вернуться в родной Александровский уезд Херсонской губернии, дабы барствовать там до конца дней своих. Его душа требовала идти вперед, открывать что-то новое, но никак не прозябать в ничегонеделании. Весьма быстро став действительным членом Императорского Русского Географического Общества, Леонтьев через беспокойные земли Персии и Афганистана устремляется покорять экзотическую Индию. Двухлетняя экспедиция оказывается более чем удачной, причем как по мнению Академии Наук, так и Военного Министерства и потому со сбором средств на новую экспедицию — теперь уже на Африканский континент, у Леонтьева проблем не оказалось. И ученым, и военным, и светским и духовным лицам было более чем интересно навести мосты с землями, что еще не пали под пяту колониальных держав. Причем, наряду с государством и церковью имевших немалое желание чинить препоны колониальной и религиозной экспансии Англии, Германии, Франции и Италии, в экспедиции Леонтьева были заинтересованы и многие торгово-финансовые круги, которых европейцы совместными усилиями оттирали от столь лакомого куса, как Африка.

Отправившаяся в 1894 году по стопам Машкова экспедиция официально собиралась для сбора научных сведений и экспонатов, а также прокладывания маршрута в соседний Судан, не официально же ей надлежало установить дипломатические отношения между Россией и Абиссинией, а также помочь последней в создании мощной регулярной армии, способной дать достойный отпор колониальным войскам европейских держав.

Вообще Абиссиния и сама была не лучше колонизаторов. Еще пятнадцать лет назад не было никакой империи, было лишь одно из многих королевств — Шоа, где властвовали потомки легендарного царя Соломона, но с приходом к власти негуса Менелика II началась активная экспансия. Каждый год правитель Шоа организовывал по несколько военных походов, беря под свою руку все новые племена и земли. Причем, такие походы приходилось

проводить даже в земли, что фактически принадлежали Шоа, поскольку местная аристократия далеко не всегда жаждала делиться со своим правителем. А без средств не смогла бы существовать ни одна власть. Новые рынки сбыта, а также налоговые поступления были необходимы не только мировым державам. Деньги, продовольствие, люди — все это было необходимо и местным правителям. Но если многие вожди племен, уходя в очередной набег на соседей, преследовали лишь цель личного обогащения, то куда более дальновидный Менелик II раздвигал границы своей империи еще и для того, чтобы не позволить захватить новые земли не знавшим меры европейцам, что активно начали сужать кольцо вокруг одного из последних оплотов независимости коренных жителей Африки от гнета белого человека. Правда, на практике зачастую выходило так, что гнет своих новых вождей и военачальников оказывался куда страшнее европейского. Особо непокорные племена вырезались полностью — до последнего человека. Те, кто склонял голову, облагались непосильными налогами. Всякий же посмеявшийся вставать на защиту от завоевателей земли предков имел все шансы очутиться в рабстве. Впрочем, справедливости ради нужно сказать, что при Менелике II рабство оказалось ограничено 7-ю годами, что, по сути, соответствовало той же цивилизованной европейской каторге. Ну и применялось подобное наказание лишь по отношению к вражеским воинам.

Впрочем, подобная жестокость в ряде случаев было попросту необходима, поскольку на территориях, что все еще оставались неподконтрольны ни европейцам, ни абиссинцам, вовсю правило бал даже не средневековое, а каменный век со всеми его ужасами, включая человеческие жертвоприношения богам и естественно, каннибализм. Да и от работорговли на таких землях никто не собирался отказываться. Потому, никто не удивился, что научная экспедиция более походила на вооруженный до зубов отряд уходящий в глубинную разведку. Правда, такого понятия, как глубинная разведка, еще не существовало, но вот работа в тылу вражеской армии казачьих сотен была русским более чем знакома. По этой же причине большая часть набранных Леонтьевым людей были из реестровых казаков.

Получив для прикрытия рекомендательное письмо от Французского географического общества, экспедиция прибыла в Джибути, откуда некогда силой выдворили Ашинова и была удостоена просто-напросто шикарного приема. А пока продолжались всевозможные визиты и гуляния, по округе французскими властями вовсю распространялись слухи о несметных сокровищах белого царя, что везла экспедиция негусу Абиссинии.

Естественно, делалось это не ради восхваления щедрости русского императора, а в целях уничтожения экспедиции чужими руками. Прямо запрещать русским проход по своим землям и уж тем более землям принадлежащим местным вождям, французы никак не могли. Но ведь Африка являлась весьма опасным местом, успевшим поглотить не одну сотню, а то и тысячу экспедиций и торговых караванов. Почему бы тогда и этой экспедиции было не пропасть без вести?

Многომесечный переход выжал из людей все силы вплоть до последней капли. Нападения хищных зверей, вечный зной дневных переходов, потребность постоянно быть начеку, дабы не получить отравленную стрелу и естественно десятки небольших стычек с любителями легкой наживы. Лишь военная выучка большей части участников похода, среди которых были не только рядовые, но и отставные офицеры позволила русской экспедиции заранее обнаруживать засады или вовремя замечать ночные вылазки местных воинов. Дальние дозоры на переходах и секреты, в которых так преуспевали казаки, на ночных привалах, раз за разом доказывали свою действенность и необходимость в этих диких краях.

Лишь в марте 1895 года экспедиция добралась таки до Аддис-Абебы, новой столицы разрастающейся близ горы Энтото. Почти месяц стороны прощупывали друг-друга во время многочисленных раутов и многочасовых бесед. Власть имущие с удовольствием проводили время с отставными русскими офицерами, а духовенство с архимандритом отцом Ефремом, благо в составе экспедиции имелся абиссинец знавший русский язык, так что проблем с общением не возникло. И что стало вполне прогнозируемым итогом экспедиции, Леонтьев был принят Менеликом II. Все же когда обе стороны имеют примерно один взгляд на развитие ситуации, всякие мелочи не могут помешать им договориться. Потому уже через месяц Леонтьев на правах военного советника самого негуса принял участие в совещании посвященном грядущей большой войне с итальянцами.

Успев собрать информацию, как о вооруженных силах Абиссинии, так и ее внутривосточной кухне, во время своих встреч с местными аристократами, каждый из которых вдобавок являлся и военным командиром, Леонтьев смог оценить ее возможности и в результате выступил с предложением применить в противостоянии с Италией стратегического плана Михаила Илларионовича Кутузова, который тот применил во время Отечественной войны 1812 года. То есть требовалось позволить противнику углубиться как можно глубже на свою территорию последовательными отступлениями противостоящих противнику войск с целью последующего их соединения воедино с одновременными фланговыми марш-маневрами дабы впоследствии успешно преследовать отступающих итальянцев параллельно маршрутам их движения. А то, что итальянцам ничего не светит, он прочувствовал на собственной шкуре во время перехода от Джибути до Аддис-Абеба. Даже без активного сопротивления вооруженных огнестрельным оружием местных, они с трудом доползли до столицы Абиссинии. Что уж было говорить про тех, кому придется прочувствовать все то же самое, но вдобавок с постоянными обстрелами и партизанскими действиями в тылу. Да и общее количество имеющихся под рукой негуса воинов в 100 тысяч человек внушало уважение. Пусть по сравнению с армиями России, Германии или Франции эти цифры выглядели незначительными, итальянцам должно было с головой хватить и такого. Тем более если удовлетворить просьбу негуса в поставках современных винтовок и артиллерии. Но это уже выходило за границы компетенции Леонтьева, а потому требовалось как можно скорее вернуться на родину и представить отчет тому человеку, который имел все права и возможности для принятия подобного решения. Причем, что немаловажно, представить лично! И от одной мысли, что он удостоится чести быть принятым самим императором, сердце есаула начинало учащенно биться, словно у молоденького корнета перед первым в жизни свиданием с приглянувшейся прелестницей. Одно огорчало Леонтьева — прежде чем говорить "гоп", требовалось потратить немало времени, дабы вновь преодолеть однажды проделанный путь, только теперь в обратную сторону. Путь, что приведет его прямиком в рабочий кабинет Александра III.

С тех пор как Иениш последний раз имел честь присутствовать в этом кабинете, произошло столько событий, что, казалось, минули целые годы. Тем не менее, последнее напутствие от императора он получал всего десять месяцев назад и потому, ни сам кабинет, ни его хозяин измениться не успели. Хотя, Александр Александрович все же, малость преобразился, но в заметно лучшую сторону. Ни болезненного цвета лица, ни былой отдышки, не было и в помине. А искра, проскочившая в его глазах, стоило отставному капитану 1-го ранга появиться в дверях, демонстрировала готовность монарха к новым авантюрам. Тем более что предыдущая осталась безнаказанной со стороны тех, на чье

мнение приходилось обращать внимание даже хозяину земли русской. Пара не сильно громких петиций и протестов не шли ни в какое сравнение с достигнутыми успехами. Пошатнувшаяся после провальной в политическом плане последней Русско-Турецкой войны репутация сделала первые шажки для своего возвращения на прежний уровень, достойный столь большой и великой страны.

И вот в очередной возникшей точке напряжения, где у России имелись собственные интересы, начал разгораться конфликт, в котором, несомненно, следовало помочь союзной державе, но при этом постараться остаться в стороне как государству. Слишком уж зыбкой была там политическая почва, да и интересы мировых держав переплетались в столь причудливый узел схожих целей и противоречий, что развязывать его не имелось ни малейшего желания. Зато возникало желание разрубить, подобно великому древнему тезке. Единственное, о прямом военном вмешательстве Российской Империи не могло идти и речи. Отношения с англичанами и так висели на волоске, грозя в любой момент сорваться в пропасть войны. И даже знания будущего, утверждавшие, что подобного конфликта так и не произошло, не позволяли самодержцу решиться на подобный шаг. Ведь в той же истории, усеченные знания которой он получил, не было ни малейшего упоминания об участии русских войск в войнах на Африканском континенте. А уж такое, человек припомнивший войны во всех концах света, вряд ли мог пропустить, излагая свои знания Иенишу.

Естественно, как только появились намеки на возникновение столь неблагоприятной "ситуации", еще до получения итогов организованной экспедиции, в голову мгновенно пришли мысли подключить к ее разрешению одного владеющего ТАЙНОЙ отставного капитана 1-го ранга, но тот все еще был занят с головой в сокращении поголовья японского торгового и не только торгового флота. Александр III с трудом дождался ранее согласованного сообщения от человека, на которого рискнул сделать ставку и вот теперь лицезрел пусть и отставного, но, несомненно, настоящего военно-морского русского офицера. Отточенная годами, строгими наставниками и самодисциплиной выправка, идеальный китель, на котором невозможно было обнаружить ни единой пылинки, начищенные до зеркального блеска ботинки и твердый взгляд человека не раз успевшего посмотреть смерти в лицо. Да, один вид его посетителя внушал уважение к флоту любому способному оценить человека взглядом. ореол уверенности в собственных силах буквально клубился вокруг Иениша.

— Добрый день, ваше императорское величество. — коротко склонил голову Иениш.

— Здравствуйте, Виктор Христофорович. — выйдя из-за стола, император пожал руку отставного офицера и указал на стоявшие рядом с сервированным всевозможными легкими закусками столиком кресла. — Прошу присаживаться. И обойдемся без чинов. Чай не на приеме.

— Благодарю, государь. — приняв предложение императора, Иениш расположился в одном из кресел.

— Спрашивать о ваших, несомненно, героических похождениях, я не стану. И так, как восхищавшиеся вами люди, так и ярые противники ваших действий, едва ли не ежедневно наперегонки спешили уведомить меня о них. Потому, основные события мне известны, а все интересные детали вы поведаете как-нибудь потом, когда у нас обоих найдется достаточно свободного времени, чтобы провести его на природе в хорошей компании. И я же просил обращаться ко мне по имени отчеству, когда мы общаемся наедине. — слегка попенял он отставного офицера.

— Почту за честь, Александр Александрович.

— Однако, сейчас я позволю себе не называть даже приблизительные сроки, когда это окажется возможным. У нашего государства слишком много хлопот и недоброжелателей, чтобы такие люди, как мы, могли нежиться в неге безделья. — сделав глоток чая и проследив, чтобы гость тоже не забыл об угощении, Александр III продолжил, — Вы несомненно, изрядно вымотались за последнее время. Два дальних перехода через пол мира и полгода войны оставят без сил кого угодно. К тому же, насколько мне известно, недавно ваша супруга родила прекрасную дочурку и сейчас семья нуждается в вашем обществе, как никогда. Все же, в том числе по моей воле, вы были лишены общества друг друга весьма длительное время, посему я не имею никакого права вновь отрывать вас от семьи, едва вы вернулись. Но как император я обязан спросить. Когда вы вновь будете готовы к ратным подвигам?

— Пока я не узнаю хотя бы малейших подробностей, я вряд ли смогу сказать точно, но с учетом ремонта, что потребуется, как моей яхте, так и судам, что пока еще на пути в Кронштадт, ранее конца августа мы точно не сможем выступить куда-либо. Да и то придется изрядно поторопить судоремонтников.

— Что же, это вполне приемлемые сроки. А что касается малейших подробностей, то вашей главной задачей станет доставка оружия и боеприпасов для армии Абиссинии.

— Прошу прощения, Александр Александрович, но, насколько я помню, у Абиссинии не имеется выхода к морю.

— Все верно. Именно поэтому данную работу я желаю предложить именно вам. Будь иначе, все уже было бы подготовлено к отправке. Но сейчас английские и даже французские колониальные власти активно препятствуют оказанию какой-либо помощи Абиссинии с нашей стороны. Вот вам и предстоит продумать маршрут и способ доставки того, в чем испытывает острую необходимость абиссинцы.

— Позволено ли мне будет узнать, о чем именно идет речь?

— Понимаю, что интересуетесь не из праздного любопытства. — усмехнулся император, — Мы готовим к отправке тридцать тысяч винтовок Бердана, девять миллионов патронов к ним, сорок полутораторадийных орудий образца 1872 года с десятью тысячами снарядов. Все это должно придать армии абиссинского императора Менелика II достаточно сил, чтобы противостоять итальянцам, решившим в очередной раз увеличить территорию своих колониальных владений.

— Хм. Для доставки в ближайший к Абиссинии порт мне вполне хватит собственных судов. — в задумчивости пригладил свою бородку Иениш, припоминая карту побережья Красного моря. — Но, насколько я понимаю, ни англичане, ни французы, ни тем более итальянцы не позволят мне спокойно разгрузиться и продолжить путь. Интересную вы ставите нам задачу, Александр Александрович. Я непременно обдумаю, каким наилучшим образом выполнить ее. Не подскажите крайние сроки доставки вооружения?

— В ноябре все уже должно быть передано армии императора Менелика II.

— Что же, времени для подготовки не столь много, как хотелось бы, но должно хватить. Со своей стороны я бы просил вас никому более не сообщать об участии моей компании в данном мероприятии. Даже те, кто будут отгружать нам с арсеналов вооружение, не должны иметь ни малейшего представления о наших персонах. — что-то, а лекцию о важности разведки и контрразведки прочитанную ему Ивановым капитан 1-го ранга воспринял более чем серьезно. К сожалению, подобных служб способных похвастаться серьезными штатами

и масштабами работ в Российской Империи не существовало. Да, были дипломаты, которые собирали сведения в странах своего нахождения. Но зачастую информация ими бралась из открытых источников и была откровенно малопригодна для сколь-либо значимого планирования. Да, у армии и флота были собственные агенты или отправленные в командировки офицеры. Но по сравнению с тем, что будет твориться уже через несколько десятилетий, все это выглядело возней детишек в песочнице. Соответствующий был и выход информации. Лишь там, где на местах сидели действительно талантливые и заботящиеся если не о своей стране, то хотя бы о собственной карьере люди, дела обстояли несколько лучше, чем в среднем по больнице.

— Опасаетесь утечки информации? — усмехнулся император, — Правильно делаете! Слишком много при дворе появилось радетелей иностранных интересов. И даже факт нашей беседы вскоре станет известен дипломатам всех заинтересованных держав. Потому, не обижайтесь, но официально я буду вынужден высказываться о вас исключительно нелицеприятно, а сегодня, под конец нашей встречи, даже наорать на вас и выставить вон из кабинета. Пусть для всех вы вновь окажетесь в опале, как человек, взявший на себя слишком многое. По данной причине срок нашей беседы весьма ограничен.

— Надеюсь, это никак не скажется на судьбе моей семьи и будущей карьере моего сына, Александр Александрович? — быстро допив чай и протерев кружку салфеткой, под удивленным взглядом императора, поинтересовался Иениш. — Вряд ли вы стали бы чаевничать в компании с поставившим вас в, мягко говоря, неловкое положение человеком, — с небольшой улыбкой объяснил свои действия он, под понимающих хмык венценосного собеседника.

— Ни в коей мере. Ведь сын за отца не в ответе. Я прослежу, чтобы ни один излишне ретивый радетель интересов государства российского, не посмел каким-либо образом повредить вашему сыну. Правда, вашей супруге придется не сладко. В последнее время она стала вхожа в определенные круги, которые могут отвернуться от нее. Надеюсь, мои личные извинения за будущие неудобства позволят Марии Алексеевне пережить их без лишних волнений.

— Моя супруга весьма умная и рассудительная женщина, Александр Александрович. Она, несомненно, поймет необходимость подобного шага.

— Она обидится, Виктор Христофорович. В том числе на меня. И правильно сделает. Ведь я, по сути, специально порушу вашу репутацию. Но долг императора состоит в том, чтобы принимать тяжелые решения. Правда, моя любезная Дагмара постарается сгладить ситуацию, пригласив вашу супругу для осмотра находок с "Фрау Марии", что уже выставлены в Зимнем дворце, когда Мария Алексеевна уже полностью сможет доверить вашу новорожденную дочь кормилице. Кстати, — пройдясь к своему рабочему столу, император вытащил из одного из ящичков покрытый бархатной тканью футляр и вернувшись к собеседнику, протянул его Иенишу, — я тут осмелился приготовить небольшой презент вашей доченьке. Надеюсь, ей придется впору.

— Благодарю, Александр Александрович. — открыв футляр и полюбовавшись на тончайшей работы нательный крестик, склонил голову Иениш, — Это воистину прекрасный подарок.

— Я рад, что вам понравилось. Ну а в качестве извинения непосредственно перед вами, я прошу принять данные бумаги. — Иениш с удивлением обнаружил в руках императора кожаную папку, взявшуюся непонятно откуда. — Памятуя о вашем желании активно

развивать рыболовную и зверобойную отрасль на Дальнем Востоке, и учитывая мою благосклонность лично к вам и к тому делу, что вы затеяли, я, тем не менее, обязан был принять во внимание интересы прочих граждан нашей родины. Не одни вы стремитесь преуспеть в подобном начинании и потому предоставить вам монопольные права, я не имею никакой возможности. Многие люди уже десятки лет развивают в тех суровых краях свое дело, и обижать их, в одночасье лишая дела всей жизни и единственных источников доходов, никак неуместно. Надеюсь, вы со мной согласны?

— Естественно, Александр Александрович. — кивнул Иениш. Впрочем, иного ответа на вопрос самодержца и не подразумевалось. Разве что откровенный дурак мог ляпнуть что-либо против.

— Впрочем, всякий труд должен быть вознагражден по заслугам. — тут же продолжил император, — Потому, во-первых, учрежденное вами пароходство получает льготный в налоговом плане период сроком на 5 лет на всю рыбодобычу в дальневосточных водах. Полагаю, этого срока вам будет более чем достаточно, чтобы крепко встать на ноги. Непосредственно сами льготы заключаются в том, что рыболовные участки на Камчатке вы сможете получать в свое пользование совершенно бесплатно, а за аренду участков на Сахалине цена для вас будет составлять четвертую часть от действующих тарифов. К тому же, торговля всей добытой вашими силами рыбой в течение этого же срока не будет облагаться налогами. Я настоящим оказываю вам высокое доверие, и надеюсь, вы с компаньонами с умом отнесетесь к данным привилегиям. — насколько смог, император сгладил свое предупреждение о недопустимости чрезмерной наглости в плане торговли морепродуктами, что могли быть добыты другими. Все же с тех отчислений пополнялась казна, а годовой бюджет империи и так все последние годы находилась в состоянии дефицита. Учитывая же то, что ради не допущения японцев в земли континентального Китая срочно пришлось брать очередной кредит в 75 миллионов золотых рублей, вопрос налоговых отчислений становился еще более острым. Впрочем, благодаря действиям экипажа "Полярного лиса" и солидному количеству русских кораблей близ берегов Японии, последнюю удалось весьма сильно подвинуть в вопросе денежной компенсации за отказ от Ляодунского полуострова. От первоначальных 700 миллионов лян, сумма, сперва, опустилась до 450 миллионов, а после нажимов европейских и русских дипломатов упала еще вдвое. Естественно, у самой Империи Цин подобных средств не имелось, и скинуться на контрибуцию пришлось России, Германии и Франции, естественно заняв, в свою очередь, эти деньги у банкиров. — Через пять же лет за вами останется право первыми выкупать рыболовные участки на Камчатке, но уже по полной цене. Срок действия подобного права составляет 20 лет. Как вы сами понимаете, отдать вам столь большие права навечно я также не имею права. Однако, с этих промыслов вы сможете получать солидные прибыли еще не скоро, а чтобы не отбить у вас желание обустраивать наш Дальний Восток, начиная с 19 февраля 1896 года, вы получите 25 % доли в "Русском товариществе котиковых промыслов", которые большей частью и страдают от всевозможных браконьеров. Учитывая же наличие у вас судов, что в любом случае будут отправляться к тем краям для охоты на браконьеров, вы можете договориться со своими будущими компаньонами об использовании их для перевозки съестных и прочих припасов для обеспечения местных жителей и потребовать взамен ту компенсацию, что ежегодно выделяет казна как раз под эти цели. А ведь это пятнадцать тысяч рублей, лишь малая часть которых идет непосредственно на закупку припасов. Большая часть съедается как раз затратами на доставку. В вашем же случае эти

средства могут идти как раз в ваш карман. Вовсяком случае, мне подобное видится более чем разумным. Полагаю, я смог удовлетворить высказанный вами в прошлом запрос?

— Более чем, Александр Александрович. О большем я бы и не смел просить.

— Может быть, имеется что-нибудь еще, чем я бы мог вам угодить? — имея солидный опыт общения с интриганами всех мастей, император легко разглядел желание своего собеседника попросить что-то еще и потому сам подтолкнул Иениша к продолжению разговора. Все же у него постоянно кто-то что-то просил — будь то титулы, должности, деньги, права, так что он успел привыкнуть к подобному. Здесь же и сейчас рядом с ним находился человек, который действительно заслужил право на озвучивание своей просьбы. — Говорите, Виктор Христофорович. Не стесняйтесь.

— С вашего дозволения, помимо разработки морских ресурсов мы желали бы организовать добычу угля в тех же краях.

— Достойное желание. — благосклонно кивнул император.

— Пока я находился в пути, мои компаньоны изучили данный вопрос и выслали телеграмму на мое имя, с коей я смог ознакомиться по прибытии домой. Хотя телеграмма и была изрядно большой, все же отразить в ней все реалии не представляется возможным, потому там находилась лишь сухая выжимка того отчета, что смогли подготовить во Владивостоке.

— Так, так. Очень интересно. — предложил своему гостю продолжать повествование император, увидев, что тот несколько замялся.

— Примерно в сотне верстах от Владивостока, если мерить по прямой, располагается Сучанский угольный разрез. Понимаете, добываемый там уголь если и уступает английскому кардифу, то сравним с их же ньюкаслем, а то и превосходит последний. Его же можно будет поставлять не только для нужд нашего флота, перестав переплачивать огромные деньги за перекупаемый в Японии кардиф, но и продавать тем же Японцам, Немцам, Французам, Китайцам, со временем изрядно потеснив европейцев на всем дальневосточном рынке. Естественно, для этого потребуются годы и миллионные вложения, но в этом нет ничего невозможного. Сейчас же его уже несколько лет разрабатывают преступно медленными дедовскими способами, а возят к ближайшей бухте на обычных телегах по лесным тропинкам! Тот факт, что в прошлом году добыли всего 180 тонн, может говорить только о намеренном вредительстве. У моих компаньонов сложилось мнение, что за его разработку взялись либо те, кто попытался взять ношу не по себе и надорвался, либо те, кто заинтересован в процветании английских и японских поставщиков угля и намеренно тормозит развитие рудника всеми доступными способами, осуществляя мизерную добычу лишь в показательных целях. А ведь свой качественный и относительно недорогой уголь — это стратегическое сырье, что могло бы дать толчок к развитию всего Дальнего Востока. Ведь и грузоперевозки и применение машин на производстве сразу же станут куда выгоднее, нежели сейчас. И я уже не говорю о закрытии потребностей упомянутого мною ранее флота!

— Разберемся, Виктор Христофорович. — весьма недобро сверкнул глазами Александр III, — И если все окажется именно так, как говорите вы, право на разработку рудника будет передано вам. Но учтите, за развитие этого поистине стратегического направления отвечать будете головой.

— Согласен. — кивнул Иениш.

— А я в вашем ответе и не сомневался. — хмыкнул довольный император. — Что же касается самого главного вопроса, а именно устройства частного охранного флота, то здесь я

буду вынужден вас огорчить. Я не могу позволить существовать любой подобной организации в пределах Российской Империи, поскольку она непременно будет подпадать под закон о противодействии каперству. Но и оставлять вас ни с чем, я тоже не собираюсь. Вы наглядно показали, что в некоторых делах требуются негосударственные силы, способные активно влиять на ход событий. Потому, вам и впредь не будет вменяться в вину добровольное участие в боевых действиях. А между войнами, дабы не терять хватку, вы сможете гонять тех же контрабандистов и браконьеров. По моему приказу были собраны все необходимые материалы и в результате были найдены два возможных пути вашего дальнейшего существования как военно-морской силы. Вот в этих папках все описано весьма подробно, — достав еще пару папок, император передал их Иенишу, — и вы впоследствии сможете углубленно ознакомиться с ними, а пока я вам расскажу все в двух словах. Первый путь — это заключение договора с Приморским управлением охраны рыбных и зверобойных промыслов о мобилизации ваших судов для оберегания наших дальневосточных границ от посягательств браконьеров. Из-за множества бюрократических процедур вышло так, что в настоящее время только данное управление имеет право выдавать, как частным лицам, так и частным пароходствам, лицензию на ведение охранной деятельности и борьбу с браконьерами в соответствии с Общими правилами рыболовства от 1884 года. Правда, условия конфискации в этом случае вряд ли придутся вам по душе, поскольку все задержанные суда и прочее имущество задержанных переходят в ведение казны. Да и артиллерийское вооружение подобным судам не будет дозволенно иметь.

— Да, в настоящее время мои оставшиеся на Дальнем Востоке компаньоны как раз и действуют от лица этого самого управления. — счел нужным оповестить императора Иениш, когда тот сделал перерыв, дабы отпить немного чая.

— Вот даже как!? — искренне удивился самодержец, — Не знал. И как результаты?

— Пока я не располагаю подобной информацией. На момент моего прибытия в Санкт-Петербург наше судно еще не вернулось из крейсерства. — развел руками Иениш.

— Ну, учитывая ваши успехи на ниве перехвата японских транспортов, я более чем уверен, что без достойной добычи ваши компаньоны не вернуться. — усмехнулся император. — Вот только до внесения в действующий закон правок о выплате вознаграждений экипажу задержавшего браконьера судна, их действия принесут вам исключительно убытки. Я планировал применить к нему те же нормы, что указаны в принятом в этом году для Российского Императорского Флота призовом праве. Но тут потребуется время. Впрочем, у нас на любое крючкотворство завсегда требуется потратить немалое количество времени. — судя по тону, это самое крючкотворство успело изрядно попортить нервы императору за годы правления.

— Зато, хоть успеем провести разведку и ознакомимся с будущим театром боевых действий, чтобы уже со следующего года взяться за них всерьез.

— Что же, не мне вас учить, как правильно воевать на море, Виктор Христофорович. Не да мы слегка отвлеклись, а время идет. Второй способ — это учреждение "Добровольного охранного флота", как составной, но при этом обособленной, части "Добровольного флота". Данный флот наделяется правами пограничной стражи и Российского Императорского Флота в деле охраны побережья Российской Империи, как в мирное, так и военное время. Корабли и суда флота имеют право нести артиллерийское и минное вооружение, а моряки — огнестрельное и холодное оружие. Но только когда корабль или судно находится под Андреевским флагом. А таковой у вас будет право подымать исключительно во время

крейсерства. При подъеме же торгового флага, все тяжелое вооружение придется снимать и хранить в трюмах. Все суда, захваченные за браконьерство в территориальных и приравненных к ним водах, контрабанду и иную противозаконную деятельность совершаемую против интересов Российской Империи, вместе со всем грузом и иным находящимся на борту имуществом переходят, после вступления в силу решения суда, в собственность казны, но поскольку корабли "Добровольного охранного флота" будут находиться под Андреевским флагом, на них сразу же будет распространяться призовое право, в соответствии с которым три четверти от вырученных с продажи конфискованного имущества средств, будут полагаться экипажу. Здесь, конечно, тоже придется подождать с оформлением всех необходимых документов, но зато у вас появится право на владение и применение тяжелого вооружения. К тому же, никто не будет вам, как владельцу пароходства "Иениш и Ко", мешать сдавать свои суда вместе с экипажами в аренду "Добровольному охранному флоту", а при возникновении необходимости забирать их со службы для решения более насущных проблем, возникни таковые. Естественно, все процедуры потребные для такового действия весьма обширно расписаны, и вы сможете с ними ознакомиться чуть позже.

— Исключительно ради возможности оперировать артиллерийским вооружением я могу сказать прямо сейчас, что второй вариант мне видится куда более подходящим. Я естественно очень тщательно ознакомлюсь с данными документами, — Иениш положил ладонь на папки, — но чтобы не терять зря время, я осмелюсь попросить еще об одной услуге.

— Я вас внимательно слушаю.

— Так случилось, что за время хода Японо-Китайской войны мы стали обладателями, как немалого количества артиллерийского вооружения, так и боеприпасов к ним. Причем, к концу ведения боевых действий сложилась такая ситуация, что, либо у нас остались орудия без снарядов, либо снаряды, для которых не нашлось орудий. Естественно, нам, как частным лицам, никто вооружение не продаст. Потому я просто обязан узнать, возможен ли заказ интересующих нас вооружений через Инженерное ведомство или Адмиралтейство. Так же при наличии подобного вооружения на складах нашего флота, мы будем готовы выкупить его или получить в качестве оплаты за будущую работу. Во всяком случае, мне точно известно, что некоторые орудия, закупавшиеся в свое время у господина Круппа для вооружения пароходов Доброфлота, нам могут подойти. Для Российского Императорского Флота они являются не стандартными, внося свою лепту в ту чехарду артиллерийского вооружения, что имеется на флоте, и по сути лишь занимают место на складах, а нам очень могут пригодиться в будущем.

— Сможете подготовить список? — идея отдать устаревшее, в виду перевооружения на скорострельные орудия, вооружение вместо живых денег пришлась императору по душе.

— Он уже готов, Александр Александрович. — обрадованный не менее собеседника Иениш мгновенно сунул в руки императора очередную папку.

— Посмотрим, что будет возможно сделать с этим. — кивнул хозяин кабинета. — Ближайшую неделю никто вас трогать не будет, так что проведите ее спокойно со своей семьей. А вот после, не обессудьте, но вам придется начинать вникать в тонкости и детали нового задания. Неделю назад у меня состоялась встреча с посольством абиссинского императора, на которой были достигнуты определенные договоренности. Сейчас они все еще полным составом находятся в Санкт-Петербурге, но вскоре частично отбудут, дабы

донести информацию до своего правителя. Вместе с ними должен будет убить человек, с которым вам непременно необходимо пообщаться. Можно сказать, что он ваша сухопутная копия, Виктор Христофорович. — усмехнулся император, — Такой же авантюрист и так же собственными делами доказал неоспоримую потребность в нем и его талантах государства российского. У него, естественно, имеется своя роль, но и вам подсобить он сможет. Знакомьтесь, — выудив очередную папку и раскрыв ее, император представил на обозрение гостю фотографию обсуждаемой персоны, — Леонтьев, Николай Степанович, есаул в запасе. Он навестит вас через неделю и представит контактное лицо, через которого мы будем держать связь. Если вопрос с вооружением успеют рассмотреть в течение недели, его компаньон, в числе прочего, принесет вам ответ. Ему же, компаньону господина Леонтьева, вы сможете передать ваши мысли по поводу проведения оговоренной нами операции. — приняв назад и отложив папку поверх полученных ранее, он вновь повернулся к собеседнику.

— И последнее, ваше императорское величество. — перешел на официальный тон Иениш, — Я бы желал просить, не давать ход делу о гибели крейсера 1-го ранга "Витязь". Точнее, я смиренно прошу не накладывать на Сергея Аполлинариевича штраф за гибель вверенного ему корабля. Все же у не обладающего какими-либо активами капитана 1-го ранга ни при каких обстоятельствах не сможет обнаружиться полтора миллиона рублей на его оплату, а потому единственным шансом спасения от разорения и бесчестия семьи будет для него добровольный уход из жизни. То, что произошло с "Витязем", изменить уже невозможно. И в какой-то мере он действительно виноват. Но терять отдавшего столько лет службе человека. Очень опытного человека! Это... неправильно. — совсем уж смутился под конец своей проникновенной речи Иениш, но, собравшись с силами, все же выдержал тяжелый взгляд монарха.

— Тоже посмотрим. — побарабанив пальцами по столу, коротко произнес император. Поднявшись со своего кресла, тем самым давая понять, что беседа окончена, он протянул руку для прощания со своим гостем, — Отдыхайте, набирайтесь сил, ремонтируйте свои корабли и готовьтесь к намеченной цели. А теперь, давайте ка продемонстрируем всем заинтересованным лицам наши с вами актерские способности...

По причине малого возраста дочери, Мария Алексеевна сочла убедительными слова супруга о невозможности выезда всей семьей на отдых хотя бы в Крым, но от съема летней дачи Виктору Христофоровичу отвертеться не удалось. Правда, прозябать на ней в синекуре и ничегонеделании у Иениша никак не выходило. Сперва, пришлось заниматься окончательными расчетами с экипажем и скорейшим направлением Георгия Федоровича Керна в командировку к немецким судостроителям, в чьи умелые руки заранее было решено отдать "Полярного лиса" для капитального ремонта славно потрудившегося мелкого хищника. После пожаловали озвученные императором господа, и полученная от них информация заставила Иениша едва ли не драть на голове волосы, поскольку времени имелось всего ничего, а сделать предстояло много. И это при том, что места его будущих геройств действительно были гиблые и труднопроходимые. Точнее, не само побережье, а территории, через которые предстояло, как получать подкрепление, так и отправлять караван с вооружением. Но что еще хуже, Леонтьев убывал менее чем через неделю и сильно сомневался, что у него впоследствии появится время встретить и проконсультировать моряков уже на месте. Хорошо еще, что удалось договориться о превентивных мерах по подготовке необходимых сил и сборе данных по противостоящим силам. Так что капитану 1-

горанга в отставке вскоре предстояло озаботиться еще и поиском знатока, что мог бы помогать ему по мере сил в общении с местными. Конечно, с ним в путь должен был отправиться принц Дамто, как представитель негуса, и один из немногочисленных переводчиков посольства. Но Иенишу требовался свой, русский человек, который в случае необходимости мог объяснить все корректно. А то, что эти необходимости возникнут в случае вооруженного противостояния, он нисколько не сомневался. Не успела голова поболеть от новой проблемы, как, одна за другой, начали поступать телеграммы с Дальнего Востока, что требовало от отца семейства едва ли не ежедневных визитов на телеграф. И пусть переписка влетала в копеечку, а сообщения шли по несколько дней, подобная связь была лучше, чем ничего. Во всяком случае, он узнал, что их начинания смогли принести первые результаты, а пароходство почти за бесплатно обзавелось еще одним судном, увеличившим число вымпелов до семи, не считая все еще принадлежащего лично ему "Полярного лиса". Правда, пришлось исключить из списков "Шмеля". Этот привет из будущего по прямому приказу императора был передан Иенишем компаньону господина Леонтьева, вместе с которым тот появился на пороге его квартиры спустя неделю после встречи с императором, о которой до сих пор судачило высшее общество. Причем, как впоследствии узнал Иениш, приходивший с есаулом господин состоял на действительной службе и носил на плечах погоны полковника Отдельного корпуса жандармов. Стоило ли говорить, что после состоявшейся передачи катер попросту исчез. Кто, когда и куда его увел, выяснить не удалось, да и не особо пытался отставной капитан делать это. Так, поспрашивал для порядку у старожил яхтклуба, в одном из гаражей которого хранился "Шмель", но ничего не узнав, бросил это дело. Решили обойтись в деле изучения технологий будущего без него — ну и ладно. И без того дел виделось невпроворот, чтобы еще отвлекаться на опасный самим фактом своего существования катер. И как ни странно, это действие вкупе с составлением доклада на высочайшее имя по проведению грядущей операции и получения дозволения наведаться в арсеналы Балтийского флота для отбора потребного вооружения, окончательно поставили крест на семейном отдыхе. Да и отработавший на отлично Керн не остался в стороне в деле прерывания заслуженного отпуска своего дорогого начальства, выслав телеграмму о необходимости скорейшего перегона минного крейсера в Эльбинг для постановки его в док. Естественно, Мария Алексеевна не сказала ничего. Все же она была истинной супругой истинного военного моряка и прекрасно знала, что, не смотря ни на что, она и дети безумно любимы главой семейства. Потому, не было скандалов, каких-либо порицаний или давящих на нервы молчаливых вечеров. Она уже давно приняла тот факт, что у ее супруга, помимо обязательств перед семьей, имеются никак не меньшие обязательства перед Россией и потому всеми способами пыталась поддержать свою вторую половинку, прекрасно видя, как не легко ему приходится, за что в ответ получала не только искреннюю благодарность, которую, прожив столько лет вместе, она могла разглядеть даже в мимолетном взгляде мужа, но и столь редкую, однако, от того не менее желанную ласку.

Не прошло и месяца после показательного изгнания из кабинета императора скандально прославившегося отставного капитана 1-го ранга, как ни разу не отдохнувший и лишь слегка посвежевший Иениш появился на пороге здания Императорского Русского Географического Общества расположенного в Санкт-Петербурге. Где, как не в сосредоточении знаний о самых дальних уголках мира, можно было найти информацию, а то и специалиста по землям, у берегов которых вскоре предстояло действовать его эскадре? Да, теперь уже эскадре пусть и разбросанной не только по миру, но и владельцам.

Дни, проведенные в библиотеке и в беседах с членами географического общества, позволили не только, насколько это было вообще возможно, ознакомиться с театром будущих военных действий, но и найти человека, чье участие могло в разы облегчить выполнение задания императора. Скромный дипломат, назначенный в прошлом году секретарем российского консульства в Багдаде — Виктор Федорович Машков стал именно тем человеком, который, благодаря своей настойчивости и даже упертости, положил начало официальным отношениям между правителями двух империй. Не оцененный по достоинству своим армейским командованием, но мгновенно прибранный к рукам разглядевшими немалый талант мидовцами, он был вынужден сменить мундир поручика на таковой титулярного советника. И не выживи часть экипажа броненосной лодки "Русалка", Машков смог бы построить неплохую карьеру дипломата. Однако, дело, с которым вскоре собирался навестить его Иениш, в очередной раз грозило серьезным поворотом судьбы этого неординарного человека. Но, сперва, требовалось слегка обчистить склады бывшего родного флота, доставить на немецкую верфь "Полярного лиса" и разобрать с забитой всевозможным вооружением и прочими трофеями "Находкой", что буквально на днях пришла в Кронштадт. Хорошо еще, что успели вовремя дать телеграмму в Суэц и возвращавшийся после заброски будущих членов экспедиции Иванова в Лоренсу-Маркиш "Владивосток" оказался именно там, где нужно — в водах Красного моря. Причем, оказался там с тем грузом, что должен был обеспечить успех запланированной Иенишем операции. Вообще, покинув общество императора, отставной капитан 1-го ранга еще и сам не знал, как именно будет осуществлять порученное дело. Но всплывшие в голове слова гостя из будущего о проблемах, что имела при переходе 2-я Тихоокеанская эскадра, заставили его крепко задуматься о необходимости создания базы, где русские корабли могли бы не только пополнить запасы топлива, но и произвести хоть какой-нибудь ремонт, не говоря уже о возможности дать экипажам отдых. Все же, положив руку на сердце, условия обитания нижних чинов на кораблях флота следовало признать откровенно ужасными. Не зря ведь командир любого вернувшегося из длительного похода корабля подавал рапорты о "не вынесших трудностей службы" и "отправившихся искать счастья в чужих землях", что в переводе с официального на русский означало — умерших на корабле от отравления, болезни, перегрева, переохлаждения и много чего еще, а также дезертировавших в иностранных портах. Люди были готовы отказаться от своей прошлой жизни и оказаться в незнакомой стране без знания языка лишь бы не возвращаться обратно на службу. И это в условиях мирного времени! Так что если не исправить существующие реалии обитания, то хоть дать людям возможность отдохнуть после длительного перехода, было необходимо. Сопоставив же будущую потребность флота и поручение императора, Иениш решился на авантюру, которую из всех знакомых мог бы одобрить разве что Иван Иванович. Естественно, разработать за считанные часы план будущей операции было бы не реально, но вот дать телеграмму Протопопову ему ничто не мешало. В крайнем случае, отправил бы следом еще одну с приказом продолжать путь. И надо сказать, спонтанное решение Иениша насчет отправки телеграммы возникло более чем вовремя, поскольку "Владивосток" пришел в Суэц всего через два дня, после ее получения местным телеграфом. И вдвойне повезло, что Суэц был одним из шести портов, в которых еще в Шанхае договорились проверяться как раз на случай направления срочных донесений. Не сумей Иениш перехватить судно там, отправлять их обратно пришлось бы от берегов Франции. Как бы ни хотелось поставить "Владивосток" да и "Находку" тоже на переборку изрядно потрудившихся машин, а также

чистку и окраску корпуса, сложившаяся ситуация диктовала иные условия. По причине невозможности использования в ближайшие месяцы "Полярного лиса" в качестве боевой единицы, вся тяжесть предстоящего ложилась на плечи двух пароходов и их команд. Впрочем, поставленный на должность вербовщика новых людей боцман уже докладывал, что тысячи рублей в карманах вернувшихся из похода моряков минного крейсера лучше любых зазывал привлекали желающих подзаработать пусть и с некоторым риском для жизни. Все же отставных моряков, которые не смогли найти себе достойного места на гражданке, в Санкт-Петербурге имелось вдоволь.

Справедливости ради стоило сказать, что полностью списывать со счетов "Полярного лиса" было никак нельзя. Все же он как был, так и оставался минным крейсером, не смотря на полностью демонтированное вооружение, включая минные аппараты снятые еще в Шанхае и упокоившиеся, среди прочего, в трюме "Владивостока". Но уже на подходе к Гибралтару окончательно скончался второй котел носового котельного отделения вслед за своим погибшим в бою собратом, так что последние три тысячи миль пришлось идти на всех оставшихся четырех котлах, чтобы поддерживать скорость в 12 — 13 узлов. Естественно, для котлов отслуживших уже десять лет и потрудившихся не меньше своих ушедших в мир иной собратьев подобный забег не прошел бесследно, и если у капитана корабля не имелось желания впоследствии ползать на жалких 8 — 9 узлах, всю начинку обоих котельных отделений требовалось менять подчистую. Огорчало, что в России подобные работы могли затянуться на многие месяцы, да еще и влететь в копеечку — все же русское судостроение считалось одним из наименее эффективных в плане удержания конкурентоспособных цен на свою продукцию и поддерживалось большей частью заказами от казны. Так что частникам куда выгоднее было обращаться к тем же немцам или англичанам, если их суда сохраняли достаточный запас прочности, чтобы доверфрей наиболее технически развитых стран. Но даже в такой ситуации отечественные судостроители никогда не простаивали. Правда, это была не их заслуга. Скорее, это была их беда. Весьма ограниченное количество эллингов и сухих доков, а также страшнейший кадровый голод всюю делали свое грязное дело, неминуемо сказываясь на качестве работ и сроках их выполнения. Потому даже родной флот то и дело размещал заказы за границей, чтобы не остаться вообще без кораблей. Вот и пришедший на ум Иенишу "Казарский" являлся творением немецких верфей. На момент создания его никак нельзя было назвать прорывным кораблем, поскольку проектировался он на основании чертежей не один год бегающих по водам Балтики немецких дивизионеров. И к моменту закладки немецкими инженерами уже были разработаны более совершенные и быстроходные корабли. Но технические требования Российского Императорского Флота к недорогому минному крейсеру оказались столь невысоки, что хватило и этого. Про "Казарского" же Иениш вспомнил по той простой причине, что максимальная мощность его машины составляла те же 3500 лошадиных сил, что имели обе машины "Полярного лиса". И достигалась она при том же давлении пара, что были в свое время рассчитаны для его корабля, а, стало быть, в качестве основы проекта относительно быстрой переделки котельного отделения минного крейсера можно было взять уже хорошо отработанную и зарекомендовавшую себя модель.

И пусть в результате подобной модернизации "Полярный лис" получал те же локомотивные огнетрубные котлы, что рядом судостроителей уже считались вчерашним днем, рисковать, экспериментируя с водотрубными, не имелось ни малейшего желания. В-первых, это неизменно влекло бы за собой удорожание ремонтных работ, в том числе за счет

увеличения их сроков, а вкладывать в пусть добротный, но уже устаревший минный крейсер лишние средства, Иениш не собирался. Прекрасно зная о скором скачке скоростей относительно крупных миноносных кораблей до 30 узлов и более, выкидывать десятки тысяч рублей ради лишнего узла скорости, при том, что теоретический расчетный максимум его "яхты" составлял 22 узла, не имело смысла. Во-вторых, будучи установленными на минный крейсер "Капитан Сакен", водотрубные котлы системы Бельвиля показали себя с наихудшей стороны. Что было тому виной — просчеты в конструкции котлов, несоблюдение техпроцессов при их производстве на русском заводе или отсутствие знаний и навыков у эксплуатирующих их моряков, осталось неясно, но черноморский брат "Полярного лиса", являясь технически более современным и совершенным, даже в молодости не давал более 18,5 узлов. А сейчас, по слухам, вообще имел максимум в 15 узлов. Но по той простой причине, что он являлся вообще единственным крейсером Черноморского флота, никто переводить его в учебные корабли или ставить на капитальный ремонт не собирался. Тем более что последнее было весьма не дешевым мероприятием, а отпускаемых из казны средств едва хватало на постройку столь необходимых флоту броненосцев и больших крейсеров.

Вот и приняли еще на последнем общем собрании в Шанхае решение сохранить "Полярного лиса" как хороший сторожевой корабль, пригодный, как для охраны берегов, так и противодействия ночным атакам вражеских миноносцев военно-морских баз. К тому же, после смены шести старых котлов на два новых и демонтажа становящейся ненужной первой дымовой трубы, корабль обещал сбросить почти тридцать тонн веса, что вкупе с увеличением давления вырабатываемого котлами пара с 11 до 12 атмосфер, позволяло надеяться на максимальную скорость в 20 узлов, даже с учетом износа машин. Вдобавок, появлялась куча свободного места, что, наконец, позволило решить проблему скученности экипажа в жилых помещениях, да и возможность, принять на борт на пару десятков тонн угля больше, была для столь небольшого корабля более чем желаемой. Но пока все это было лишь голой теорией.

Полагая, что у него весьма плотный график "отдыха", Иениш осознал, насколько сильно он ошибался, когда все тот же пожелавший остаться безымянным жандармский полковник, на сей раз одетый в гражданское, поздоровавшись с отставным офицером, как со старым знакомым, передал ему пакет и пожелания всего наилучшего от господина подписавшего в свое время одну телеграмму двумя литерами "А". Едва удержав себя, чтобы не сорваться с места в ту же секунду, дабы поскорее очутиться дома, где в тишине и, главное, без лишних глаз можно было ознакомиться с ответом императора на его откровенно авантюрное предложение, Иениш спокойно закончил трапезу и покинул ресторан, в котором питался во время посещения столицы. Поскольку до квартиры было куда ближе, чем до дачи, именно в ней и был вскрыт пакет опечатанный личной печатью Александра III. Добро! Ему давали добро на приведение в жизнь всего задуманного! Но с одной значительной оговоркой. Никакой прямой военной помощи от государства ждать их веселой компании не следовало! Точнее, не следовало ожидать прямого военного вмешательства, начини кто сравнивать их с землей или пускать на дно. А вот в плане поддержания политическими мускулами, подсобить обещали. Но опять же если господа авантюристы смогут довести запланированную акцию до необходимости ее разрешения именно политическим путем. Ну и естественно оружие. Нельзя было сказать, что на разграбление арсенала Балтийского флота им давали карт-бланш, однако все указанное еще в первой записке Иенишем должно

было быть предоставлено ему по первому требованию. Даже более того, команда на приведение всего потребного в рабочее состояние уже была дана. А это в свою очередь означало, что пришла пора собирать новую команду к выходу. Ну и, наконец, можно было отогнать "Полярного лиса" на ремонт. Ранее Иениш не мог себе позволить отбыть столь далеко именно по причине ожидания ответа от государя.

Немецкая "Машинная и локомотивная фабрика чугунолитейного завода и корабельной верфи Ф. Шихау в Эльбинге, Западная Пруссия", за весьма короткий срок ставшая одним из основных игроков на мировом рынке военного кораблестроения, встретила нового клиента более чем радушно. Не смотря на наличие постоянных заказов от флотов большинства ведущих стран мира, по которым, как горячие пирожки, расходились миноносцы, минные крейсера и канонерские лодки, к 1895 году она потеряла монополию на создание превосходных небольших быстрых кораблей, поскольку и англичане и французы, наконец, смогли создать аналогичные удачные проекты сходные по всем характеристикам с лучшими моделями немцев. И потому, не смотря на полную загруженность мощностей, каждый клиент ценился на вес золота. И для каждого заказа находилось как время, так и рабочие руки, что значительно отличало их от русских конкурентов.

К тому же, у данной фирмы к России и ее подданным было особое отношение. Мало того, что миноносная эпопея, длящаяся уже два десятка лет и прославившая компанию на весь мир, началась с заказа на одиннадцать миноносок именно для Российского Императорского Флота, так еще одна из дочерей основателя компании была замужем за русским немцем, родившимся и проведшим все детство в Москве. Именно Рудольф Александрович Цизе являющийся инженером Шихау отвечал за работу с русскими заказчиками и всегда старался предложить максимум возможного за выделенные казной средства. И всегда принимал близко к сердцу, когда заказчики вынуждены были отказываться от тех или иных улучшений, способных серьезно поднять боевые возможности корабля, из-за нехватки средств, а то и косности мышления самих заказчиков.

— Прошу располагаться, господин Иванов. — проводив явившегося точно к назначенному времени гостя к креслу и убедившись, что тот расположился со всем возможным комфортом, а также отдал дань превосходному терпкому чаю, сделав пару глотков, Цизе проследовал на свое рабочее место и подготовив бумаги, пододвинул их в сторону отставного русского капитана 1-го ранга. Технические расчеты и чертежи к прибытию заказчика уже были подготовлены, поскольку его представитель, пребывавший в Германии уже почти месяц, оказался достаточно сведущим, чтобы максимально подготовить все к прибытию своего работодателя и непосредственно самого корабля. — Благодаря неоценимой помощи господина Керна мы со своей стороны смогли сделать предварительный теоретический расчет будущих работ. Естественно, как только вы передадите яхту в руки наших инженеров, мы проведем более тщательные замеры котельных отделений и осмотрим паропроводы, дабы убедиться, что они выдержат будущее предполагаемое давление. Но поскольку Георгий Федорович уверял меня, что все предоставленные им данные по размерам собирались с максимально возможной точностью, я предполагаю, у нас не возникнет каких-либо проблем с ремонтными работами.

— Искренне на это надеюсь. — слегка улыбнулся в ответ Иениш и раскрыв подготовленную для него папку, погрузился в изучение бумаг, благо все они были выполнены на русском, хоть и в непривычной метрической системе измерения. Потратив на изучение технической документации и текста договора чуть более часа, Иениш попросил

внесть ряд правок и как только представитель верфи уверил заказчика, что изменения непременно будут внесены, перешел ко второй части беседы. Так сказать, малость криминальной. — Рудольф Александрович, не могли бы лично вы посодействовать мне в решении одного неоднозначного вопроса, за отдельное вознаграждение?

— Боюсь, Виктор Христофорович, я не смогу дать вам положительный либо отрицательный ответ, пока не узнаю суть вашего предложения. Прошу понять меня правильно, я, как и все прочие сотрудники, в ответе за репутацию нашей компании. И прошу меня простить, если мои слова показались несколько бестактными. Я ни в коей мере не имел в виду, что вы можете предложить что-либо, что запятнало бы и мою и вашу честь. Просто имеются процедуры, которые никто не имеет право нарушать. Орднунг. — как бы извиняясь, развел руками Циез.

— Что же, благодарю за откровенность, Рудольф Александрович. Но я полагаю, что моя просьба окажется вполне приемлемой. Видите ли, во время недавних событий на Дальнем Востоке мне в руки попали ряд небольших плавсредств производства ваших коллег из Штеттина. Бывший владелец передал их мне в обмен на некоторые услуги, но в силу сложившихся обстоятельств не имел возможности оформить какие-либо документы по передаче прав собственности. И теперь я желал бы их легализовать.

— Могу ли я узнать, что именно стало вашей собственностью? — прекрасно поняв, о каких недавних событиях идет речь, Циез желал только узнать были ли это корабли японского флота, которые, если судить по газетам, русские корсары потопили и захватили в изрядном количестве, или это были вымпелы китайского флота, которые сказочно жадные до денег китайцы скинули своим русским помощникам по сходной цене незадолго до сдачи всего остального флота.

— Несомненно. Но я могу надеяться, что данная информация не покинет стен этого кабинета?

— Конечно, Виктор Христофорович. К какому бы итогу мы ни придем, все вами сказанное не достигнет более ни чьих ушей. Клянусь честью!

— Отрадно это слышать. — вновь слегка улыбнулся Иениш. — Речь же идет о трех паровых катерах. Совсем небольших стальных паровых катерах. — не произнесенное вслух слово "минный", тем не менее, мгновенно было понято собеседником.

— А они вам достались, так сказать, в полной комплектации? — уточнил Циез. Все же ему не очень хотелось стать соучастником в деле по незаконной торговле оружием. Зарплата инженера и брак с одной из наследниц состояния герра Шихау и так делали его весьма обеспеченным человеком.

— Достались в полной. — не стал скрывать Иениш, хоть и понимал, что именно это не желал бы услышать его собеседник. — Но мы их сразу же разукомплектовали еще там и теперь они годны разве что для прогулок.

— Но ничто не мешает вам их вновь полностью доукомплектовать. — внимательно следя за гостем, произнес Циез.

— И такое весьма возможно. — не стал отрицать Иегиш, — Но если вас это утешит, местом их службы будут весьма удаленные отсюда берега. Поймите, Рудольф Александрович, служить эти скорлупки будут в любом случае. Мне просто хотелось бы избежать в будущем каких-либо бюрократических проволочек и за возможность избавления меня от этой потенциальной головной боли, я готов предложить полторы тысячи рублей...

Глава 3. Предложение, от которого невозможно отказаться

Обратно во Владивосток, забрав по пути рыбаков, "Понто-Кэси" пришел 19-го июня. И если сперва Лушков рассчитывал как следует отдохнуть и только потом разгребать накопившиеся дела, то материализовавшийся у борта спустя всего пару часов Иванов, разбил все его надежды и чаяния вдребезги. Впрочем, испортить настроение отставному офицеру собирался не он один. Сдача представителям властей браконьеров вместе с многочисленными рапортами, отнюдь не закончилась передачей задержанных. Лушкову весьма настойчиво порекомендовали как можно скорее прибыть для дачи показаний и даже не думать покинуть Владивосток до окончания следствия. При этом на "Пандору" временно наложили арест, поскольку почуявшие, что они попали в какую-никакую, а цивилизацию, где их совершенно точно не будут выкидывать за борт, американцы тут же наперегонки принялись обвинять экипаж русского судна в пиратстве, тыча в качестве доказательства в захваченную шхуну. В общем, побегать и поработать пером как Лушкову, так и Зарину пришлось изрядно. Хорошо еще, что рапортов официальных лиц с острова Беринга и Петропавловского порта оказалось достаточно для снятия с экипажа "Понто-Кэси" малейших подозрений. Единственное, им попеняли на оставление задержанных шхун в Петропавловском порту, но к Камчатке как раз должен был выйти "Хабаровск" занимающийся снабжением всех дальневосточных городов и сел имевших выход к воде, так что перегонные команды из состава моряков Сибирской военной флотилии были собраны весьма споро и уже скоро ушли за трофеями.

А пока моряки занимались отписками, Ивану пришлось примерить на себя роль торговца. В отличие от тех немногих жителей Владивостока, что промышляли добычей осетровых, новые игроки этого рынка использовали паровые суда, а не парусные шхуны. Да и привезли они товар именно в русский город, тогда как большая часть добычи остальных рыбозаготовителей мгновенно уходила на экспорт прямо с промысловых участков. Впрочем, подобная ситуация складывалась и с заготовителями морской капусты и с пока еще единственным китобоем. Правда, шхуне Линдгольма не долго оставалось быть единственным русским китобоем в этих водах, поскольку так и не давший Ивану какого-либо ответа Дыдымов увел на разведку оба своих судна. Но да речь шла не об этом. Поскольку сезон лова сахалинского тайменя только подошел к концу и все без исключения рыболовные артели добирали последние крохи этого вида лососевых, Иванов оказался единственным поставщиком способным предоставить страждущим свежесоленную рыбу. Остальные же могли вообще не прийти во Владивосток до конца сентября, оставаясь на своих ловчих угодьях в ожидании хода кижуча. Только поэтому, не имея никаких связей, ему удалось пристроить весь улов за какие-то пять дней. Сперва, конечно, местные воротилы попытались обути неизвестного выскочку попавшего в их огород, отказываясь выкупать улов. Даже не так, они попросту не проявили ни малейшего интереса к доставленной рыбе, надеясь, что новички сами приползут к ним с предложением выкупить все едва ли не себе в убыток. А что было делать? Русский Дальний Восток являлся суровым местом, и, соответственно, выживали здесь сильнейшие. Те, кто мечтал заработать здесь капитал наскоком, терял в итоге все. И на таких всюю наживались старожилы. Впрочем, отдав

развитию своего дела десятки лет и большую часть жизни, они имели полное право на подобное отношение ко всем пришлым. Особенно, если эти пришлые покушались на их хлеб. Но, предполагая нечто подобное, Иван не просиживал штаны все время крейсерства "Понто-Кэси", тем более что просиживать их было попросту негде. Из всех развлечений во Владивостоке были лишь питейные заведения, да дома терпимости. Морские офицеры могли еще поиграть в бильярд или городки в офицерском собрании. Вот и все, что мог предоставить этот город уставшему путнику или отстоявшему смену работяге. Потому, чтобы не сойти с ума, люди находили компании по интересам и общались. Вот и Иван общался. Причем не с купцами миллионниками, в чье общество его попросту никто не пустил бы, а если бы и пустил, на него там не обращали бы внимания. Все же не смотря на определенное размытие сословностей произошедшее в течение 19 века, когда купцы получили возможность становиться дворянами, а дворяне с удовольствием входили в купеческие гильдии, люди нутром чувствовали свой класс и с теми, кто стоял ниже, общались лишь по необходимости. Не будешь же ты воротить нос от полового в кабаке, коли захочешь отобедать или от того же кучера, если надо куда-нибудь доехать. Но и допускать его в свой круг не станешь. Тем не менее, при ближайшем рассмотрении и изучении вопроса оказалось, что существующая система мало чем отличается от того, что существовало в привычном Ивану обществе практически равных. Просто сейчас все было несколько честнее. Имелась официальная градация, и каждый, по мере своих сил, способностей и знакомств, мог занять ту или иную ступень, за исключением верхней, где находились представители императорской фамилии. Здесь не надо было гадать менее ты равный, нежели остальные, или наоборот — более равный. Здесь за тебя все уже было решено на государственном уровне. Хочешь быть не мещанином, а купцом 1-й гильдии? Будь им! Только сперва докажи, что у тебя имеется за душой соответствующий капитал и заплати ежегодный гильдейский сбор. Осилит? Молодец! Торгуй себе на здоровье, с кем хочешь и чем хочешь, если с тобой кто-нибудь согласится иметь дело. А коли с тобой никто не хочет знаться, начинай с самого низа и зарабатывай потихоньку репутацию, когда данное тобой слово станет большей гарантией, нежели банковский вексель. Потому и процветали в торговых делах старые купеческие семьи, что их слово крепло от поколения к поколению, если только очередной потомок не оказывался ленивым гулякой, проматывавшим собираемое веками состояние и имя в загулах по Европе. Но во Владивостоке подобные личности в принципе не могли водиться, поскольку здесь серьезные люди делали деньги, а вот погулять было абсолютно негде. И хоть большая часть этих серьезных людей сами поднялись с самого дна, примечать первого попавшегося с улицы они точно не стали бы. Репутация в этом суровом крае ценилась, наверное, куда больше, чем во всей остальной империи. У Ивана же таковой не имелось от слова "совсем". Потому и вступил он в состав купцов 3-й гильдии, как это делали многие крестьяне и мещане, чтобы иметь право торговать, да приобрел купеческое свидетельство позволяющее ему вести торговые дела по всему Дальнему Востоку. А после начал крутиться в местах обитания лавочников и владельцев харчевен. Причем в отличие от остальных русских предпочитавших держаться только своей компании и несколько брезговавших обществом корейцев, японцев и китайцев, Иван охотно сводил знакомства с вменяемыми людьми этих народов. Естественно, исключительно с теми, кто владел русским. И пусть вскоре ему предстояло покинуть этот край на многие годы, лишним подобное сведение знакомств он не считал. Все же все вместе они составляли более половины населения города. А это был весьма немалый рынок сбыта. Да и нацеливание на

будущее никто не отменял. Недаром умные люди говорили, что друг должен быть под рукой, а враг еще ближе. К тому же, господа офицеры заранее озаботили его проблемой поиска вменяемого переводчика, что мог бы помогать при общении с японскими браконьерами, поскольку языком страны восходящего солнца никто из них не владел. Да и вообще таковых среди подданных российского императора были жалкие единицы. Именно продавая рыбу японским, как сейчас бы сказали, рестораторам, Иван узнал, что рыба бочковой засолки, которую наделали корейцы, ими совершенно не жалуется, поскольку, из-за особенностей мяса местных лососевых, очень быстро теряет, как вкусовые качества, так и свежесть, а вот рыба сухой засолки бралась с большим удовольствием. По словам владельца его любимого ресторанчика, такая, правильно засоленная рыба, могла храниться годами без всяких ледников. И скорее она могла пропасть из-за добравшихся до нее грызунов, нежели стухнуть. Правда, соли на подобный метод требовалось куда больше, да и вымачивать мясо перед приготовлением блюд приходилось подолгу, дабы вымыть из него излишки соли. А брали у Ивана рыбу в немалых количествах и с удовольствием по той причине, что просил он куда меньше цены, что обычно держалась на подобный товар. Сперва подсустились японцы, следом за ними забили свои загашники корейцы, потом навалились гурьбой китайцы, которым было все равно, что покупать, лишь бы подешевле и при этом не отраву. Иван же сбывал считавшуюся элитной рыбу по цене той шелухи, что вылавливали на своих утлых суденышках местные рыбаки, так что умевшие считать деньги китайцы смели всю рыбу бочковой засолки. И лишь под самый конец проснулись владельцы русских харчевен и ресторанов, изрядно ворчавшие при торговле, что всю недорогую рыбу успели умыкнуть другие, отчего им всем поголовно грозило непременно разорение. Но даже после подобной распродажи на борту "Понто-Кэси" оставалось почти пять тонн лосося, который был продан по сходной цене наиболее расторопному из купцов 2-й гильдии. Все же этот год по решению их веселой компании отдавался разведке местных реалий и наработыванию первых связей, чтобы впоследствии не попасть в разорение из-за глупых ошибок, что не совершил бы ни один из старожил.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

И тем не менее, вырученных денег хватило не только на покрытие оплаты артельщикам и возмещение затрат на аренду рыболовного участка, их оказалось достаточно даже на покрытие затрат на соль и выплату части оклада экипажу "Понто-Кэси" за время крейсерства. Правда, затраты на уголь потраченный за это же время втрое превосходили всю выручку, отчего и пользовались местные рыбаки парусными судами, не потреблявшими столь дорогой ресурс десятками тонн ежедневно. Да и американские китобои сменили паруса своих шхун на паровые машины всего пару лет назад. Лишь убедившись, что современные, более экономичные и мощные машины, в конечном итоге позволяют получать большую выгоду, заправляющие браконьерским промыслом воротилы раскошелились на новый флот. И пусть количество занятых в незаконном промысле судов сократилось с былых 30 — 40 шхун, до десятка пароходов, ежегодный улов браконьеров вырос в разы. Впрочем, то же самое было истиной и для рыбной ловли. Все же три тысячи вырученных рублей являвшиеся половинной ценой от чуть более чем 31 тонны соленой рыбы являлись копейками по сравнению с тем, что можно было выручить, продав полную загрузку "Понто-Кэси" по реальной цене. А если со временем появятся возможности сбывать полную загрузку той же "Находки", то каждый ее рейс мог бы приносить свыше полумиллиона рублей чистой прибыли, если не больше. Вот только рыбы в подобных объемах на Сахалине

уже не водилось в виду многих десятков лет хищнического лова, а на Камчатке водилась. И к этим пока еще не снятым сливкам нельзя было подпускать никого.

Но куда большие поступления ожидались от продажи обнаруженных на "брошенной" шхуне мехов и прочего "найденного" там же имущества. Конечно, добавься к ним и прочее полученное с ловли браконьеров имущество, было бы куда веселее. Хотя и в этом случае не удалось бы покрыть затраты на потраченный уголь, но с вводом в строй "Лисенка" и его последующего перевода на постоянное базирование в Петропавловский порт, подобные затраты на топливо должны были уйти в прошлое. Во всяком случае, очень хотелось в это верить. Впрочем, даже вариант отрицательного сальдо в деле искоренения браконьеров, в конечном итоге шел на пользу их компании, поскольку в отправленной из Санкт-Петербурга телеграмме Иениш кратко сообщал, что все было затеяно не зря. Теперь же оставалось дожидаться пока один из добровольцев доставит из Одессы пакет со всеми необходимыми документами и можно было начинать активно вкладываться в развитие предприятия и столь же активно браться за искоренение основных конкурентов.

Взаимное представление вернувшегося во Владивосток с первой добычей Кейзерлинга с Лушкова и Зариным позволило Ивану, наконец, скинуть с себя последние заботы и вскорости спокойно убыть на добровольце. Правда, шел он не до самой Одессы, а собирался сойти в Суэце, чтобы... вновь влипнуть в очередную военную авантюру, вместо спокойного путешествия на почтовом пароходе до Лоренсу-Маркиш, где его уже ждали высаженные там ранее моряки. Хорошо еще что удалось связаться с Протопоповым и договориться о командировке туда еще одного матроса посмышленнее с наказом срочно распродавать все имущество и убыть всей компанией в Суэц на том же пароходе. Да, это в очередной раз вгоняло в затраты, как средств, так и времени, но бросать там людей неизвестно на сколько месяцев выглядело бы куда хуже. Во всяком случае, к своим людям, ни один здравомыслящий командир наемников относиться не был должен, если желал и дальше пользоваться их доверием.

Впрочем, помимо деловых контактов, Иван оставил своим компаньонам и весьма серьезное предупреждение. Как оказалось, с гибелью Дыдымова на самом деле было не все так гладко. Уж слишком рьяно взялся за дело отставной капитан 2-го ранга, что не понравилось голландским, американским и английским китобоям, безраздельно властвующим в этих краях доселе. Ведь в отличие от русского они не заключали никаких договоров ни с Кореей, ни с Японией и уж тем более с Россией на добычу в их водах китов. А Дыдымов оформил, и все выловленные у берегов Кореи или Японии киты сдавались по согласованной цене официальным представителям этих стран. Естественно, это не замедлило сказаться на уловах остальных. Последним же шагом стало заключение Дыдымовым договора на борьбу с браконьерами. Нет, так то он поступил верно, получив законный инструмент сокращения своих конкурентов. Но имевшие огромные прибыли с охоты на китов денежные мешки посчитали, что так дело не пойдет. В общем, не смотря на прошедшие годы, до сих пор по уголкам шептались, что судно Дыдымова ушло на дно не из-за шторма или обледенения, а потому что было подорвано нечистыми на руку конкурентами. Потому, с учетом способов, что собирались применять его компаньоны и которые один в один походили на таковые предпринимаемые их предшественником, Иван просил озаботиться их собственной безопасностью и не тащить на борт все подряд. Впрочем, это нисколько не мешало начать восстанавливать бывшее хозяйство Дыдымова, тем более что во Владивостоке обнаружилось несколько семей ранее трудившихся у китобоя и высказавших

желание вновь заняться былым ремеслом разделки и переработки китовых туш, если новые хозяева предоставят не худшие условия, чем покойный. Вообще, народ не покинул бы выросшую близ завода деревеньку, если бы туда время от времени заходило судно снабжения. Но такового на тот момент не имелось и потому поселение обезлюдило сразу после закрытия завода.

Спустя месяц после возвращения из крейсерства "Понто-Кэси" в состав пароходства "Иениш и Ко" вошло еще одно судно. Получив наименование "Добыча", десятилетняя парусно-винтовая шхуна тут же была зачислена в отряд охранных кораблей наряду с закончившим преобразование "Лисенком" и получила в качестве вооружения две митральезы снятые с "Понто-Кэси". Бывшему же миноносцу досталась всего одна, но он и по водоизмещению уступал шхуне почти в три раза. Впрочем, как и предыдущее судно, "Добыча" не должна была заниматься одним только отваживанием от берегов браконьеров всех мастей. Ей также вменялось в задачу доставить новую партию артельщиков на вновь арендованные участки. Какие-никакие завязки в торговых слоях общества Владивостока появились и теперь требовалось их активно расширять. А заодно пора было начинать делать японским браконьерам предложения, от которых они не могли бы отказаться и потому на борт обоих судов помимо дополнительно набранных из числа бессрочно-отпускных матросов вступили по одному японцу уже неплохо владевших русским языком. Но куда большим пополнением для пароходства был новый капитан "Добычи".

Фридольф Кириллович Гек оказался первым из целого списка местных специалистов, кого компаньонам удалось сманить к себе на службу. Двадцать пять лет своей жизни он отдал изучению Дальнего Востока, уделяя особое внимание картографированию прибрежных участков, а потому мог пройти там, где остальные непременно наскочили бы на подводные скалы или мели. Вдобавок, ни китобойный, ни рыболовный промыслы, а также борьба с браконьерами не были новы для этого 59-тилетнего финна. В свое время он принял предложение Дыдымова и командовал шхуной, что осуществляла снабжение "Геннадия Невельского" и забирала на переработку туши китов. Лишь узнав, что помимо обычного морского промысла от него будет требоваться и охранный служба, он, сдав сменщику шхуну "Сторож", что так же занималась охраной побережья от лица Министерства имущественных отношений, ступил на палубу своего нового судна и сразу понял, что не прогадал. Уже успев собрать изрядно слухов о новом пароходстве еще до первой беседы с Зариным, он смог воочию убедиться, что эти люди не собираются обходиться одними словами, чем грешили многие государственные лица при встрече с браконьерами. Стыдно вспомнить, но, порой, эти самые браконьеры их всех даже прогоняли под угрозой расправы, словно мешающихся под ногами подзаборных шавок. Теперь же все должно было стать по-другому. Совсем по-другому! И две многоствольные митральезы установленные на носу и юте намекали на это лучше всяких слов. Он же помог с подбором команды, так что в отличие от большинства местных судов, на борту судов пароходства "Иениш и Ко" служили только русские, бывшие по большей части отставниками или бессрочно-отпускными, а потому имевшими представление как о субординации, так и несении службы.

На сей раз к берегам Камчатки никто не пошел. Оба новых охотника имели один общий недостаток, в качестве которого выступал относительно небольшой запас хода на паровой машине. И если, загрузив "Добычу" углем под завязку, еще можно было рассчитывать, что она сможет добраться до Камчатки, не тащась с черепашьей скоростью, то на "Лисенке"

даже после двукратного увеличения его запасов за счет демонтированного вооружения, максимальная дальность хода не превышала 600 миль. А только до Сахалина было идти не менее пятисот. Зато именно у этого острова он мог показать себя во всей красе как сторожевой корабль. Имея небольшую осадку и хороший ход под парами, он легко мог зайти в устья рек, где и стояли на якорях рыболовные шхуны и спокойно маневрировать там, не говоря уже о возможности догнать любое парусное судно.

Уже первый же пойманный за руку браконьер попытался оказать вооруженное сопротивление. На озвученное же Лушковым предложение пробежаться под его конвоем в Корсаковский пост, с берега раздалось два выстрела, к счастью, направленных в воздух. Ну и остальные японцы не остались в стороне, принявшись выкрикивать всевозможные угрозы и размахивать разделочными ножами. Видимо, общаться подобным образом с русскими проверяющими эта конкретная команда уже привыкла. Вот только на сей раз никто не собирался следовать в тот адрес, куда японские рыбаки их всех послали. Приказав очистить палубу, Лушков отвел свой небольшой крейсерок на сотню метров и дал отмашку расчету митральезы. Как и ходовая рубка, митральеза получила противоположную защиту из 8-мм судовой стали, так что ответного огня японцев прикрытые щитком моряки могли не опасаться.

Под полные ужаса взгляды браконьеров стволы митральезы сделали пару проворотов, после чего озарились огненными вспышками. Для небольшой, тонн в 30 водоизмещением, шхуны обрушившийся на нее свинцовый град оказался роковым. Брызнувшие в стороны фонтаны воды и деревянной щепы ясно дали знать, что на сей раз русские никуда не уйдут. Стоило объятый пороховым дымом смертоносной машинке замолкнуть, как повскакивавшие на ноги японцы, побросав оружие, кинулись спасать свой единственный шанс покинуть ставший вдруг столь негостеприимный русский берег. Через многочисленные пробоины в ее трюме уже успела устремиться вода, активно заливая небольшое суденышко.

Отстоять у воды свою небольшую шхуну им так и не удалось. Минут через двадцать она легла на грунт, а промокшие с головы до ног японцы собрались на берегу и с немалым удивлением наблюдали за уходом русского корабля, что столь бесцеремонно прервал все их планы на ближайшее будущее. Будь шхуна более-менее достойной добычей, Лушков еще бы подумал, прежде чем отдавать приказ на открытие огня. Но ветхая утлая посуда не стоила бы затраченных на ее конвоирование сил. К тому же, случись внезапный приступ бережливости, он знал, где ее можно было найти. Хотя это уже было из разряда фантастики. Пусть японцам и не удалось сразу спасти свою скорлупку, никто не мешал им впоследствии заделать пробоины чопиками и выгрести из трюма набравшуюся в него воду.

Прогнав еще троих браконьеров поленившихся прикрыться даже самой затрапезной бумажкой на право лова, он, наконец, смог найти того, кого столь тщательно искал. Старый рыбак, судя по его продубившейся коже, и матерый браконьер, о чем свидетельствовала неплохая двухмачтовая шхуна европейского образца, заработать на которую простому японцу можно было лишь десятилетиями незаконного промысла, с ненавистью смотрел на стоявших перед ним русских пограничников.

Уже дважды ему приходилось сталкиваться с представителями русских властей, но первый раз его лишь прогнали с разрабатываемого участка, и он просто-напросто переместился на другой, а второй раз уже они сами прогнали русских, объединившись с

командой другой шхуны. Те русские были вежливыми и слабыми, они не решились пускать в ход силу. Эти же были совсем другими. Никакой вежливости, лишь официальный язык и демонстрация силы. Так в его стране общались со всеми остальными воины. И пусть реставрация Мейдзи сильно ограничила роль самураев в обществе, старые самурайские рода все еще представляли из себя весьма сильную оппозицию действующему политическому строю. Да и сам Кавагути Озу успел застать времена, когда при встрече с самураем любой крестьянин или рыбак обязан был склониться, если у него, конечно, не было желания узнать насколько остр и крепок клинок воина. И вот сейчас ему приходилось общаться не с мелким трусливым чиновником, а с воином. Да и сопровождавшие своего командира матросы выглядели бывалыми людьми, способными при необходимости воспользоваться находящимися в их руках винтовками.

Игра в непонимание, которую он сперва попытался играть, оказалась полностью разрушена появлением подле русского командира молоденького японца, оказавшегося переводчиком. Причем, было видно, что даже он косится на своего работодателя с заметным страхом и одновременно немалым уважением.

Выслушав перевод требований этих северных варваров, старый рыбак очень хотел послать их куда подальше, но просто не смог себя заставить выдать из себя необходимые слова. Уж очень хотелось жить. И потому на некоторое время воцарилась тишина, прерываемая разве что шумом волн, да гудением всевозможного гнуса. Однако, игра в молчанку очень скоро наскучила русскому, и тот лишь пожал плечами, да кивнул своим матросам на экипаж шхуны. Тут же шестеро здоровяков кинулись вязать их по рукам и ногам, подавляя малейшее сопротивление прикладами винтовок. В лоб же схватившегося за разделочный нож старшего сына Озу уже через секунду смотрел черный зрачок револьверного ствола.

— Я служил на "Полярном лисе", уважаемые. — совершенно ровным голосом произнес Лушков, держа на мушке самого резвого из японцев, — Слышали о таком корабле?

— Слышали. — выслушав лепетание переводчика, понуро опустил голову старик. Хоть правительство и пыталось всячески скрывать от населения потери армии и флота в войне с Империей Цин, слухи о бесчинствующем рейдере весьма скоро просочились в народ. И в первую очередь, что было естественно, прознали о нем моряки и рыбаки.

— Вот и отлично. Отойдемте в сторонку, уважаемый. Есть разговор. — указав рукой на борт "Лисенка", Лушков весьма ловко сам перебрался на его палубу и дождавшись, когда старый японец не менее ловко, не смотря на возраст, последовал его примеру, отошел на самый край кормы. — Знаете, что это за корабль? — он похлопал по леерному ограждению, дождавшись, когда к ним подтянется не столь расторопный переводчик.

— Не имею возможности знать. — обведя взглядом пограничный крейсер, пожал плечами японец, — Раньше не видел.

— Это бывший миноносец Японского Императорского Флота, чей командир оказался настолько глуп, что встал на нашем пути. — спокойно и даже несколько лениво произнес Лушков, — Теперь он принадлежит нам.

— Моя шхуна тоже теперь принадлежит вам? — сохраняя равнодушное выражение лица, в отличие от не сумевшего справиться со своими эмоциями переводчика, поинтересовался Кавагути.

— По закону, да. — коротко кивнул Лушков, — А по другому закону, вы и все ваши матросы следующие пять лет должны будете провести на каторге.

— Никогда раньше такого не было! — тут же встрепенулся старый браконьер.

— Не было. — согласился с ним отставной офицер, — Но не потому что не существовало таких законов, а потому что некому было притворять их в жизнь. Начиная с этого года, все изменилось. Понимаете, что это означает для вас и вашей семьи? — подождав минуту и не услышав в ответ ни единого звука, Лушков продолжил подготавливать клиента к деловой части разговора, — Понимаете. — сам же ответил он за своего собеседника, — Это хорошо. С понятливыми людьми завсегда легче найти общий язык.

— Что вы хотите? — наконец отмер японец.

— Сотрудничества. — натянув на лицо легкую улыбку, коротко пояснил Лушков. — Не желаете стать нашим торговым партнером?

— Я простой рыбак, а не купец. Что я могу знать в торге? — слегка опешил Озу.

— Какой улов вы обычно вывозите на своей шхуне домой? — проигнорировав вопрос своего собеседника, поинтересовался в ответ Лушков.

— Не менее трехсот пятидесяти коку за рейс. — не стал скрывать грузоподъемность своей шхуны Озу. К тому же, находившийся перед ним русский капитан и сам, скорее всего, уже смог оценить ее характеристики.

— Это, стало быть, поболее пятидесяти тонн. Хм. Неплохой улов, не так ли?

— Хороший улов. — согласился старый рыбак.

— У ваших берегов такого уже не выловишь. — утвердительно произнес Лушков.

— Так и есть.

— Рыбу сами продаете или сдаете купцу?

— Семья продает. Веками рыбу ловили и продавали.

— Потомственное дело — вещь хорошая. — согласно кивнул капитан пограничного крейсера. — Желаете его продолжать?

— Желаю. — внимательно посмотрев на своего собеседника, произнес Озу, уже подсчитывая в уме, сколько откупных с него в будущем потребуют, попадись он снова этому русскому.

— А в десять раз большее количество рыбы сбыть сможете? — совершенно неожиданно для рыбака поинтересовался его собеседник.

— Нет. Сам не смогу. — слегка опешил старый браконьер.

— Плохо. — сокрушительно покачал головой Лушков.

— А откуда столько рыбы? — все же поинтересовался у задумавшегося русского капитана старик Озу. Все же большая часть его коллег по промыслу могли похвастаться куда более скромными судами и соответственно уловом, так что озвученная русским цифра равнялась общему улову двух десятков команд.

— Наши пароходы смогут доставлять со следующего года. Даже самый малый из них берет на борт в десять раз больше вашей шхуны. Но во Владивостоке столько рыбы не надо, а везти на другой конец света — в Европу, слишком долго. Куда легче продать улов у вас в Японии или в Китае. — бросив взгляд на реку, он продолжил, — Берега наши богаты и рыбой и морским зверем. А вот порядку не было. Именно поэтому ваши шхуны могли спокойно промышлять у наших берегов. Впрочем, не только ваши. Американцы, голландцы, канадцы тоже сильно безобразничали, без счета выбивая морских зверей. Теперь трижды подумают, прежде чем вновь показаться у наших берегов.

— Почему? — не сдержал любопытства рыбак.

— Кого потопили, кого захватили. — пожал плечами Лушков. — Пусть не всех. Далеко

не всех. Но ведь и мы только начали. Многие нынче не вернутся в Йокогаму. — повернувшись к ставшему весьма озабоченным японцу, Лушков пояснил, — Государь-император Александр III издал указ об организации особой охранной флотилии с большими полномочиями в деле борьбы с незаконным ловом. Этот небольшой пограничный крейсер один из входящих в нее кораблей. — решил пробежаться слегка впереди паровоза он, поскольку соответствующего указа и соответственно разрешения оформленного на бумаге во Владивостоке еще не появилось, — Пусть не за год, но за два или три мы всех переловим или перетопим, чтобы оградить берега наши от разграбления. На то у нас императорский указ имеется. Понимаете, что всех вас ждет в скором будущем?

— Понимаю.

— Это хорошо. С понимающими людьми можно иметь дело. Впредь рыбу в наших водах смогут промышлять только те, кто оформит документы на лов. Все остальные отправятся на каторгу. Но есть выход.

— Какой?

— Совместная компания. Мы будем брать в аренду участки и предоставлять для лова и перевозки рыбы крупные пароходы. Вы будете предоставлять половину работников и полностью сбывать всю добытую рыбу по хорошей цене. Вторая половина работников будут русскими, коих вы будете обязаны обучать искусству лова и засолки рыбы. Четыре пятых прибыли мы будем забирать себе, пятая часть будет отходить нашему партнеру. Согласитесь, даже так это будет гораздо больше, чем вы зарабатываете сейчас на своей шхуне. Тем более, что никто не будет вам запрещать вывозить на ней в конце рыболовного сезона полный трюм законно добытой рыбы.

— Это весьма щедрое предложение с вашей стороны господин капитан. — склонил голову старый рыбак. — Но почему вы его делаете мне?

— Хоть вы с одной стороны — браконьер, но с другой стороны живете честным трудом. Сами работаете, сами рискуете. Одна ваша шхуна говорит, что вы приучены работать, а не нежиться в неге, ожидая, когда деньги сами придут вам в руки. И в отличие от прочих встреченных нами рыбаков, вы явно умеете еще и думать, о чем опять же свидетельствует ваша шхуна. Вы вкладываете заработанные деньги в дело, а не прожигаете их в усадях. Мы таких людей уважаем. Лишь обстоятельства делают нас противниками. Так почему бы не изменить обстоятельства таким образом, чтобы из противников вы превратились в друзей без нарушения законов наших империй?

— Вы сможете сделать подобное предложение только мне, господин капитан? — благосклонно приняв слова собеседника, поспешил уточнить Озу.

— Нет. Сейчас у наших берегов промышляют сотни японских шхун. Подобного предложения удостоятся не более десятка команд. Все остальные либо пойдут на дно, либо под арестом во Владивосток. Какой путь вы желаете избрать для себя, своей семьи и своей команды?

— Я бы желал и впредь ловить рыбу у ваших берегов, господин капитан. — вновь склонил голову японец.

— Значит, наши желания совпадают. — коротко кивнул в ответ Лушков. — Вы согласитесь отпустить вашего сына с нами? — указал он в сторону весьма похожего на его собеседника молодого японца.

— Зачем? — тут же забеспокоился Озу, подтверждая предположение Лушкова насчет их родства.

— Кто-то будет должен присутствовать с вашей стороны при составлении договора об организации совместной компании. — пожав плечами, пояснил отставной офицер.

— Мой сын не снает вашего языка, капитан-сан. — весьма коряво и со страшным акцентом произнес Озу и робко улыбнулся в ответ на приподнятую в удивлению бровь русского. Слишком много лет он ходил к этим землям, чтобы не выучить язык их хозяев. Пусть посредственно и с небольшим запасом слов, но понимать и даже говорить на русском он выучился. — Он мало сто сможет понять. Лутсе я пойду с вами. А сын отведет схуну домой.

— Можно и так. — усмехнувшись, согласился Лушков. С каждой минутой этот хитрый старик нравился ему все больше и больше. Такой, если не помрет раньше времени от переизбытка свинца или железа в организме, сможет подсобить им в завоевании японского рынка элитных морепродуктов. — Я не против. Только прямо сейчас мы во Владивосток не пойдем.

— А куда мы пойдем? — полубопытствовал Озу.

— Дальше, охотиться на мерзких браконьеров! — расплылся в хищной улыбке командир "Лисенка", — Надеюсь, получаса на сборы и наставление сына вам хватит?

— Да.

— В таком случае не теряйте время зря. После окончания нашего рейда и улаживания всех дел во Владивостоке, мы сможем доставить вас в Иокогаму. Устраивает такой пункт назначения?

— Полностью устлаивает, капитан-сан. — низко поклонился возможному будущему компаньону японец решивший ухватить птицу удачи за хвост и вытащить свою семью в куда более высокое общество, нежели то, в котором прожили многие поколения его предков.

До начала осенних штормов "Лисенок" и "Добыча" захватили пять японских шхун и еще три десятка выдворили вон. И только трое, включая старика Озу, удостоились предложения поработать со следующего года совместно. Столь невеликий улов объяснялся слишком большой протяженностью береговой линии Сахалина, а также потребностью каждый раз возвращаться в Корсаковский пост, чтобы оставить там очередного задержанного браконьера. Но даже подобные действия оказали сильное воздействие на представителей тех шхун, с капитанами и владельцами которых удалось договориться в деле организации совместного промысла. Перегонка же браконьерских шхун и перевозка их команд во Владивосток осуществляли в три этапа. Причем, только две из них привели моряки пароходства, за остальными же вновь пришлось снаряжать отдельный поход военным морякам, поскольку больше было попросту некому.

Удивительно своевременное возвращение "Лисенка" во Владивосток позволило Лушкову свести знакомство с самым энергичным и деятельным русским адмиралом из ныне живущих. В первых числах августа Степан Осипович все же прибыл во Владивосток, завершив в Японии многомесячное лечение запущенной из-за цейтнота травмы ноги. Вообще, как командующий средиземноморской эскадрой, он сейчас должен был находиться в Чифу вместе с основными силами вверенного ему флота, но контр-адмирал не мог не посетить Владивосток, чтобы лично оценить его возможности по приему и базированию эскадры. Не редких канонерок и шлюпов Сибирской Военной Флотилии или отдельных крейсеров, а полноценного флота. Все же многолетняя зависимость такой великой империи как его Россия от благосклонности властей Китая и Японии позволявших зимовать и обслуживаться русским кораблям в своих портах откровенно тяготила Макарова, но до сих

пор как-либо изменить ситуацию не представлялось возможным. Да, в последнее десятилетие развитие этого дальневосточного города пошло резко вверх в плане создания необходимой инфраструктуры. Сперва, появились мастерские, затем, был закуплен и доставлен из Англии плавучий док, четыре года назад посетивший Владивосток цесаревич дал официальный старт строительства сухого дока позволяющего принимать любой из существующих кораблей, сейчас вот начали возводить крепостные сооружения и артиллерийские позиции на острове Русский. Но всего этого было никак недостаточно! Совершенно недостаточно! Абсолютно недостаточно! Да и без крупного, мощного ледокола о зимовке в порту Владивостока какого-либо корабля и уж тем более эскадры, не могло идти и речи. Он уже закончил составлять отчет на имя генерала-адмирала о положении дел во Владивостоке и собирался вернуться к своей эскадре, когда "Добыча" и "Лисенок" вернулись со своими трофеями. Степан Осипович как раз прохаживался вместе с командиром порта по тому месту, где по их общему мнению непременно и в кратчайшие сроки требовалось устроить каменную набережную, когда охотники на браконьеров показали на внутреннем рейде со шхунами на буксире. Естественно, они не тащили конфискованные у японцев суда от самого Сахалина. Да и не имелось у них на борту достаточного для этого запаса угля. Потому все четыре судна проделали этот путь под парусами. А вот для облегчения процедуры входа в порт уже воспользовались машинами, взяв на привязь трофеи.

— А это кто такой, Федр Петрович? — поинтересовался Макаров, заметив незнакомый ему явно военный корабль шедший под торговым флагом.

— О! Это, можно сказать, главная тема для пересудов всего города. — усмехнулся в ответ Энгельм. — Сторожевой крейсер "Лисенок".

— Так ведь у Отдельного Корпуса Пограничной Стражи иной флаг, если мне не изменяет память. — изрядно удивился Макаров, услышав ответ "хозяина" порта. — Или что-то успело поменяться, пока я находился в плавании и на излечении?

— Нет, Степан Осипович. Насколько мне известно, в этом плане никаких изменений не проводилось. Правда, и пограничников у нас попросту нет. Они все больше на Балтике и Черном море службу несут. Но да вы это и без меня прекрасно знаете. Эти же, — Энгельм указал тростью в сторону приближающегося кораблика — как бы частные лица.

— Как бы? — немало удивился Макаров, услышав подобную интерпретацию из уст такого же контр-адмирала, как и он сам. Все же ожидать подобного от военно-морского офицера он никак не мог.

— Понимаю ваше удивление, Степан Осипович. — вновь усмехнулся в ответ Энгельм. — Но как по-другому вы прикажете называть, моряков и офицеров из экипажа "Полярного лиса", которые, закончив охотиться на японские суда, тут же принялись охотиться на браконьеров. Причем, на добровольных началах! И насколько вы сами можете видеть, охота их оказалась весьма результативна. Впрочем, это уже не первые их трофеи.

— Вот как? И многих уже успели задержать? — с не малым любопытством поинтересовался Макаров.

— Учитывая этих двух, с начала весны уже пятеро будет. Только эти — явные японцы, а доселе они американских браконьеров промышляли, что били морского зверя у Командорских островов.

— А с чего они доход имеют? Все же содержание кораблей изрядных средств требует. — мгновенно подсчитав затраты на обслуживание и снабжение двух увиденных им судов, поинтересовался Макаров.

— А тут не все так просто как кажется. — в очередной раз усмехнулся Энгельм. — Сама по себе охота на браконьеров не дает им ничего. Хотя паровая шхуна, что вы наблюдаете в кильватере крейсера, была случайно обнаружена ими брошенной экипажем в нейтральных водах, как раз когда они американских браконьеров гоняли.

— Пиратство? — мгновенно понял все не высказанное контр-адмирал.

— С одной стороны, вроде бы да. — кивнул головой Энгельм, — А вот с другой, бывший экипаж этой самой шхуны, добравшись на шлюпках до острова Беринга, собственноручно и единогласно подписались под фактом оставления своего судна по причине получения последним серьезных повреждений в результате столкновения с другой шхуной. Кстати, экипаж другой шхуны, которая, если верить тем же свидетельствам, впоследствии затонула, тоже добрался до Беринга. Так что теперь даже в суде они вряд ли смогут что-либо доказать. Морское право еще никто не отменял.

— Вот ведь шельмы! — покачал головой Макаров, но при этом расплывшаяся по лицу улыбка, выдала его поддержку ушлым морякам с головой.

— Но и это не главное. — тем временем продолжил повествование Энгельм, — Пароходство, к которому приписаны эти суда, буквально на днях получило солидный пай в китобойном промысле графа Кейзерлинга. И как мне кажется, вскоре очень сильно взвоят все американские, голландские и английские китобои. Так что даже если на поприще борьбы с браконьерами ничего у них заработать не выйдет, во что лично я не верю, свое они возьмут, совершенно законно избавляясь от конкурентов. Да еще и вгоняя последних в изрядные затраты путем конфискации их судов! Весьма мудрый ход с моей точки зрения.

— Ишь ты! Хитро придумано! — искренне восхитился Макаров. — Но не слишком ли много полномочий частным лицам выдано?

— Так, законы позволяют. — развел руками командир порта. — А вот сумеет ли человек правильно воспользоваться сложившейся ситуацией или нет — уже только от него зависит. Вот эти — сумели.

— Да, честно говоря, не ожидал я подобной прыти от Виктора Христофоровича. Видно, сильно на него тогда трагедия с "Русалкой" повлияла, что он столь сильно изменился. Я ведь с ним три года на "Витязе" ходил и успел узнать его достаточно хорошо. Отличный офицер, великолепный специалист по части артиллерии и точных наук. Но не авантюрист. Не замечал я чего-либо подобного за ним. Здесь же, что ни новость, то сплошные авантюры!

— Может авантюры, а может и приказ. Кто же знает? — хитро прищурился Энгельм.

— Приказ? — пожевал губами его собеседника, как бы пробуя это слово на вкус. — А ведь все возможно. — согласно кивнул он спустя минуту раздумий. — А сам господин Иениш сейчас на борту одного из этих судов?

— Насколько мне известно, он ушел на Балтику прямиком из Шанхая, сразу как представилась возможность. Здесь остались только полтора десятка нижних чинов, и его компаньоны по пароходству — господин капитан 1-го ранга Зарин и господин Лушков — капитан 2-го ранга в отставке. Кстати, последний принял под свое командование "Лисенка". Вы можете не узнать этот небольшой корабль. Все же его силуэт сильно поменялся в результате перестройки. Но совсем недавно это был миноносец 1-го класса "Котака" Японского Императорского Флота. Сергей Аполлинариевич и Николай Михайлович рассказывали, что его взяли трофеем во время ночного налета японских миноносцев на Вэйхайвэй, а по окончании войны тут же выкупили в пользу пароходства как паровой катер. Видать, у китайских чиновников совсем с деньгами стало туго, раз они оформили все

бумаги. Впрочем, во сколько это обошлось пароходству, так и осталось тайной. — Энгельм считал необходимым пояснить тайну появления в частных руках этого явно военного корабля. — Минного и артиллерийского вооружения на нем, конечно, более нет, но митральезу на него они смонтировали. У них тут уже собственная пристань имеется и начинают строить здания под склады и проживание своих работников. Там как раз Сергей Аполлинариевич сейчас тоже может быть. Не желаете навестить?

— Непременно! — загорелся, как мальчишка, Макаров.

— В таком случае, я пошлю вестового уведомить Николая Михайловича о нашем скором визите. Полагаю, отказывать он не станет.

Не смотря на все еще напоминавшую о себе время от времени болевыми импульсами недавно вылеченную ногу, Макаров с превеликим удовольствием излазил "Лисенка" и даже уделил внимание приведенным в порт трофеям. К его величайшему сожалению, большую часть времени рейдерства "Полярного лиса" Лушков провел в роли капитана одного из трофеев и смог поведать лишь о бое у реки Ялу, да первых перехватах японских транспортов. Но и этого оказалось достаточно, чтобы привести контр-адмирала в неопиcуемый восторг. Все же одно дело — читать отчет, и совсем другое — слушать человека принимавшего непосредственное участие в этих событиях, с возможностью задать ему кучу уточняющих вопросов. Особенно впечатлили его действия экипажа минного крейсера по спасению от затопления канонерской лодки "Акаги". Сколько сил он положил, чтобы внедрить подобные действия на кораблях Российского Императорского Флота! И похоже, один раз попавший на "Русалке" в ситуацию, когда все зависело именно от возможностей водоотливных средств, Иениш уделил данной теме немало внимания, дабы не повторилась предыдущая трагедия. И судя по результатам — изрядно в этом деле преуспел. Не менее внимательно выслушал он и историю борьбы с браконьерами, заранее посочувствовав последним после появления у берегов Камчатки скоростного пограничного крейсера, убежать от которого не смогла бы ни одна шхуна. В общем, знакомством обе стороны остались чрезвычайно довольны, но проводить сколь-либо долгое время в беседах не было возможности, ни у того, ни у другого. Не прошло и пары дней, как Макаров покинул Владивосток, чтобы вновь встретиться с Зариным и Лушковым лишь через много лет.

Глава 4. Свои чужие берега

Приход "Находки" к Порт-Саиду вылился в настоящую шпионскую операцию. Еще в конце сентября, приняв на борт "материальные ценности" для оснащения воздвигаемых во Владивостоке укреплений, она покинула Кронштадт, взяв курс к английским берегам. Здесь на нее дополнительно загрузили заранее заказанные сотни тонн первоклассного цемента и арматуры, а также шесть артиллерийских орудий Армстронга с небольшим запасом снарядов, что по странной русской логике впоследствии требовалось передать на один из оставшихся в водах Средиземного моря русских крейсеров, для последующей их доставки уже на борту военного корабля в Кронштадт. Впрочем, задавать лишние вопросы английские оружейники не стали. Ведь возможный куш обещал быть очень сытным. Безобразно сытным! Когда вместе с небольшим, но срочным заказом на 120-мм и 152-мм орудия к ним "попали" слухи, что русский флот оказался, мягко говоря, не в восторге от первых поступивших на вооружение аналогичных орудий Канэ, англичане не стали упускать шанс протиснуться на оружейный рынок России. Тем более что подобное отношение к изделиям господина Канэ высказали и успевшие изрядно повоевать японцы, при этом оставшись более чем довольными орудиями Армстронга. А потому воспринимать внезапно прорезавшийся у русских интерес к системам английского производства, как нечто нелогичное, попросту не получалось. Наоборот! Русские, что не только наравне с англичанами активно изучали последствия первых настоящих сражений современных флотов, но и успели поучаствовать в этой небольшой заварушке на "добровольных" началах, как никто другой, за исключением самих японцев, могли оценить достоинства и недостатки тех или иных систем. Потому, две шестидюймовки и четыре 120-мм орудия вместе с разрешением на их продажу были подготовлены всего за один месяц. Вот только спустя некоторое время после отгрузки выяснилось, что крейсер, на который экипажу принявшего груз парохода требовалось сдать столь специфичный груз, еще в прошлом году ушел на Дальний Восток, а по причине вечных бюрократических проволочек, коими изобиловало любое делопроизводство в Российской Империи, сменить получателя попросту забыли. В результате, "Находка" была вынуждена тащить свой груз вплоть до Владивостока, благо он и являлся конечным пунктом ее назначения.

Спустя неделю после убытия "Находки" Кронштадт, среди прочих, покинуло лишь недавно вернувшееся под русский флаг судно "Европа", которому пришлось дожидаться прибытия на борт одного важного пассажира. Подаренное русским императором лет пять назад князю Черногории это судно с благодарностью было возвращено назад по причине, как материального износа, так и нанесения немалых убытков и так небольшой казне княжества. Проще говоря, эксплуатация этого парохода оказалась абсолютно нерентабельна в виду большой прожорливости при относительно скромных характеристиках грузоподъемности. Впрочем, этого стоило ожидать, поскольку первоначально судно приобреталось Доброфлотом с прицелом возможности его использования в качестве вспомогательного крейсера, возникни такая необходимость. И пусть ныне максимальная скорость в 13,5 узлов не казалась чем-то удивительным, десять лет назад, когда этот пароход появился на свет, он мог бы составить изрядную конкуренцию большей части корветов и фрегатов, появившихся на свет в 60-х и 70-х годах 19-го века. Да и дальность хода почти в

десять тысяч миль при полной загрузке угольных бункеров делала честь этому небольшому пароходу. В общем, как вспомогательный крейсер или быстроходный эскадренный транспорт снабжения оно выглядело в былые времена великолепным, а вот для гражданской жизни оказалось полностью непригодно. Тем не менее, и для него нашлось дело именно благодаря наличию солидного грузового трюма и возможности принять на борт до 1000 тонн угля. Не говоря уже о развивающемся на мачте Андреевском флаге, разом превращающим судно в неприкасаемое для гражданских властей любых государств.

К моменту отхода "Европы" от пирса, разведки всех заинтересованных держав знали не только точный путь судна, проложенный вокруг Африки, чтобы избежать гипотетических проблем с англичанами у Суэцкого канала, но и количество загруженного в него вооружения — вплоть до последнего патрона предназначавшегося для армии абиссинского негуса. Единственное, что осталось тайной для дипломатов и вообще всех посторонних, интересующихся данным грузом, то, что последний поднявшийся на борт пассажир уже после выхода из Балтийского моря вручил капитану лично в руки пакет скрепленный печатью самого императора и содержащий некоторые изменения в их миссии.

Встреча двух пароходов произошла близ порта Кадис, у которого "Находка" уже пару дней нарезала круги, чтобы не мозолить никому глаза холостым простаиванием на внешнем рейде. Все же и углем и провизией она была забита под завязку. Ознакомившись, оба судна ушли к Канарским островам, где в течение пяти дней их экипажи, беспрестанно ругаясь на свою нелегкую жизнь, капитанов, страну, императора, солнце, ветер и загадивших все палубы чаек, перегружали тысячи ящиков с борта на борт. Естественно, работы велись не вручную, а с применением кранов, основами для которых являлись мачты. Но даже в этом случае всем приходилось рвать жилы, тем более что вес некоторых ящиков доходил до десятка тонн. Повезло еще, что на помощь морякам согласились прийти находившиеся на борту "Находки" "переселенцы" отправлявшиеся к дальневосточным берегам, дабы попытаться счастья. По сравнению с тем количеством людей, что загружали в Одессе в свои каюты пароходы Доброфлота, их было совсем немного. Чуть более сотни. Сотня крепких мужиков некогда бывших неплохими артиллеристами на кораблях Российского Императорского Флота. Но также среди них сумели затесаться и несколько гальванеров с миноносниками, поскольку тягаться в будущем противостоянии с Итальянским флотом с помощью одной имеющейся артиллерии, нечего было и мечтать. А то, что бои с ним окажутся неминуемы, было ясно, как божий день. Все же итальянский флот являлся одним из крупнейших в мире и мог похвастаться наличием, как современных броненосцев, так и современных крейсеров, не говоря уже о миноносных силах. Конечно, его никак нельзя было сравнивать с английским или французским. С немцами и русскими, умудрись последние собрать воедино все разбросанные по миру и флотам корабли, ему тоже предпочтительно было не сталкиваться. Зато со всеми остальными он уже мог попытаться потягаться. Правда, только на бумаге, поскольку большая часть броненосных кораблей, будучи построенными на основе устаревших представлений о сражениях кораблей линии, никак не могли тягаться на равных с тем же "Наварином", который, правда, еще находился в достройке и даже однопалубные "Николай I" и "Александр II" имели неплохие шансы в противостоянии со своими итальянскими одноклассниками, не смотря на гораздо меньшее водоизмещение и вдвое меньшее количество орудий главного калибра. Во всяком случае, из десяти относительно современных броненосцев, четверем из них совершенно точно не рекомендовалось встречаться в бою с "русскими таранами" и еще у трех имелся одинаковый шанс, как самому

запинать подобного противника, так и отправиться на дно от полученных в ответ взрывоопасных подарков. И лишь три броненосца последней серии, близкими аналогами которых в русском флоте являлись черноморские броненосцы типа "Екатерина II", имели неплохие шансы в гипотетическом противостоянии. Но все их недостатки нивелировались общим количеством и возможностью быстро собрать их всех в один кулак. То же касалось и крейсеров. Из дюжины этих гончих морей и океанов, лишь броненосный "Марко Поло" можно было причислить к кораблям 1-го ранга, остальные же, в силу своих размеров, относились ко второму, хоть и могли похвастаться солидным вооружением, которому мог бы позавидовать любой русский крейсер фрегатного типа, каковые и составляли основу крейсерских сил Российского Императорского Флота. Но в погоне за большим весом бортового залпа и экономией средств при строительстве, итальянцы очень сильно проиграли в скорости, так что некоторые из них даже оказывались медленнее броненосцев. Зато от обилия миноносных кораблей голова шла кругом. Миноноски, миноносцы и минные крейсера, и по количеству, и по вооружению, значительно превосходили своих русских одноклассников. А также гарантировали очень веселые ночи любому потенциальному агрессору оказавшемуся столь дурным, чтобы подводить свой флот к берегам Италии. Впрочем, далеко не самые успешные в плане финансового и внутривнутриполитического благополучия годы успели сказаться и на флоте, отчего большая часть кораблей выводилась в Резервный Флот и ходили с урезанными экипажами.

Впрочем, подобное можно было смело утверждать о большей части стран входящих, так сказать, в третью лигу по силе своего военно-морского флота. Италия, Австрия, Испания, Турция, САСШ — все они могли похвастаться солидным числом вымпелов, в том числе броненосными кораблями, но вот в качестве равноправного и равноценного противника ведущим мировым державам их нельзя было даже представить.

Так что хоть грядущее противостояние с итальянцами виделось куда более сложной задачей, нежели охота на японские суда. Ведь в этот раз не было той собственной большой дубины, как Бэйянский флот, который мог бы привлечь к себе внимание главных сил противника. Зато, в отличие от своих будущих противников, Иениш прекрасно знал время и место начала войны на море, что давало ему отличную фору для подготовки бурной встречи главным силам любителям красного вина и макаронных изделий. Хотя, то, что до времени покоилось в сотнях деревянных ящиков отгруженных под видом патронов, тоже должно было сыграть немалую роль. Ведь не обязательно было полностью уничтожать силы противника. Да и не виделось подобное возможным. А вот нанесение им достаточного урона, причем, зачастую даже не фатального, обещало помочь в затягивании времени. Все же главной действующей силой уже начавшейся войны были сухопутные части, и именно от их удачных действий зависело будущее, как самого Иениша, так и всего затеянного им мероприятия.

Выдохнуть собравшиеся на борту "Находки" люди смогли лишь, когда за кормой осталась узкая ниточка Суэцкого канала. Причем, причиной снижения уровня висевшего на борту судна напряжения являлся не только сам факт беспрепятственного преодоления этого узкого горлышка, но и трагедия, привлекавшая внимание мировой общественности, как бы меркантильно и бесчеловечно это ни звучало. Еще в сентябре в Османской Империи вновь начались массовые убийства и грабежи армян. Сперва, в Стамбуле, затем, в Трабзоне, а после и во многих других городах восточной части Ближневосточной Порты тысячи армян были уничтожены силами как хамидие и армии, так и софтами, желающими искоренить всякий

намок на христианскую веру в пределах границ Османской империи. Впрочем, участие в этой резне приняли и многие другие слои населения. Даже боевые группы стамбульских евреев успели отметиться, под шумок активно уничтожая своих главных конкурентов в делах торговли из числа армян. Естественно, подобная ситуация не могла остаться незамеченной европейскими государствами и в адрес султана Абдул-Хамида II полетели многочисленные ноты протеста, адекватные ответы на которые так и не были получены. Потому, скорое появление близ берегов Османской Империи десятков боевых кораблей не стало ни для кого сюрпризом. Причем, именно Италия пригнала самое большое число вымпелов, включая целых шесть броненосцев. И у нее были на то веские причины. Еще со времен Берлинского Конгресса 1878 года правительству Италии дали зеленый свет на включение в зону своих жизненных интересов территорию Ливии. С тех пор ее внешняя политика по отношению к Османской Империи делала акцент именно на отторжение данных территорий, что с учетом отношения турок к местному населению лишь поддерживалось ливийцами обеими руками. Так что, получив возможность надавить и показать свою мощь, Италия не стала мелочиться. Об этой демонстрации силы Иениш узнал из газет купленных в Порт-Саиде. И не смотря на горе постигшее армянское население Османской Империи, он надеялся на развитие этой трагедии, поскольку это давало дополнительный изрядный шанс собранной им команде.

— В принципе, нормальная рабочая ситуация. — выслушав стенания Иениша по поводу беспокоящих его недостойных офицера мыслей, лишь пожал плечами Иван, который переселился на "Находку" с борта "Владивостока" сразу как та пришла в Суэц. — В мое время вылезти наверх за счет страдания других было одним из излюбленных тактик во внешней политике абсолютно всех стран. И если кто-либо сказал бы, что это не так, он непременно соврал бы. Да, как обычному, нормальному, вменяемому человеку, мне невероятно жалко тех невинных, кого турки уже убили и убьют в будущем. Все же я не настолько серый в плане общеобразовательных знаний, чтобы не помнить о геноциде армян, что произойдет в Османской Империи. Так что тысячи жертв, о которых сейчас кричат газеты, окажутся лишь малой каплей в море по сравнению с тем, что предстоит пережить этому народу. Но здесь и сейчас, ни я, ни вы, ни даже император, не можем поделаться ровным счетом ничего. У нас хватает и своих проблем. Вот и будем сосредоточиваться на их решении. Так что думайте не в том ключе, что наш успех, в который я верю, будет частично оплачен кровью тысяч ни в чем неповинных людей, чья гибель сослужила нам службу исключением из грядущего противостояния хотя бы части итальянского флота, а в том, что наш успех в будущем, возможно, позволит сохранить жизни тысяч наших моряков и десятки кораблей флота. А в перспективе возможно и десятков, сотен тысяч жизней русских людей. Да, грядущая операция является лишь одной шестеренкой того механизма, что должен будет обеспечить нам готовность к войне с Японией. Да, Россия подпортит отношения, как с Италией, так и с Англией. Да, многие годы и сотни тысяч, если не миллионы, рублей уйдут на освоение намеченных вами к прихватизации территорий. Но и вы, и я, прекрасно знаем, что произойдет, если сидеть, сложа руки, и ничего не делать.

— Значит, общий планы вы одобряете? — не смотря на слова друга, тяжесть с души отставного капитана 1-го ранга даже и не думала уходить, что не осталось не замечено Иваном.

— Конечно, одобряю! И знаете почему? — сделав паузу, чтобы дать собеседнику возможность задать крутящийся на языке вопрос, отвлекся на стакан с водой гость из будущего.

— Почему? — не заставил себя ждать Иениш.

— Да потому что именно подобные операции как раз в стиле работы спецслужб моего времени! Для меня это при-выч-но! — по слогам произнес последнее слово Иван, выделяя интонацией каждый слог. — И не надо на меня так смотреть, Виктор Христофорович. Это не я такой. Такой была атмосфера, в которой я рос и развивался. Да. Соглашусь. Сволочной была эта атмосфера. Но ведь другой не было! Нельзя быть одному тебе хорошим, когда все вокруг сволочи! Хотя, вру. Можно. Но недолго. Сожрут-с. — развел руками Иван. — Хотя, для вашего времени это, конечно, будет наглостью. Я, честно говоря, приятно поражен тем фактом, что император дал добро на подобную авантюру. Видать, повернулись мозги в нужную сторону, как узнал, к чему в конечном итоге приведет его миролюбивая политика. Все же сам статус "империи" обязывает время от времени показывать зубы. А Александр Александрович позабыл об этом факте. Хорошо хоть что встал на путь исправления.

— Ох, Иван Иванович, — неодобрительно покачал головой Иениш, — подведет вас когда-нибудь ваш язык. Ладно я или Николай Николаевич! Понимаем, отчего вы такой. А если кто чужой услышит ваши слова?

— Так я с чужими на подобные темы и не беседую. — усмехнулся тот в ответ.

— Вы знаете, хоть порой мне и становится страшно от понимания вашего мировоззрения, я вам завидую. Ведь вы можете видеть мир совсем иначе, нежели любой из моих современников. И дело тут даже не в знании будущего. Просто вы совершенно другой. Вы видите потенциал там, где остальные видят непроходимую преграду. Вы привыкли реагировать и действовать мгновенно, не раскачиваясь днями и неделями. И мне это нравится. Я солгу, сказав, что хотел бы оказаться на вашем месте, но почувствовать то, что чувствуете вы, хотелось бы. Страшно, конечно. Но хотелось бы.

— Хм. — только и смог, что грустно усмехнуться в ответ на откровение хроноаборигена тот, кого не должно было здесь быть. — Бойтесь своих желаний, Виктор Христофорович. Бойтесь. — тихо произнес Иван, жалея, что в стоящем перед ним стакане сейчас находится вода, а не водка. — Вот вы говорили давеча, что чувствуете себя мерзавцем, испытывая чувство радости от отвлечения итальянского флота на проблемы с турками. А как, по-вашему, должен тогда чувствовать себя я? Вы вот сейчас страдаете от того, что просто собираетесь воспользоваться сложившейся ситуацией, окропленной кровью невинных. А я!? Что прикажете делать мне!? Пойти и убиться головой о стену!?

— Бог с вами, Иван Иванович! — опешил от неожиданной смены настроения собеседника Иениш.

— А так ли это? — перебил того Иван, — Действительно ли Бог со мной? А, может, он как раз обозлился за что-то на меня и закинул сюда, лишив всего и превратив с самого страшного убийцу всех времен и народов?

— Да какой же из вас убийца, Иван Иванович!?

— Самый страшный. — допив воду и недолго поиграв пустым стаканом, произнес гость из будущего. — Ведь именно я своими действиями убил миллионы людей. Миллионы еще не родившихся людей, которым из-за нашего вмешательства в ход истории уже не суждено будет родиться. И знаете, что самое жуткое? — посмотрев прямо в глаза Иенишу, только начавшему понимать всю тяжесть взятого на себя Иваном груза, поинтересовался он и сам же тут же дал ответ, — Я своими собственными руками убил всех своих родных и близких. И так шанс появления на свет каждого конкретного человека является невероятно низким, зависящим от огромного количества факторов, так что каждый рожденный уже может

считать себя счастливчиком. Я же, быть может, уже отобрал этот шанс у своих прадедов и прабабок, не говоря уже об остальных.

— Эка вы хватанули! — только и смог в ответ на подобное откровение покачать головой Иениш. Бросать друга и боевого товарища в подобной ситуации он точно не собирался и потому, собравшись с мыслями, начал очень аккуратно подбирать правильные слова, — Вас послушать, так выходит, что каждый из нас, кто побывал в бою с японцами, является столь же страшным убийцей, каким вы полагаете себя. Ведь, выполняя воинский долг, они не только могли поспособствовать гибели тех, кому суждено было выжить в вашем прошлом, но и соответственно всех их потомков. Да и поскольку непосредственно изменения в мир внесли не конкретно вы, а мы — те, кому принадлежит это время, вы никак не можете брать всю ответственность на себя. А коли каждый моряк или солдат начнет задаваться подобным вопросом, так ни флота, ни армии не останется. И кто тогда будет стоять на страже отечества от тех сил, что не задаются подобными вопросами? Некому станет! А не будет защитников, не будет и страны! Как и вы, я не ведаю, по чьей воле вы оказались в тот роковой час подле "Русалки". Был ли это промысел Божий или козни Дьявола по отношению вас? Вряд ли мы когда-нибудь узнаем. Но сей факт свершился. Свершился не по нашей воле. И потому не нам давать оценку. Но что я могу оценить — так это счастье. Счастье мое и моей дорогой супруги, когда на свет появилась наша маленькая Иоанна. А ведь не спаси вы меня, не появилось бы на свет это чудное создание. Так что выходит, что своим появлением и вмешательством вы уже дали возможность появиться на свет тем же миллионам людей, коим не суждено было родиться. А скольких вы еще спасете!? Скольким по вашей милости будет суждено появиться на свет!? Вот и выходит, что для моей маленькой дочурки и всех остальных вы являетесь физическим воплощением промысла Божьего! И никак иначе!

— Может, еще канонизировать меня предложите? — грустно усмехнулся Иван, прекрасно поняв, что собеседник пытается его поддержать. Вообще, подобные приступы самобичевания начали нападать на него во время путешествия на добровольце, когда, наконец, появилось изрядное количество свободного времени, которое попросту нечем было занять. Вот и стали лезть в голову невероятно умные мысли, приведшие в итоге к многонедельному запою. Хорошо еще, хватило ума надираться в одиночку, заперевшись в своей каюте. И пусть это был шаг истинного алкоголика — пить со своим отражением в зеркале, возможность разболтать чего-нибудь лишнее собутыльнику отсутствовала напрочь. В результате, в Суэц он прибыл, имея столь непрезентабельный вид, что Протопопов испугался за здоровье своего спасителя и три дня носился с ним, как курица с яйцом, пока не прошли или не были убраны все внешние следы длительного запоя.

— Уж извините, но это точно не в моей епархии. — развел руками Иениш. — Но что я могу вам предложить, так это составить хорошую компанию за бутылочкой превосходного шустовского коньяка!

Помогли ли ежедневные многочасовые беседы с человеком, от которого можно было не скрываться и не закрываться или новая работа, в которую Иван оказался погружен с головой, но за те семь дней, что занял путь до французского Обока, подобных разговоров он более не заводил, да и внешне не выглядел подавленным или обеспокоенным чем-либо сверх меры.

В столице французской колонии с борта сошел нагруженный по самую макушку деньгами, оружием и припасами Виктор Федорович Машков, пересевший к ним с борта "Европы". Именно ему совместно с принцем Дамто и ожидавшим в городе сопровождением

предстояло привести войска, что уже должны были ожидать их прихода, если миссия Леонтьева обернулась удачей.

Вообще, Машков оказался не просто незаурядной личностью. Наверное, именно таких как он Иванов называл словом "фанат". Он был натуральным фанатом Абиссинии. Не года — десятилетия Машков собирал всю возможную информацию об этой христианской африканской стране, прежде чем предпринять свое первое путешествие в эти отдаленные земли. Неизвестно, что влекло его именно в эту страну, но никто другой в России за исключением уже убывшего Леонтьева не имел столько же возможностей добиться требуемого результата в грядущей экспедиции. Потому Машкова в срочном порядке вызвали из Багдада для встречи с Александром III. Впрочем, это была далеко не первая встреча самодержца с этим незаурядным человеком и потому беседа оказалась более чем результативной. Стоило ли говорить, что отставной поручик и начинающий дипломат согласился на все, не раздумывая? То, что империя решилась, пусть и не напрямую, заявить о своих интересах на африканском континенте стало персонально для Машкова триумфом всей его сознательной жизни, но план, озвученный Иенишем в течение совместного плавания, привел прирожденного авантюриста в неистовый восторг. Сам он ни на что подобное даже не смел замахиваться! Стоило ли говорить, что вскоре МИД Российской Империи лишился одного из своих молодых и многообещающих сотрудников? Впрочем, "лишился" — было не совсем верным словом. Скорее, помимо обязанностей сотрудника Министерства Иностранных Дел, Машков был вынужден заниматься еще много чем.

По уже проторенной дорожке Виктору Федоровичу предстояло добраться до границ Абиссинии через полосу принадлежащей местечковым князьям и вождям земли. Естественно, это путешествие не шло ни в какое сравнение с первым посещением этих земель, когда по причинам недостаточного финансирования, отсутствия каких-либо связей и бюрократических проволочек, ему довелось тащиться до Аддис-Абебы целых пять месяцев. Но сейчас он сам являлся наглядным примером того, что силы были потрачены не зря! И пусть, прежде чем вновь появиться при дворе Менелика II и продолжить свою работу по изучению Абиссинии, ему предстояло поучаствовать в неслыханном военном походе, итогом которого должен был стать захват Асэба, Машков в момент выхода их отряда из Обока полагал себя одним из счастливейших людей на земле.

Вообще, портов отвечавших требованиям Иениша в Эритрейской колонии насчитывалось всего два и оба по пути были посещены "Находкой" с целью пополнения запасов угля. Но это была официальная причина. Неофициально же все находившиеся на борту прикидывали предварительный масштаб будущей работы и надо сказать, оказались вполне удовлетворены увиденным.

Планируя операцию, Иениш опирался на ту информацию, что удалось получить от Леонтьева и посольства Абиссинии, а также на данные географического общества. Но лишь увидев все вживую, он полностью успокоился, утвердившись в мысли, что сделал правильный выбор, собравшись наложить лапу на Асэб. Именно этот подконтрольный итальянцам порт обладал всем необходимым для быстрой разгрузки забитого вооружением парохода, а имеющиеся укрепления вполне можно было использовать для последующей обороны против итальянского флота и войск. К тому же, в отличие от куда более укрепленного Массауа, гарнизон Асэба состоял всего из одного неполного батальона туземных солдат, и только офицеры являлись итальянцами. Конечно, при необходимости, непосредственно разгрузку доставленного вооружения можно было бы произвести и в одной

из природных гаваней, в больших количествах имевшихся между Массауа и Асэба, но все пригодные для приема больших судов охранялись фортами, да и поставленные перед собой задачи уходили уже далеко за пределы первого задания императора.

Вернувшиеся спустя всего две недели после убийства посланники одним своим видом давали понять, что негус по достоинству оценил, как знания русских офицеров-инструкторов уже находящихся при ведущей бои с итальянцами армии, так и эффективность современных способов ведения боя, благо, некоторое количество винтовок удалось официально закупить во Франции еще несколько лет назад, а немногочисленные пулеметы и легкие орудия провезти контрабандой за последний год. Но и того и другого было катастрофически мало! И столь долгожданное вооружение, благодаря которому не менее четверти собранных по всем землям воинов могли бы сменить служившие еще их отцам и дедам копыя и луки с дульнозарядными карамультуками на нечто более подходящее наступившим временам, непременно должно было сказаться на скорости разгрома итальянцев и вставших под их знамена племен. К тому же, идея взять под свою руку провинцию Дэбуб-Кэй-Бахри, первой занятой итальянцами более пятнадцати лет назад, с возможностью получить столь желанный беспрепятственный выход к морю, произвела на Менелика II более чем благоприятное впечатление. И даже оплата в виде передачи половины города-порта и ряда прилежащих к нему территорий в аренду на 99 лет частному пароходству "Иениш и Ко" зарегистрированному в России нисколько не испортила настроение монарха. Ведь в результате он получал куда больше. И пусть итальянцы еще до начала боевых действий предлагали сходный вариант разрешения накопившихся противоречий, Менелик II прекрасно понимал, что планируемая ими к постройке железная дорога, что должна была пересечь всю его страну, лишь приблизила бы завоевание Абиссинии белыми колонизаторами. Здесь же представлялась возможность столкнуть лбами близкую по вере православную Россию и алчную до всего Англию, стоявшую за спиной Италии. Потому, уже спустя три дня после возвращения Леонтьева в направление Обока выступил отряд в семьсот лучших воинов, которым предстояло ожидать в оговоренном месте принца Дамто. Но не меньшее значение имели бережно хранимые выдвинувшимся вместе с отрядом казаком Гаюсовым договора и наскоро придуманных и пошитых флагов военно-морского флота Абиссинии.

Естественно, допустить на свою территорию столь многочисленный отряд французы ни за что не позволили бы, но три с половиной сотни удалось провести, как охрану и носильщиков Машкова, вернувшегося, якобы, с богатыми дарами для российского императора. А остальные, за исключением собравшей все оружие воинов и убывшей обратно в столицу сотни, небольшими отрядами, изображая из себя идущих на заработки, смогли добраться до заранее согласованной бухты, откуда впоследствии забирались шлюпками вставшего под абиссинский флаг "Владивостока". Поскольку "Находка" уже успела немного засветиться, компаньоны приняли решение "продать" Абиссинии именно "Владивосток". А так как судно являлось донельзя гражданским, никто не мог воспрепятствовать или оспорить акт его купли-продажи одной из сторон конфликта даже во время ведения боевых действий.

Изрядно нервировавшие французские колониальные власти три с половиной сотни абиссинских воинов, пусть и лишенных всякого оружия, что запрудили улицы Обока, к их вящей радости в один прекрасный день погрузились на русский товарный пароход, позволив вивавшему надгородом в течение недели напряжению развеяться. По причине отсутствия

свободного места на борту "Находки", забрать основной отряд, до посадки на борт "Владивостока" остальных абиссинцев, не было никакой возможности. Судно и так оказалось забито под завязку, так что новые пассажиры запрудили всю верхнюю палубу, имея в качестве защиты от погоды либо непогоды лишь полотняные навесы.

За двенадцать часов, что занял у обоих судов путь от французского Обока к Асэбу, все шесть сотен абиссинских воинов были наскоро обучены обращению с винтовкой Бердана, а также смогли выпустить по десятку патронов в качестве тренировки. Все равно действовать им предстояло на близкой дистанции, так что особой меткости можно было не требовать. Главным их оружием в предстоящем действии являлись внезапность и численность, а не огнестрельное вооружение. Да и любимое абиссинцами холодное оружие также входило в состав вооружения каждого воины. Помимо четырехгранного штыка прилагавшегося к винтовке, им были выданы старые пехотные сабли образца 1826 года, пять тысяч штук которых так же покоились в закромах "Находки".

Являясь весьма молодой колониальной державой, к тому же обладая куда меньшими финансовыми возможностями, нежели Великобритания и Франция, Италия не уделяла большого внимания так называемой "Политике канонерок". Все выделяемые на флот средства расходовались на постройку огромных броненосцев, небольших бронепалубных крейсеров эльсвикского типа и множества минных кораблей — от миноносков до минных крейсеров. На канонерские же лодки оставались жалкие крохи, потому представителей класса этих кораблей в Королевском Флоте можно было сосчитать по пальцам рук. Да и те большей частью являлись сущими малышами. Лишь "Вольтурно" и "Куртатоне" могли сравниться с мореходными канонерками получившими большое развитие во флотах Англии, Франции и России. Но все они в основном базировались непосредственно в Италии вместе с тем, чтобы представлять флаг своей страны в самых дальних уголках мира.

Лишь в связи с началом боевых действий в Красное море были переведены три самые крупные из них в помощь старой деревянной канонерке, что уже долгие годы несла здесь сторожевую службу. И только "Куртатоне" с парой малюток класса "Гуардиано" остались охранять побережье Италии непонятно от кого.

Прибывшие еще в середине лета канонерки тут же оказались распределены по двум крупнейшим городам-портам Эритрейской колонии, но в связи с малой значимостью Асэба, по сравнению с Массауа, на его прикрытия выслали лишь небольшую ренделовскую канонерку не успевшую пройти перевооружение и потому продолжавшую таскать на себе громаду крупновесного орудия. Пятисоттонная "Поллюс" вооруженная монструозным 400-мм орудием Круппа, способным посылать в противника снаряды весом в 900 кг, никак не подходила для боевых действий против любого водоплавающего противника способного дать сдачи. Впрочем, данный факт оказался общей чертой и самой большой бедой всех ренделовских канонерок, что наглядно продемонстрировала завершившаяся недавно Японо-Китайская война, в которой многочисленные китайские канонерки не смогли продемонстрировать абсолютно ничего, кроме белого флага при сдаче в Вэйхайвэе. И даже наличие небольшой скорострельной 37-мм пушечки на корме "Поллюс" не смогло спасти ее от подкравшегося волка в овечьей шкуре. Ведь именно эта канонерка, несшая свою скучную службу стационара, выпала на долю "Владивостока". Правда, принявшее час назад на свой борт всех абиссинцев судно несло уже совершенно другое название и с учетом уже сменившегося флага ни с какой стороны не имело отношения к России.

Сперва, на заходящее в небольшой и всеми забытый порт весьма крупное судно под неизвестным флагом обратили внимание лишь по причине скуки, являвшейся главным врагом большей части жителей города. Отдаленный от цивилизации и окруженный мертвыми пустынными землями, он был мало кому интересен по причине отсутствия значительного числа колониальных товаров. В том числе по этой причине, данные земли смогли дожидаться замешкавшихся в погоне за колониями итальянцев. Жизнь здесь текла медленно, гости были редки, а если и заходило какое судно, то либо пополнить запасы угля с местной угольной станции, либо забрать груз соли, что добывали в Данакильской пустыне. Потому, мазнув по судну сонливым взглядом, да слегка подивившись невиданному ранее флагу, весь экипаж канонерки вернулся к прерванному сну, не нарушаемому офицерами по причине их отсутствия на борту.

Заставили же итальянских моряков двигаться, лишь действия неизвестного судна. Проигнорировав подаваемые с берега сигналы, оно прошло мимо торгового пирса и на черепашной скорости буквально притерлось к левому борту канонерки, после чего обрушившиеся с металлическим грохотом якоря надежно зафиксировали пароход на месте.

Не успели побледневшие от подобных действий итальянские моряки высказать все, что они думают о полоумных незнакомцах, как с борта "Аддис-Абебы" вниз полетели штормтрапы, а над бортом появились десятки вооруженных винтовками солдат. Кто-то из моряков мгновенно юркнул в люки, скрывшись в машинном отделении, кто-то, сиганув через борт, принялся улепетывать в город, кто-то залег на палубе или застыл на месте, но никто не предпринял ни единого шага, чтобы помешать начавшемуся абордажу.

Тревогу в городе подняли лишь, когда уже более полутора сотен абиссинских воинов, перебравшихся по палубе канонерки на землю, подходили к казармам итальянских войск. Им требовалось отрезать солдат от арсенала и по возможности запереть их в казармах, чтобы подкаченными впоследствии горными орудиями заставить тех сдаться или решить вопрос радикально, но с минимальными потерями со своей стороны. Ведь захват города был лишь самым началом операции. Куда больше сил впоследствии должно было потребовать его удержание в своих руках. А для этого требовались руки привыкшие держать оружие.

До конца дня, потеряв в боях 132 человека убитыми и ранеными, десант смог взять под полный контроль весь город, после чего к границе с Абиссинией вышел отряд в три десятка всадников, чьей задачей было привести остальные войска будущего гарнизона. Для подготовки достойной встречи противникам у оставшихся в городе бойцов оставалась как минимум неделя, если только на горизонте не появится какой-нибудь залетный корабль. Пока успевшие удрать из города немногочисленные итальянские офицеры и сотрудники администрации доберутся до ближайшего прибрежного форта, пока информация о захвате Асэба попадет оттуда в Массауа, пока итальянцы раскачаются и пошлют кого-нибудь подтвердить полученную информацию, по предварительным оценкам должно было пройти не менее десяти дней. Но на всякий случай Иениш выделил на подготовку позиций батарей береговой обороны и выставление минных полей лишь неделю.

Да-да! Столь особо тщательно скрываемым грузом сперва "Европы", а после и "Находки" были 319 якорных гальваноударных мин Герца образца 1876 года. Прекрасно показавшие себя во время последней войны с Османской Империей, они уже успели устареть и большей частью прийти в полную негодность для дальнейшего применения. К тому же, развитие минного дела не стояло на месте и им на смену уже пришли мины сферических форм, оказавшиеся куда более простыми в производстве и при этом более

смертоносными для кораблей, поскольку из-за формы корпуса могли снаряжаться почти вдвое большим количеством мелинита.

Вот только у мин Герца имелось и одно неоспоримое преимущество — они поставлялись на вооружение многих стран и потому впоследствии выяснить, откуда эти взрывоопасные игрушки взялись у Асэба, практически не представлялось возможным. Можно было догадаться. Но вот доказать — нет! Вообще, Иениш с удовольствием взял бы куда большее количество этих мин, но из 530 штук обнаруженных в арсеналах Кронштадта и черноморских портов, не менее сотни уже не подлежали восстановлению и годились только в переплавку. К тому же, если на переснаряжение мин время еще нашли, то на их доставку наземным транспортом с Черного моря на Балтику его уже попросту не было. Так что их поставку следовало ожидать несколько позже.

Успевший лично оценить действенность минных полей Вэйхайвэя в деле отпугивания вражеских крейсеров, Иениш сделал ставку именно на сдерживание атак противника с моря, для чего минное оружие выходило едва ли не на первое место, опережая береговую артиллерию и смехотворный флот, который в настоящий момент состоял всего из одного судна и трех минных катеров, об оформлении документов на которые все же удалось договориться с господином Циезом.

Естественно, для полного прикрытия порта подобного количества мин никак не могло быть достаточно. Не хватило бы и всех имевшихся в арсеналах Российского Императорского Флота мин Герца. Но выставить несколько минных линий в местах наиболее вероятного появления противника, а также частично перегородить судоходные проходы между примыкающих к порту островов, чтобы создать эдакий неприступный анклав, было вполне по силам. Та же оборона Вэйхайвэя наглядно показала, что без успеха сухопутных войск, прикрытую артиллерией и минами военно-морскую базу нечего и мечтать взять. Да, тогда у японцев не имелось крупных броненосцев, да, у китайцев стояли на вооружении крупнокалиберные орудия Круппа в достаточных количествах, да и запертый на базе флот активно участвовал в артиллерийских дуэлях. Но! В данной конкретной ситуации имелось достаточное количество "но", чтобы давать неплохой шанс на успех предприятия Иениша. Тут и полученный ранее опыт, и отсутствие у итальянцев на африканском континенте достаточного количества войск, чтобы пробить будущую оборону с суши, и внезапность. А с растерянным противником, особенно на первых парах, справиться было куда как проще, нежели с тем, кто уже успел почувствовать вкус победы. Ну и про приемлемое количество вооружения и боеприпасов тоже не стоило забывать. Броненосцев, как и крейсеров, у итальянцев имелось немало, вот для их теплой встречи и был разработан план обороны порта морскими минами. Для общения же с легкими кораблями предназначались шестнадцать 120-мм орудий разных систем, шесть шестидюймовых пушек опять же разных систем и четыре 170-мм дуры в качестве главного аргумента. Могло бы быть и больше, благо арсеналы Балтийского флота ломились от снятых с вооружения орудий Круппа, но на "Находке" просто-напросто не нашлось достаточно свободного места. И так в целях лучшего размещения и облегчения последующего монтажа орудия были полностью разобраны и упакованы максимально плотно. Да и весили более крупные системы столько, что Иениш сильно сомневался в возможности проведения их монтажа теми средствами, что могли оказаться под рукой, да еще и за короткое время. А ведь это самое время начало утекать с первым прозвучавшим выстрелом. Так что пока абиссинцы захватывали город, а ушедшие на одном из трех доставленных "Находкой" паровых катеров минеры осматривали проливчики,

что им в скором времени предстояло перегородить, команда судна принялась за разгрузку на берег первых орудий будущих батарей береговой обороны.

Всего, чтобы перекрыть остающиеся практически без минных полей участки, требовалось соорудить минимум пять батарей. Причем четыре из них планировалось разместить на находящихся на расстоянии порядка трех с половиной миль от порта островах. И если первоначально для доставки орудий и боеприпасов предполагалось использовать лишь паровые катера и шлюпки, захват итальянской канонерки позволил значительно сократить время их развертывания.

Непосредственно в порту Асэба оставались четыре короткоствольных 170-мм орудия Круппа, что некогда закупались для вооружения крейсеров закупленных "таинственной экспедицией" и два дальнобойных, а также скорострельных 152-мм орудия Армстронга. Конечно, имея достаточно времени и возможностей, Иениш с удовольствием разместил бы их на небольшом островке находящемся на острие их возводимой обороны. Но их немалый вес диктовал свои условия. Потому свои главные артиллерийские аргументы будущего противостояния пришлось устанавливать непосредственно в порту, используя для этого имевшиеся на "Находке" подъемные средства.

На острове же, получившим наименование "Батарейный", в срочном порядке подготавливали позиции для четырех новеньких 120-мм орудия Армстронга из числа аврально закупленных Российской Империей. И пусть англичане поставили вместе с ними небольшое количество снарядов, которых едва хватило бы для испытательных стрельб, Иениша данный вопрос не сильно волновал, поскольку тысячи их собратьев были захвачены на одном из японских пароходов последнего перехваченного конвоя. Впрочем, выбор всего остального вооружения из того многообразия, что пылились на складах флота, был сделан по той же простой причине. Для них имелись сотни и тысячи снарядов, по сравнению с общей ценой которых стоимость орудий откровенно терялась, как незначительная величина. Особенно, учитывая тот факт, что за орудия платила казна. Впрочем, в случае удачного стечения обстоятельств, новенькие Армстронги Иениш впоследствии планировал выкупить по остаточной стоимости для вооружения своих кораблей "Добровольного охранного флота". Подобный ход был выгоден как ему, так и государству. Первый получал современное вооружение за приемлемые деньги, а второе избавлялось от очередного нестандартного, которого и так хватало в закромах арсеналов. Вместе с орудиями на остров отправлялись десятки кубометров бруса, сотни корзин первоклассного цемента и связки арматуры для подготовки артиллерийских позиций.

На тот же остров должный стать основой обороны отправились четыре 150-мм орудия Круппа. К счастью, на старичке "Конго" стояли те же стволы, что в свое время закупил русский флот. А поскольку он то и дело привлекался к обстрелам побережья, снаряды для него везли в каждой партии. Правда, у японцев эти орудия обозначались как 25-тикалиберные, а в России как 26-тикалиберные. Но разница в обозначении являвшемся неверным в обоих случаях по причине округления в ту или иную сторону, не мешала захваченным у японцев снарядам спокойно входить в орудия взятые с русского арсенала. И поскольку, в отличие от скорострелок Армстронга сходного калибра, они имели вдвое меньший вес, именно их с кряхтением и матами переместили на Батарейный. Эти две батареи получившие номера соответственно 3 и 4, наряду с 1-й и 2-й прикрывали порт на

северном и северо-восточном направлениях, а также обеспечивали прикрытие будущего минного поля от возможного траления.

Еще шесть 120-мм орудий Круппа, что в свое время были сняты с японского корвета, разделенные на батареи N5 и N6, на родных станках были установлены на острове раскинувшемся двумя километрами южнее Батарейного. Он на карте Иениша получил наименование "Орудийный". С этого небольшого участка суши можно было перекрыть разом три проливчика ведущих к порту, а относительно небольшая дальность эффективного огня этих короткоствольных пушек компенсировалась наличием раскиданных в округе островов и мелей не позволявших любому, кто пожелал бы, пробраться к Асэбу с юго-востока, пройти дальше мили хотя бы от одной из двух этих батарей.

Последние две батареи береговой обороны N7 и N8, состояли из четырех полевых 120-мм орудий Круппа и двух наиболее расстрелянных орудий Канэ и размещались на "Тыловом" острове раскинувшимся между материком и Орудийным. Помимо возможности оказать помощь в прикрытии одного из проливчиков батареи N5, они перекрывали подход к Асэбу с юга и служили охраной для все судов и кораблей притулившихся в такой удобной бухточке Тылового, где их невозможно было обнаружить с подходящих к Асэбу судов и кораблей.

Оставшаяся же временно не у дел пара 120-мм орудий Канэ, были надежно укрыты в захваченном арсенале вместе с тремя сотнями подготовленных для них снарядов в ожидании прибытия их будущего носителя. Впрочем, помимо орудий туда же утащили минные аппараты и немногочисленные самоходные мины, что также предполагалось впоследствии установить на "Полярного лиса" и минные катера, как только последние перестанут эксплуатировать в качестве постановщиков мин.

Естественно, справиться исключительно своими силами, как при обустройстве обороны, так и в последующем обслуживании столь большого количества орудий, не имелось никаких возможностей и к делу оказались пристроены не только не занятые в несении караульной службы абиссинцы, но и пленные, как и мужчины из числа жителей города. Те, кто не успел убежать. Пусть поначалу они кочевряжились. Особенно абиссинцы, считавшие, что не дело воинам ковыряться в земле. Но Машкову удалось о чем-то договориться с их командиром, и работа вовсю закипела. Естественно, ничего сложнее копать глубже, кидай дальше, им не доверяли, но сейчас именно вот такая грубая физическая сила как раз и была нужна.

Стоило "Находке" полностью опустошить свои трюмы, как она отдала швартовы и под командованием Протопопова с бывшим экипажем "Владивостока" взяла курс на Норвегию, где ее уже ждали с распростертыми объятиями для перестройки в плавучую китоперерабатывающую базу. Людей и так изрядно задержали с этим вынужденным простоем в Суэце, так что держать их до окончания строительства укреплений Иениш не решился, хоть четыре десятка пар крепких свободных рук были бы не лишними. Да и самому Протопопову следовало дать хоть несколько дней отдыха, прежде чем забирать с немецкой верфи обновленный минный крейсер. Благо, минимальная перегонная команда для последнего уже находилась в Германии, в ожидании окончания работ и прибытия капитана.

Лишь спустя девять дней, когда основной аврал спал, и батареи обзавелись даже проводной телефонной связью протянутой под водой, к городу подошло обещанное подкрепление — две тысячи воинов и три тысячи носильщиков с не подлежащим подсчету количеством гужевого транспорта. Последние должны были забрать все доставленное для абиссинской армии вооружение, чтобы впоследствии, преодолев почти тысячу километров

по пустыням, джунглям и непролазным горам, передать их возглавляемым негусом войскам. Они же должны были увести из города на территорию Абиссинии всех пленных, оставив в качестве гарнизона лишь тысячу человек, помимо тех, кто уже находился в городе.

Тогда же не знавшие покоя минеры закончили расставлять мины, и три небольших минных катера, наконец, стали носителями самоходных мин, как им и было положено от рождения. Демонтированные в свое время с "Котака" минные аппараты были закреплены на их носах, превратив малюток в основу минных сил пока еще крошечного флота. Да, они не могли похвастаться большой дальностью хода, скоростью или солидным вооружением, но до прихода "Полярного лиса", как бы смешно это ни звучало, именно этим скорлупкам предстояло наводить ужас на итальянские корабли, появившись последние близ Асэба. Конечно, все еще стоявший на разгрузке "Владивосток" виделся куда более приемлемым кандидатом в боевые корабли зарождающегося абиссинского флота, но для него не было, ни вооружения, ни экипажа, так что первенцу флота Менелика II предстояло стать лишь сторонним наблюдателем грядущих событий, встав на якорь в северо-западной части Тылового острова. Встроить же тихоходную итальянскую канонерку в план обороны порта у Иениша так же не вышло по причине отсутствия свободных рук, но наскрести на нее минимально возможный экипаж и поставить в качестве сторожевого корабля перед минными линиями оказалось вполне возможно. Все же, мало какой гражданский пароход мог внезапно решить наведаться в Асэб, где располагалась угольная станция. Пусть большая часть проходящих Красным морем судов и кораблей предпочитали бункероваться у англичан на небольшом острове Перим, что располагался в Баб-эль-Мандебском проливе или в Адене, сюда тоже кто-нибудь порой все же заглядывал. А лишние и тем более невинные жертвы Иенишу были абсолютно не нужны, вот и дрейфовала "Поллюс" в полутора милях севернее Батарейного острова, уходя на ночь в порт.

Однако, еще за два дня до взятия Асэба произошли события, повлекшие за собой принятие итальянским правительством решения о многократном усилении своих сил в Эритрейской колонии и Красном море. 7-го декабря 1895 года абиссинские войска разбили у Амба-Алаге отряд майора Тезелли численностью в 2500 человек, от которого к концу сражения осталось чуть более 200 бойцов и затем окружили эти жалкие остатки вместе сшедшим к отряду подкреплением в недостроенном форте Мэкэле. Получив столь шокирующие известия, в Италии было решено незамедлительно послать губернатору Эритрейской колонии и заодно командующему итальянскими колониальными войсками генералу Оресту Баратьери солидное подкрепление. Если прежде почти все колониальные итальянские войска состояли из солдат набранных из местных племен, над которыми стояли офицеры итальянцы, то теперь всю тяжесть ведения боевых действий было решено возложить на потомков гордых римлян и не менее гордых готы. Подкрепление из 14 пехотных батальонов и 5 батарей горных орудий, всего около 11000 человек, было отправлено из Италии 16 декабря на семи грузопассажирских судах в сопровождении четырех боевых кораблей. Но до их прибытия единственными кораблями, коими располагал итальянский флот в водах Красного моря, оставались тихоходные канонерские лодки и немногим более быстрый небронированный крейсер. Единственным хорошим ходоком в этих водах являлся опять же небольшой бронепалубный крейсер "Пьемонт", но он находился в крейсерстве, и потому для проверки сведений о произошедшей в Асэбе катастрофе пришлось формировать отряд из тех кораблей, что находились под рукой. Впрочем, для того и существовала "Эскадра Красного моря". Не все же ей было гонять местных пиратов.

Отправлять на разведку кого-либо одного не решились и потому помимо самой крупной и быстроходной канонерки "Вольтурно", которой предстояло больше всего рисковать, подходя непосредственно к берегу, для ее прикрытия выделили крейсер, который, скорее, можно было бы назвать чрезвычайно крупной мореходной канонеркой. Единственное, чем "Кристофоро Колombo" превосходил ту же русскую канонерку "Кореец", за исключение вдвое большего водоизмещения, была скорость. Но как это зачастую и бывало, справочная скорость имела мало общего с действительной. А что еще можно было ожидать от старой машины доставшейся крейсеру от своего предшественника, как по классу, так и по наименованию. И не только! Так что, не смотря на относительную молодость — крейсер вступил в строй лишь в 1894 году, он уже с трудом давал 13 узлов. И то на непродолжительное время и с необходимостью последующего ремонта механизмов. Крейсерская же скорость колебалась в районе 9 узлов, что, впрочем, для той же "Вольтурно" являлось доступным максимумом. Так что путь от Массауа до Асэба должен был занять у небольшого отряда целые сутки.

Лишь в полдень 20 декабря оба корабля появились в видимости новых хозяев портового города. Естественно, сразу же открывать огонь по гостям никто не стал. Замаскированные батареи молчали в ожидании, когда противник подойдет поближе, а то и попадет на минное поле. А чтобы итальянские корабли не промахнулись мимо столь заботливо расставленных минерами подарков, патрулировавшая между континентальным берегом и островом Фатма "Поллюс", изрядно задымив своей единственной трубой, принялась убегать от противника в надежде заманить итальянцев в заминированный пролив. Ее осадка составляла чуть менее трех метров, а мины выставлялись на пять, так что канонерке подводная опасность не грозила, а вот бронированные и тяжело вооруженные корабли имели все шансы задеть рожки изделия господина Герца. Расставленные в шахматном порядке через каждые двадцать метров в две линии мины перекрывали двухкилометровый глубоководный участок, оставляя все мелководье под охрану орудий.

Хоть итальянцы и клюнули на приманку, держать их совсем за дураков, было никак нельзя. Да они ими и не являлись. Опасаясь попасть в возможную артиллерийскую засаду или попросту сесть на мель, капитан глубокосидящего "Кристофоро Колombo", как старший по званию и командир этого небольшого отряда, приказал канонерке выдвинуться вперед, а сам пристроил свой корабль в пяти кабельтов за ее кормой. Благодаря куда более современным, скорострельным и дальнобойным английским орудиям, даже находясь дальше, он имел возможность вести куда более точный и быстрый огонь, нежели канониры "Вольтурно" вынужденные довольствоваться не самым лучшим и успевшим порядком устареть вооружением национального производства. Дело оставалось за малым — обнаружить того, кого можно было бы атаковать. Удирающая же канонерка на такового совсем не походила, тем более что было хорошо видно, как расстояние от нее до раскочегарившейся "Вольтурно" постепенно сокращается, и скрыться у первой не имелось никакой возможности.

Вот только данные предосторожности все равно не смогли спасти корабль шедший прямым курсом на мины. Две сотни этих относительно небольших конусообразных изделий — по сотне штук в линии, прикрывали ближайший и наиболее удобный подход к порту. Еще двенадцать десятков поровну распределили по трем проходам между островами, чтобы не оставлять свои батареи один на один с возможным противником.

Мореходная канонерка хоть и отличалась заметно большей осадкой от своих речных и прибрежных собратьев по классу, все равно не дотягивала до размерностей крейсеров, потому "Вольтурно", вслед за улепетывающей на 5 узлах "Поллюс", смогла проскочить над подводной смертью в каких-то пятидесяти сантиметрах. Шедший же следом "Кристофоро Колумбо" уже наполовину пройдя минное поле, все же задел бортом один из свинцовых рожков и 18 килограммов свежайшего пироксилина дали понять, что за время перевозки мины хранили исключительно в сухом месте.

Вообще, для этого не самого лучшего представителя конструкторской мысли Бенедетто Брина, ответственного за создание всех итальянских броненосцев, служба в колонии была единственным возможным местом приложения его сил. Наверное, никто так и не понял, для чего именно был построен этот корабль, которому попросту не было места в Королевском флоте. Скорее всего, он появился на свет, как конечный итог многочисленных компромиссов. Нужно было постоянно пополнять флот новыми кораблями, чтобы не отставать от остальных мировых игроков. Нужно было занимать работой собственные верфи, поскольку безработица в Италии была попросту колоссальной, отчего десятки тысяч ее граждан каждый год отправлялись искать счастья в Америку или в соседние европейские страны, где они зачастую становились самой малооплачиваемой чернорабочей силой. В тех же САСШ итальянцы по уровню заработной платы стояли ниже чернокожего населения, чью жизнь и права также никак нельзя было назвать достойными. И еще нужно было экономить. Экономить на всем, чем только представлялось возможным. Вот и появился на свет медленный, не несущий какой-либо брони крейсер, который даже в качестве полноценной канонерки нельзя было использовать из-за большой осадки, превышающей 5 метров.

А еще, будучи построенным по чертежам своего деревянного предшественника, "Кристофоро Колумбо" обладал низкой боевой живучестью. Особенно это касалось подводных пробоин. Но ведь именно они и появлялись в результате подрыва на минах. Потому, даже устаревшие мины Герца представляли немалую угрозу для колониального крейсера. Небольшого заряда мины вполне хватило, чтобы проделать пробоину в не обладавшим двойным дном корпусе корабля и в машинное отделение тут же хлынула вода, заодно начав затопливать через открытые нараспашку двери и котельное отделение. Растерявшийся командир еще даже не успел отдать ни одного приказа, как с противоположного борта раздался точно такой же гулкий подводный взрыв — крейсер достиг второй линии мин. На сей раз, изделие господина Герца разорвалось под носовой оконечностью, ставя крест на дальнейшей судьбе корабля. С водой поступающей из одной относительно небольшой пробоины имевшиеся на борту водоотливные средства еще могли бы справиться, но две пробоины грозили крейсеру неминуемым затоплением. Единственное, что мгновенно корабль водоизмещением под три тысячи тонн никак не мог затонуть, особенно если экипаж принялся бороться за живучесть, потому одновременно с подрывом первой мины с отслеживавшей вражескую канонерку батареи 152-мм орудий открыли огонь и на казавшемся доселе абсолютно безопасном берегу расцвели две огненных вспышки.

Оказавшись абсолютно неготовыми к столь неожиданному и стремительному нападению, итальянцы так и не смогли организовать адекватный ответ. Слишком близко подошедшая к замаскированным батареям "Вольтурно" за пять минут получила три прямых попадания шестидюймовыми фугасами, а после четвертого и пятого, организовавших

немалую пробоину прямо у ватерлинии, принялась потихоньку крениться на правый борт. Два скорострельных и точных орудия вкупе с поднаторевшим в артиллерийской стрельбе Иенишем и опытными наводчиками, не оставили приблизившемуся на 8 кабельтов небольшому кораблику ни малейшего шанса.

Естественно, о желании поймать беглеца командовавшему кораблем лейтенанту тут же пришлось забыть. После такого приветствия думать приходилось уже о собственном выживании, а не о выполнении боевой задачи. Тем более, что то и дело встававшие вокруг его канонерской лодки фонтаны воды давали понять, что все еще только начинается. К беде лейтенанта, не имея ни малейшего представления о противостоящим им силам, он сам же направил свой корабль прямиком в ловушку. Здравомысленно рассудив, что материковая часть занята противником, командир канонерки приказал отвернуть от оказавшегося столь негостеприимным берега, взяв курс прямиком к Батарейному острову, бывшим ближайшей сушей помимо порта, у которой можно было приткнуть тонущий корабль. На отходе "Вольтурно" успели достать еще один раз, обеспечив поредевшей команде дополнительные хлопоты с тушением охватившего корму пожара. Превосходный английский мелинит оказался для итальянцев столь же губительным, как и для китайцев.

Оставив в покое избитую канонерку все больше сядущуюя носом из-за продолжающей поступать через ставшую уже подводной пробоину воды, пара орудий произведенных на заводе господина Армстронга изволила обратить свое пристальное внимание на шедший следом крейсер. Тот уже успел подать голос, выпустив с три десятка снарядов в сторону порта, но ни один из них не упал ближе кабельтова от батареи, лишь распугав рыбу на мелководье, да обрушив пару зданий в городе. Конечно, изделия господина Круппа тоже не собирались оставаться в стороне, но их низкая скорострельность и куда меньшая точность боя заставляла расчеты дожидаться результатов работы своих коллег. И только когда шестидюймовки нащупали дистанцию до крейсера, изволили подать голос все четыре 170-мм орудия.

— Я предпочитаю одну пушку на берегу десяти пушкам на корабле. — процитировал Наполеона рассчитывающий новые данные для стрельбы Иениш, поскольку ни один снаряд батарей №1 из первого залпа произведенного по крейсеру не лег ближе полукабельтова от борта итальянца. К сожалению, такие новейшие приборы наведения, как оптические дальномеры Барра и Струда, приобрести в Англии не вышло, потому пришлось пользоваться привычным микрометром Люжоль-Мякишева да биноклем, которые, если верить рекламным материалам дальнометров, уступали последним в возможностях определения дистанции на порядок. Впрочем, буквально сроднившийся с этими приборами за долгие годы службы Иениш жаловаться не собирался. Он прошел с ними Японо-Китайскую войну. И прошел, надо сказать, весьма славно. Так почему этим, пусть устаревшим, но таким знакомым и испытанным приспособлениям было не показать себя с самой лучшей стороны и в этот раз? Тем более, что здесь и сейчас не требовалось делать поправки на собственное перемещение. Да и земная твердь способствовала точной стрельбе куда больше, нежели ходящая под ногами палуба.

Накрыть противника удалось на третьем залпе шестидюймовок, а добиться прямого попадания уже на четвертом. С этого момента жизнь безбронного "Кристофоро Колумбо" начала идти на минуты, поскольку в бой вступили четыре 170-мм орудия. Но и итальянские моряки не сидели, сложа руки. Борт корабля то и дело окрашивался всполохами орудийных выстрелов, а прибрежные воды, пляжи, скалы и дома превратились во временный филиал

ада на земле. Все же четыре скорострельных орудия среднего калибра, не считая всякой мелочи, являлись весьма весомым аргументом в любом споре. Вот только с меткостью у сидевших на голодном пайке артиллеристов итальянских кораблей ладилось не очень. Впрочем, подобную картину Иениш наблюдал и на Российском Императорском Флоте, так что особо сильно принижать навыки итальянцев не стоило. Просто, его артиллеристы с "Полярного лиса", прошедшие недавно настоящую войну и вволю настрелявшиеся, как никогда в жизни, закономерно оказались на голову выше своих визави.

Не выдержав сосредоточенного на нем огня, "Кристофоро Колombo" с наполовину затопленным машинным отделением, уже оставленным командой, и заливаемым через заклепки, негерметичные двери и воздухопроводы котельным отделением, которое с огромным трудом удавалось отстаивать лишь благодаря работавшим в полную силу помпам, отвернул с курса уже на десятой минуте боя. Щеголя солидным пожаром в центральной части, а также все больше садясь в воду, отчего не опасные с виду пара пробоин в борту грозили вскоре прибавить проблем командам пытающимся отстоять свой корабль, крейсер, следуя примеру своего напарника, отвернул лево на борт, чтобы оказаться как можно дальше от берега, вдруг оказавшегося столь негостеприимным.

Вот только курс, взятый капитаном итальянского крейсера, никак не мог гарантировать безопасность, поскольку подводил корабль под огонь батарей расположенных на Батарейном острове. С вооруженной четырьмя новенькими скорострельными 120-мм орудиями батареи с предвкушением наблюдали за щеголяющими пожарами противниками, что сами шли напрямиком им в руки, и которым вскоре предстояло узнать, насколько сильно они ошиблись, заявившись в эти края. А повернуть обратно, на север, и уйти к любому другому ближайшему порту, ни командиру крейсера, ни командиру канонерской лодки, нечего было и мечтать. Во-первых, для этого пришлось бы вновь пересечь обнаружившееся минное поле, а во-вторых, подводные пробоины требовали от них приткнуться где-нибудь на мелководье в ближайшее время, дабы не лишиться страну двух кораблей.

Однако, как это порой случается в море, куча собранных воедино факторов привели к очередной трагической случайности. Курс, выбранный командиром "Кристофоро Колombo", вновь вывел того напрямиком на край минного поля. Пройди он какими-то двумя метрами правее, и у корабля и команды появился бы весьма неплохой шанс доковылять до острова Фатма, на котором, по причине малого количества людей, не было выставлено даже малейшего гарнизона. Но госпожа Судьба решила по-своему. Задев очередную мину уже успевшим получить одну подводную пробоину левым бортом, он начал не только с еще большей скоростью садиться в воду, но и весьма быстро крениться на левый борт. В сложившейся ситуации единственное, что успел предпринять капитан корабля, так это приказать переложить руль вправо, чтобы хоть немного продлить агонию, тем более что справа по борту тоже находился относительно небольшой островок. Время жизни отмеренное крейсеру противником и силами природы утекало, как вода. Точнее, в данном конкретном случае можно было сказать, что оно притекало, как вода, поскольку именно от количества этой жидкой субстанции под верхней палубой зависело, сколько еще "Кристофоро Колombo" сможет протянуть на поверхности моря. Как вскоре оказалось, в это уравнение всегда мог вмешаться еще один доселе неизвестный фактор. Фактор, имеющий на карте Иениша обозначение "Батарея N3".

Старый отставной кондуктор, что еще год назад командовал кормовым орудием "Полярного лиса", уподобляясь своему командиру, не стал спешить. Лишь когда до заметно

кренящегося на левый борт крейсера осталось чуть более пяти кабельтов, он разгладил свои шикарные седые усы и довольно хмыкнув, дернул за рычаг спуска головного орудия батареи. Шестой по счету снаряд выпущенный батареей влетел точно в мостик попытавшегося отвернуть от очередной опасности крейсера. В результате, так и осталось неизвестным, желал ли капитан корабля увести его на глубину, чтобы он точно не достался коварному врагу, или просто рефлекторно постарался повернуться бортом к новой опасности. Подрыв 120-мм фугаса отправил на тот свет и его и старшего офицера и рулевого и еще двух сигнальщиков, а пока до управления добрался следующий по званию офицер, что-либо предпринимать оказалось попросту поздно. Имея угол крена в 25 градусов, и уже практически черпая воду краями бортовых спонсонов левого борта, он наполз корпусом на дно и вскоре замер, намертво застряв в песке, после чего окутался облаком аварийно стравливаемого пара.

Глубина прибрежных вод Асэба тоже стала одним из главных факторов выбора сделанного в пользу его захвата. Если непосредственно к порту вел природный канал глубиной порядка 10 метров, то в остальных местах от поверхности моря до дна редко где было более 5 метров, что делало невозможным применение глубоко сидящих кораблей, к числу которых относились броненосцы и крейсера более всего страшящие Иениша. По этой же причине большая часть мин была выставлена как раз на подходе к этому каналу. Так что как бы дилетантски не выглядела организованная на скорую руку оборона, прорвать ее с наскока, нечего было и мечтать. И незавидная судьба "Кристофоро Колумбо" оказалась прямым тому доказательством.

А пока крейсер героически погибал под артиллерийским огнем, не утихавшим вплоть до его посадки на мель, ковыляющая уже на 6 узлах "Вольтурно" отвернувшись к Тыловому острову, после того как ожила батарея N3, внезапно для себя обнаружила прямо по курсу четырех новых противников. Убегавшая еще несколько минут назад от них "Поллюс" вернулась на поле боя с подкреплением. Впрочем, и без подкрепления вид нацеленного с носа бывшего собрата по службе на "Вольтурно" огромного 400-мм орудия очень нервировал командира канонерской лодки. Одного единственного снаряда подобного калибра было вполне достаточно, чтобы гарантированно пустить его корабль на дно или поднять в воздух. Тут все зависело от типа снаряда и удачи. Но вот то, что его корабль точно не переживет попадания подобного снаряда являлось непреложной истинной. Конечно, оставался вопрос, попадут ли вражеские артиллеристы в сравнительно небольшую мишень. Но по какой-то причине проверять данный факт совершенно не хотелось. Да и дистанция в шесть кабельтов вскоре должна была позволить заявить о себе трем минным катерам, вооруженным самоходными минами, что было хорошо заметно по смонтированным на их носах минным аппаратам. Конечно, с этим вооружением тоже имелось немало вопросов, но в данном случае количество возможностей отправиться на тот свет явно зашкаливало любое допустимое значение. К тому же, не стоило забывать об артиллерийской батарее, что уже дожевывала куда более мощный и живучий крейсер.

В отличие от своего временного командира, лейтенант не стал искушать судьбу и приказал спустить флаг, поскольку деваться тихоходной и активно тонущей канонерке было некуда. Под почетным эскортом "Вольтурно" из последних сил доползла до небольшой гавани Тылового острова, где до того прятались пленившие ее корабли и вскоре легла там на дно, благо глубины позволяли не сильно беспокоиться о полном затоплении корабля.

Лишь спустя час после окончания канонады к оставленному командой и

продолжавшему дымиться и местами даже гореть крейсеру подошли "Поллюс" и три минных катера, до отказа забитые русскими моряками и абиссинцами. О таком триумфе Иениш не смел даже мечтать! Да, они готовились. Да, они рассчитывали дать достойный отпор итальянцам. Но чтобы всего за пол часа полностью расправиться с двумя боевыми кораблями, не понеся при этом никаких потерь! Это ли не было истинным чудом? Правда, в городе, как ему успели доложить, погибли несколько гражданских, чьи дома оказались на пути итальянских снарядов. Но это ни в коем случае не влияло на боевой потенциал находящихся под его командованием войск. Правда, официально они подчинялись принцу Дамто, назначенному на должность командующего военно-морским флотом Абиссинии, но неофициально главенствующее положение оставалось за Иенишем. И достигнутые его людьми результаты, как ничто иное, наглядно свидетельствовали о том, что властители двух находящихся столь далеко друг от друга империй сделали ставку на правильного человека.

Помимо собранных под прицелом винтовок бойцов гарнизона Батарейного острова полутора сотен уцелевших итальянских моряков из экипажа крейсера, к ним в руки попало немалое количество современного вооружения, которое, правда, еще требовалось демонтировать с легшего на грунт корабля. И пусть для устройства новых батарей попросту не было возможности набрать в расчеты хоть какое-либо количество квалифицированных людей, теми же 120-мм орудиями Армстронга можно было заменить тяжелые полевые пушки батареи N7, которые из-за ограниченных углов горизонтальной наводки все же не совсем подходили для обстрела морских целей. Да и помимо этих пушек с крейсера можно было снять много чего интересного. А вот насчет подъема самого корабля до окончания боевых действий точно нечего было и мечтать. Для подобной операции не было ни средств, ни сил, ни времени. Внутри Иениша даже боролись две мысли — одна радовалась тому, что итальянский крейсер не утонул, дав им возможность пополнить свой арсенал, а вторая огорчалась этому факту, поскольку торчащий из воды корабль всем своим видом показывал, что захватившие Асэб силы могут кусать достаточно больно, так что подобный сегодняшнему триумф уже вряд ли мог повториться. Ведь даже полные дураки изрядно напряглись бы, увидев наглядный результат провала их предшественников. Вот и выходило, что лучше бы он числился пропавшим без вести, как и захваченная "Вольтурно", нежели выступал памятником своей же гибели.

— Похоже, вас можно поздравить с первой победой, Виктор Христофорович. — уже вечером, когда Иениш вернулся в выделенный для его проживания дом, он обнаружил там гостя из будущего, который с завидным аппетитом за обе щеки наворачивал гречневую кашу обильно сдобренную мясом. Причем, со стороны Ивана это ни в коем разе не было наглостью, поскольку он так же квартировал в этом доме.

— Нас, Иван Иванович! Нас можно поздравить с победой! — сделал акцент на слове "нас" моряк. — Все же в одиночку ни один человек, ни при каких обстоятельствах не смог бы добиться подобного.

— Расскажите это американцам! — усмехнулся Иван. — И века не пройдет, как на экранах кинотеатров начнут появляться герои, топящие крейсера плевком и уничтожающие целые армии одним своим тяжелым взглядом. Кстати, надо будет отловить братьев Люмьер и сделать им предложение, от которого невозможно отказаться. Я, конечно, сильно сомневаюсь, что на заре кинематографа мы сможем зарабатывать сотни миллионов долларов на одних только прокатах фильмов. Но ведь и доллар сейчас имеет совершенно другую покупательскую способность, впрочем, как и любая другая валюта мира. А уж

сюжетов для будущих шедевров у меня в голове видимо-невидимо. Да и ваша судьба, Виктор Христофорович, тянет на полноценный блокбастер!

— Блокбастер? — присев за стол Ивана и наложив себе той же каши из уместившегося на нем котелка, вопросительно поднял бровь Иениш, услышав очередное незнакомое слово.

— Да. Это означает фильм, который оказался шедевром с точки зрения интереса зрителей и соответственно зарабатывания на его показах денег.

— Хм. — отправив в рот ложку гречки и едва ли не зажмурившись от удовольствия, не державший даже крошки во рту с самого утра отставной капитан 1-го ранга поинтересовался, — А вы уверены, что кому-то будет интересна история моей жизни?

— Жизни — нет. — тут же отрицательно покачал головой его собеседник. — А вот история ходящей вокруг да около смерти, сопровождающаяся невероятными приключениями — непременно! Посудите сами. Чудесное спасение с борта "Русалки"! — принялся перечислять наиболее красочные моменты Иван, — Поиск подводных сокровищ! Война против коварно напавших на мирный Китай японцев! Ну и сейчас мы тоже не в карты играем. Заказать одному из современных авторов-фантастов сценарий, подобрать режиссера из наиболее креативных, договориться насчет проведения съемок на настоящих кораблях! Да, черт возьми, даже можно будет специально потопить какой-нибудь списанный корабль! И все это заснять с разных ракурсов! Ну и любовную историю непременно! Да такую, чтобы дамы, все как одна, едва ли не падали в обморок от переизбытка чувств! А, учитывая, что мы будем первыми. А мы будем первыми! — уверенно уточнил Иван, — Зрители всех стран и народов будут нашими со всеми потрохами. И если в фильме будут мелькать постоянные намеки, что офицеры Русского Императорского Флота остаются настоящими офицерами всегда, не смотря на жизненные обстоятельства и невзгоды, а также то и дело тыкать зрителя носом в откровенно гнилую политику Великобритании, натравливающую мирные народы друг на друга, можно будет утверждать, что первая часть операции по дискриминации ее имиджа в глазах мировой общественности получила шанс на жизнь. И пусть они продолжают кричать про бремя белого человека, несущего цивилизацию всевозможным аборигенам, мы их потихоньку полегоньку из года в год будем все глубже макать в чан с дерьмом, с тем, чтобы к началу нашей войны с японцами, мировая общественность полностью была на нашей стороне. Все же не зря в мое время говорили, что телевидение — это самое страшное и эффективное оружие, а выигранная информационная война порой приносит куда больше пользы, нежели выигранное сражение.

— Синематограф действительно настолько сильно начал влиять на общество? — с нескрываемым любопытством поинтересовался Иениш, поскольку ранее он подобного не слышал.

— Не синематограф, а телевидение. И вообще средства массовой информации, в целом. Но в нашем случае, учитывая, что мы имеем все шансы быть первыми в плане создания полнометражных художественных фильмов, даже одного синематографа будет достаточно. Ну и денег при этом было бы неплохо заработать, а то с нашими тратами никакие миллионы на счетах в банках не спасут.

— Что же, тут я с вами спорить не буду. Средств нам действительно понадобится изрядно. Но прежде чем думать о будущем, нам необходимо выстоять здесь и сейчас. И я очень сильно рассчитываю на вашу помощь.

— Кстати о моей помощи. — отпив из кружки сильно разбавленного водой красного вина, Иван озвучил свои сомнения, — Вы действительно полагаете, что я, пиджак, смогу

тягаться с настоящими военными в деле укрепления обороны? Ладно бы я еще отслужил после окончания университета свои законные два года, так ведь мне кроме пары месяцев практики даже и похвастаться нечем! И даже те приемы, которые нам пытался вбить в голову товарищ подполковник, что вел у нас тактику, не сильно подходят сегодняшним реалиям. Да, он у нас был более чем боевым и делился знаниями, полученными на личном опыте, но ведь войны конца 20 века и конца 19-го — это две большие разницы. А потому окопную войну времен Первой Мировой, знания которой мне сейчас бы оченьгодились, мы в принципе не затрагивали.

— Пусть так. Но мы, моряки, и того меньше разбираемся в делах сухопутных батальонов. Все же высадить десантную партию из состава матросов для скоротечного боя или взятия под охрану каких-либо зданий — это одно, а вот грамотно возвести оборонительную линию, точно не смогли бы. А его императорское высочество, видимо, оказался о нас слишком высокого мнения, не выделив в консультанты кого-нибудь из господ офицеров, что разбираются в этом деле. Брать же кого-нибудь со стороны для столь ответственного дела, я не решился. К тому же, большая часть отставников мыслят реалиями Крымской войны, а нам подобное точно не подходит. Нет у нас таких сил и средств, чтобы ходить плотными строями в атаки. Всевозможные же флешки современная корабельная артиллерия уничтожила бы за считанные минуты. Потому я и вспомнил о вас, Иван Иванович. И насколько я могу судить, сделал я это не зря.

— Ну да, по самой лучшей традиции наших армий, пока противник строит свои грандиозные планы на основе имеющихся карт, мы вручную меняем ландшафт. Я вообще поражаюсь, как меня еще не прибили. Скажу честно, я и сам себя прибил бы за подобные издевательства над организмом, но уж больно хочется пожить жизнью настоящего миллионера. В будущем. Когда-нибудь. — добавил под конец Иван пару уточнений.

— Не будьте столь суровы к себе, Иван Иванович. — покачал головой Иениш и усмехнулся, припомнив недавний разговор с Машковым, — Местные хоть и сильно сердчат на вас за то, что заставляете их копать в земле, но, видя, что даже их белый командир махает киркой и лопатой наравне со всеми, не полагают возможным проявлять открытое неповиновение.

— Неповиновение. — скорчив лицо, повторил Иван. — Совсем они здесь обленились. Советской армии на них нет. Вот где бы их научили копать от меня и до обеда. Ну и траву в зеленый цвет красить тоже. Куда уж без этого.

— Простите!? — подавился Иениш, услышав бурчание своего собеседника. — А зачем траву красить?

— Чтобы зеленая была. — словно неразумному ребенку, пояснил Иван, — Неужели не понятно? Это же армия! Если командир сказал, что трава должна быть зеленой, она должна быть зеленой и никого не интересует, что на дворе поздняя осень!

— Шутите. — понятно хмыкнув, вернулся к еде Иениш, но сделал это зря, поскольку тут же подавился очередной порцией гречки, услышав ответ.

— Нет. — как ни в чем не бывало, ответил Иван, — У меня знакомый один был, он срочную службу в стройбате проходил. Так они и траву зеленой краской красили, и деревья в бетонные фундаменты закатывали.

— Кхак? — с трудом прокашлявшись и утерев выступившие на глаза слезы, Иениш с опаской уставился на Ивана, ожидая увидеть на лице соратника первые признаки возможного психического отклонения. Все же то, что пришлось пережить гостю из

будущего, являлось действительно более чем тяжким испытанием. Однако, тот, как ни в чем не бывало, продолжал тянуть из стакана разбавленное вино. — А зачем надо было бетонировать деревья? — поинтересовался он, когда горло перестало першить.

— Чтобы красивую аллею к приезду какой-то шишки сделать. — пожал плечами Иван, будто это было само собой разумеющимся. — Выкопали деревья в ближайшем лесу и принялись сажать по обеим сторонам от дороги. Правда, земля оказалась слишком рыхлой, а деревья слишком высокими. Ну, они их и забетонировали, чтобы все ровно стояло.

— И как? — уже с немалым любопытством предложил Иениш продолжить повествование.

— Да вроде нормально все вышло. Но на следующий год они мучились уже с выкорчевыванием этих деревьев, поскольку те все погибли, а забетонировали там все на совесть. Да еще и бетон у них оказался намешан на основе какого-то специального цемента, который раньше только на постройку бункеров пускали. В общем, солдаты не страдали от ничегонеделания. Мудрые командиры всегда находили, чем их занять.

— А как обстояли дела на флоте? Все так же палубы драили, как сейчас?

— Чего не знаю, того не знаю. Знакомых отслуживших на флоте у меня не было. — покачал головой Иван. — Кстати о флоте! Ваши миноносники не сильно на меня серчают, за то, что я разоружил их катера?

— Поворчали, конечно, для порядка. Но уже успокоились. Все же вы были правы, на линии обороны пулеметы окажутся куда полезней, нежели на катерах и прочих кораблях.

— И опять же кстати! А где вы раздобыли такие машинки? Я о подобном и не слышал никогда! Первое время полагал, что мы умудрились каким-то образом поломать разом все два десятка этих митральез, будучи уверен, что они работают по принципу Гатлинга. А тут просто сменные стволы оказались!

— Там же, где и орудия — на арсенале в Кронштадте. Эти картечницы Фаррингтона были в свое время куплены в САСШ вместе с рядом крейсеров, но по прибытии кораблей в Кронштадт и последующего перевооружения от них отказались. Вот они уже лет пятнадцать и пылились на складах. Надеюсь, вам они подошли?

— Не то слово! Это же полноценный станковый пулемет! Для применения в подобных наших условиях — то, что надо! Не идеал, конечно. Но по сравнению с тяжелыми и боящимися малейшей пыли митральезами Гатлинга — мечта! Хотя и от чапаевского Максима я бы тоже не отказался.

— Ну извините, Иван Иванович. — развел руками Иениш. — Все что смог.

— Да я не в претензиях. — отмахнулся Иван. — Тем более что изготовлены они под патрон от берданки, что в нашей ситуации является огромным плюсом. Просто брюзжу потихоньку. И так головной боли хватает, так еще и местный климат просто убивает. Тридцать пять градусов в тени! Да у меня мозг уже к полудню отказывается хоть что-то соображать! Теперь-то я не поражаюсь, как нам удалось застать итальянцев врасплох. На их месте, проведя здесь в безделье столько же времени, я бы тоже предпочитал не совершать лишних движения. Да и не лишних тоже! Хорошо еще, что воздух относительно сухой и не чувствуешь себя, как в парной.

— Что верно, то верно. Жара тут невыносимая. Но хоть всевозможные болезни, которыми столь богат Африканский континент, здесь не встречаются. И так людей катастрофически не хватает. А что было бы, сляг мы все с лихорадкой?

— Это да. — соглашаясь с каждым словом собеседника, кивнул Иван.

Обсудив еще тему устройства оборонительной линии вокруг города и возможные трофеи, что продолжают снимать с итальянских кораблей с началом следующего дня, уставшие, но довольные авантюристы расползлись по своим комнатам. Первый успех, конечно, прибавил им уверенности, как в собственных силах, так и возможности добиться успеха в этой невероятной аванюре, но впереди их, непременно, ждал еще не один бой, а потому следовало отдохнуть, чтобы начать новый день с новыми силами.

Итальянские колониальные власти оказались столь любезны, что подарили своим противникам целых три спокойных дня, в течение которых к Асэбу подходили лишь два корабля: один под французским, другой под английским флагами. К сожалению, скрыть от них торчащий из воды корпус "Кристофоро Колombo" нечего было и мечтать, потому команда трофейщиков действовавшая с борта стоявшей тут же "Аддис-Абебы", как ни в чем не бывало, продолжала свою работу под десятками любопытствующих глаз английских и французских моряков. От них же весьма скоро в Массауа узнали о постигшей разведывательный отряд неудаче. Узнали и схватились за голову. Мало того, что были потеряны два корабля, так еще до сих пор не удалось выяснить, с кем именно им пришлось столкнуться. Ни французы, ни англичане не рисковали слишком близко подходить к захваченному порту, потому, кроме факта гибели крейсера не было известно ничего.

Здраво рассудив, что за потерю кораблей по голове отнюдь не погладят, местные власти попытались уменьшить масштаб будущей головомойки, что ожидала их в метрополии, хотя бы добычей разведанных. Со дня на день ожидалось прибытие первых пароходов с обещанным Римом подкреплением и окажись у неизвестного противника военный корабль, сумевший расправиться с "Вольтурно" и "Кристофоро Колombo", столь долгожданные войска имели все шансы не добраться до порта назначения. Поэтому командиру прилетевшего на всех парах в родной порт крейсера "Пьемонт" после многих недель крейсерства в водах Красного моря не дали, ни отдохнуть, ни догрузиться углем, ни даже принять свежий провиант.

Конечно, итальянцам никто не мешал отправить к Асэбу оставшиеся канонерки. Но сковавший все высокое колониальное начальство страх не позволил им более рисковать. После такого провального разведывательного рейда, о котором они к тому же узнали от союзников, действовать следовало наверняка. И пусть никто не хотел признаваться в основной причине выбора именно этого крейсера в качестве скаута, но неизвестность пугала, а брать на себя весь риск и ответственность за полнейший провал и гипотетически возможную потерю еще ряда кораблей, желающих не нашлось. И так ситуация на фронте складывалась далеко не самым лучшим образом, грозя сильно сказаться на карьере многих достойных людей. Потому имеющий скорость полного хода в 22 узла и способный в случае крайней необходимости убежать от любого противника "Пьемонт", виделся лучшим кандидатом в разведчики. К тому же этот крейсер являлся самым тяжело вооруженным итальянским кораблем из всех, что находились в Красном море, превосходя по весу бортового залпа того же "Кристофоро Колombo" вдвое при схожих массогабаритных размерах.

Быстрый, отлично бронированный и вооруженный практически на уровне русских броненосных крейсеров типа "Дмитрий Донской", итальянский бронепалубный крейсер "Пьемонт", был выпнут обратно в воды Красного моря уже в полдень 23-го декабря. Сказать,

что его капитан оказался не в восторге от инициативы начальства, значило не сказать ничего. Он готов был рвать и метать от той спешки, с которой корабль отправляли, по сути, в бой, но проигнорировать приказ генерал-губернатора не посмел по той простой причине, что со временем желал примерить адмиральские погоны. Именно поэтому в свое время с удовольствием была принята новость о переводе в "Эскадру Красного моря", служба в которой могла предоставить неплохой трамплин для последующего прыжка на более высокую должность. И именно поэтому была ухвачена за хвост возможность способная помочь в продвижении по службе. Главное, было не допустить ошибок его менее везучих предшественников, а потому прежде чем соваться непосредственно к порту, требовалось провести достаточную разведку, не считаясь с затраченным на нее временем.

Поскольку запасы угля оставляли желать лучшего, да и приближаться к Асэбу ночью, рискуя наскочить на один из трех десятков расположенных близ него островов, виделось чрезвычайно опасным, крейсер шел на экономичной скорости в 10 узлов и примерно через сутки прошел в паре кабельтов от французской канонерки, что уже четыре дня находилась в видимости берега, нервируя одним своим видом защитников Асэба.

К величайшему сожалению офицеров "Пьемонта" французы не смогли поведать что-либо нового. Кто бы ни захватил Асэб, они не позволяли никому приближаться к порту ближе 3-х миль, высылая наперехват канонерку заполненную вооруженными людьми, о которых можно было сказать лишь одно — они были из местных. И эта самая канонерка, дымя единственной трубой, как раз убегала в сторону порта. По всей видимости, на ней смогли рассмотреть флаг на мачте крейсера и приняли единственное верное решение.

Сделав в течение дня с десятков проходов в сторону порта с последующим разворотом и отходом, командир крейсера надеялся вызвать на себя огонь явно замаскированных береговых батарей или выманить того самого противника, что могли быть виновны в уничтожении "Кристофоро Колумбо", чья палуба, трубы и мачты торчали в полумиле севернее небольшого островка, что лежал на пол пути между портом и островом Фатма. Но у противника явно были крепкие нервы и даже стрельба, произведенная в сторону порта и ряда островов, осталась без ответа. Максимум, чего удалось добиться — так это обследовать притопленный колониальный крейсер. Но помимо следов разграбления и нескольких боевых отметин, явно оставленных попавшими в корабль снарядами и последовавшим за этим пожаром, ничего обнаружить не удалось.

Повторив на следующий день те же маневры, и даже приблизившись к порту всего на милю, крейсер так и не смог вызвать на себя огонь. Знала бы его команда, что лишь благодаря опустевшим угольным бункерам, отчего осадка корабля уменьшилась до четырех с половиной метров, они счастливо избежали повторения судьбы их предшественника, наверное, все, как один, воздали бы молитвы Всевышнему. Но о том, что они шесть раз умудрились счастливо пересечь минное поле, поведать экипажу крейсера было некому. Еще в самом начале операции Иениш приказал не вывозить раненых в тот же Обок к французам, где имелись хоть какие-то доктора и отправлять пленных лишь под большой охраной на территорию Абиссинии, чтобы до последнего момента сохранить секреты выстроенной обороны. В результате, противник даже не предполагал, с чем он может столкнуться, но и цена оказалась немалой. Один единственный доктор, что ходил с Иенишем на "Полярном лисе", никак не мог разорваться для ухода за всеми ранеными, которых еще в первый день операции набралось свыше сотни. Потому, не было ничего удивительного в том, что за две недели умерло еще более полусотни человек. А скольким еще предстояло отдать свои жизни

в борьбе за клочок иссушенной земли!?

Лишь когда с итальянского крейсера попытались высадить разведывательные партии, защитники порта дали о себе знать. Нет, командир "Пьемонта" не был сумасшедшим и не заставлял своих матросов грести на шлюпках напрямик к порту. Но и на континентальный берег и на острова были высажены небольшие разведывательные отряды, некоторые из которых вскоре были вынуждены вступить в перестрелку с абиссинцами. Успеха они, конечно, не добились и отступили, понеся небольшие потери. Вот только продолжи противник действовать подобным образом, за несколько дней он мог бы определить, на каких островах имеются гарнизоны и принять этот факт во внимание, закономерно опасаясь наличия там же батарей береговой обороны. А это в свою очередь снижало эффективность засадной тактики. Раскрывать же места расположения батарей возможностью нанесения не критичных повреждений всего лишь одному крейсеру, Иениш не желал. Да, они могли бы выбить у итальянцев еще один вымпел, но он очень хотел нанести противнику куда более серьезный урон одним ударом, чтобы впоследствии к ним боялись соваться как можно дольше. Потому уже на вторую ночь была запланирована атака на крейсер силами трех минных катеров, не смотря на проявляемую экипажем итальянского корабля здравую настороженность, выражающуюся к активному ночному бдению с применением прожекторов. Именно благодаря их работе удалось определить, что итальянцы на ночь никуда не уходили, поскольку французы и англичане не утруждали себя подобным, лишь оставляя включенными ходовые огни для обозначения положения своих кораблей.

— Как полагаете, Георгий Федорович, сможете подкрасться к противнику? — рассматривая далекий силуэт итальянского крейсера в бинокль, поинтересовался у своего минного офицера Иениш.

— И рад бы дать положительный ответ, Виктор Христофорович, но никак не могу. По всей видимости, экипаж этого крейсера имеет определенный опыт в противодействии ночным атакам. Или у них господа офицеры не пренебрегают наставлениями и учениями.

— А может и то и другое. — согласно кивнул головой тот. — И это плохо. Да еще нейтралы всякие по соседству болтаются! Не приведи Господь, всадим мину в кого-нибудь из них!

— Да, тут надо бить наверняка. А это значит, что нам придется подходить на кабельтов, если не ближе.

— Ну да. — тихо произнес Иениш, — Вот только они вас уже за десять кабельтов обнаружат, если не раньше. А терять корабли и людей я не готов. Точнее, не готов терять их впустую. Будут какие-нибудь предложения? — повернулся он к находившимся подле него немногочисленным отставным офицерам их отряда.

— Если не возражаете, то, как самый младший по званию, выскажусь первым. — нарушил затянувшееся молчание Иван. — Все согласны, что обычная атака даже под прикрытием ночной тьмы не увенчается успехом? — выслушав утвердительные ответы от всех собравшихся, гость из будущего продолжил рассуждать вслух, — В таком случае, не стоит ли нам обратиться к опыту древних и дать противнику возможность почувствовать себя победителем? Надеюсь, историю троянского коня никому напоминать не надо?

— Ну ка, Иван Иванович, будьте добры озвучить свою идею более подробно. — прекрасно зная, что этот человек мыслит иными критериями, Иениш предложил ему развить мысль дальше.

— Противник явно пытается понять, кто мы такие и что можно от нас ждать. Так

почему бы не удовлетворить его желание и не подарить солидную улику?

— И какую же? — заинтересованно поинтересовался Керн.

— Один из минных катеров. — улыбнувшись, пояснил Иван. — Если уж противник не позволит нашим миноносникам приблизиться к себе, то почему бы не сделать так, чтобы они сами подтащили катер к своему борту? Как вы полагаете, Георгий Федорович, сможете ли вы со своей командой соорудить из катера брандер, заполненный взрывчаткой?

— Соорудить брандер — дело не хитрое. В принципе, все потребное у нас имеется и в весьма солидных количествах. Тех же 260-мм снарядов, к которым не нашлось орудий на арсеналах, у нас почти три сотни. Пороховые заряды к ним и бикфордов шнур также имеются в достатке. Так что забить катер огневыми припасами под завязку нам вполне под силу. Но тут возникает вопрос! Как мы все это богатство, во-первых, заставим итальянцев подтянуть к своему борту, а во-вторых, подорвать именно в момент нахождения его под боком у крейсера? Одиссей, помнится, сам вместе со своими воинами находился внутри деревянного коня. А как быть нам? Вряд ли вы сможете отыскать добровольца согласного на столь безумный поступок, как подрыв катера прямо под носом у итальянцев и последующий заплыв на многие мили в кишаших акулами водах.

— Что же, постараюсь ответить по порядку. — выслушав вполне обоснованные сомнения Керна, кивнул Иван. — Чтобы заставить противника самого доставить катер к борту крейсера произведем сегодняшней ночью атаку минными катерами. После того как итальянцы обнаружат вас и откроют огонь, вы отступите, а утром они увидят недалеко от себя поврежденный дрейфующий минный катер с погибшим экипажем. Как вы полагаете, захотят ли они его обследовать и впоследствии взять в качестве трофея?

— Возможно. — задумчиво протянул Иениш, отвечая на вопрос вместо своего минного офицера и тут же выдвигая в ответ новый. — Но где вы собираетесь взять этот самый погибший экипаж?

— У нас до сих пор каждый день умирают по пару человек из числа раненых, так что с телами проблем не возникнет. — пожал плечами Иван.

— Но ведь это кощунство! — мгновенно вспыхнул Керн.

— Это военная хитрость, господин наемник! — смерив минера тяжелым взглядом, выделил действующий статус всех находящихся здесь Иван. — Я вам предлагаю сохранить жизни живых и способ нейтрализации сильного противника! А вы кочевряжьтесь! К тому же, если итальянцы вас не обнаружат, и вы спокойно всадите им в борт мину, мы всегда сможем вернуть своего троянского коня и предать мертвых земле.

— Допустим. — слегка придавив взглядом попытавшегося было вновь высказать что-то против Керна, медленно кивнул Иениш. — Но как быть непосредственно с самим подрывом?

— Можете считать меня бесчувственным мясником, господа, но и эту задачу мы возложим на мертвых. Пусть они даже все еще живы. — окинув всех присутствующих по порядку весьма тяжелым или даже жестким взглядом, произнес Иван. — Ни для кого не является секретом, что далеко не все из находящихся в нашем полевом госпитале раненых доживут хотя бы до следующего утра. А сколько умрут через день или два, когда начавшаяся гангрена полностью отравит их организмы? Они ведь все, по сути, уже мертвы, хоть еще и дышат. Это прекрасно известно нашему уважаемому доктору, это прекрасно известно мне и вам. Более того, я не сомневаюсь, что многие из этих обреченных на мучительную смерть бедолаг и сами понимают, что живыми из этого города им уже не уйти. А раз так, то мы

просто обязаны использовать этот человеческий ресурс в том месте и таким образом, где он сможет принести наибольшую пользу. И я сейчас имею в виду не удобрение земли путем захоронения в нее тела. Мы должны будем найти добровольца, а лучше двух, которые согласятся уйти на встречу с предками не с больничной койки — бесславыми, обессиленными и в луже собственной мочи, а так, как полагает настоящим воинам — в бою с врагом, овеяв себя напоследок бессмертной славой. Скажем, к примеру, что их имена будут присвоены кораблям Абиссинского флота и что семьи получают солидную компенсацию. И пусть все это подтвердит брат их негуса. Не зря ведь он вместе с нами торчит здесь!

— Иван Иванович, вы всерьез предлагаете выбрать смертников? — по-новому посмотрев на гостя пришедшего из будущего, уточнил Иениш.

— Они ведь и так и так умрут. — развел руками Иван. — Так почему бы нам не предложить им возможность получить с нас изрядную выгоду напоследок?

— Как то это не по-христиански. — покачал головой Керн.

— Вы же офицеры, господа. — вновь окинув взглядом собравшихся, произнес Иван, — Отправлять людей на смерть — это ваша прямая обязанность в условиях ведения боевых действий. А у нас как раз идет война, если вы не забыли. И чтобы успокоить свою душу и совесть, лучше подсчитайте, какой урон нам сможет нанести этот крейсер, если мы не пустим его на дно. В любом случае, я хоть что-нибудь предлагаю. Но если у вас имеются светлые идеи, я с превеликим удовольствием выслушаю их...

В течение всего дня с крейсера вновь отправляли шлюпки с десантными партиями к островам, а сам корабль пытался вызвать огонь на себя, приближаясь на опасно близкое расстояние к берегу, но неизвестный противника молчал, заставляя весь его экипаж и особенно командира скрипеть зубами от ожидания неизвестного. Все же не очень приятно чувствовать себя на прицеле и быть готовым каждую секунду оказаться под артиллерийским обстрелом. Зато очередной ночью их потуги оказались вознаграждены. То и дело скользящие по водной глади лучи прожекторов выудили из ночной тьмы силуэты подкрадывающихся к крейсеру миноносков. Как и предполагал Керн, их засекли задолго до выхода на максимальную дистанцию пуска самоходных мин, и спустя какие-то секунды борт крейсера озарился вспышками первых выстрелов. По всей видимости, часть снарядов находились непосредственно у орудий, как и расчеты этих самых орудий. Конечно, по минным катерам ударили далеко не все орудия борта, но полдюжины точно, среди которых оказалась и пара среднего калибра.

Следуя приказу, Керн еще некоторое время пытался имитировать атаку, сбивая противнику прицел постоянным маневрированием, но когда снаряды начали ложиться слишком близко, что можно было понять по звукам их полета и удара о воду, отставной лейтенант повернул свой катер обратно к базе, впрочем, как и его напарник. Пусть минная атака и не удалась, но алиби своему подкидышу они создали великолепное. Так что осталось дожидаться утра, чтобы узнать, клюнут ли итальянцы на приманку.

Итальянцы не то, что клюнули, они, подобно коршуну, мгновенно налетели на дрейфующий недалеко от притопленного "Кристофоро Колумбо" катер. Естественно, соваться к нему на крейсере, дураков не нашлось, и на обследование одного из ночных противников был выслан паровой катер, который, чадя дымовой трубой и с трудом выдавая три узла, подтянул куда более тяжелое плавсредство к борту "Пьемонта". Но радость офицеров итальянского крейсера оказалась недолгой, стоило трофею уткнуться в борт их корабля, как раздался оглушительный взрыв.

К удивлению Иениша добровольцев из местных им удалось найти очень быстро. Может, причиной было то, что в лазарете помимо мобилизованных на войну крестьян оказались и профессиональные воины, знавшие цену жизни и смерти. Может, сыграла свою роль предложенная награда, которую прямо на глазах добровольцев передали тем, кто мог бы впоследствии отдать все их семьям. А может им попросту надоело мучиться от терзающей тело боли, и смерть виделась им избавлением от мук. Или же свою роль сыграли все эти факторы вместе взятые. Теперь уже значения не имело, поскольку все роли были распределены и актеры расставлены по местам. Точнее, положены и замаскированы наваленным сверху углем.

Чтобы скрыть с глаз взрывоопасные подарки, забитый под завязку порохом минный аппарат, столь же полностью забитый котел и внутренние отсеки, в которые невозможно было пробраться при беглом осмотре катера, соединили вместе тщательно отмеренными отрезками бикфордовых шнуров через специально проделанные в палубе и переборках отверстия. Впрочем, за практическую, а не теоретическую, скорость горения того или иного отрезка никто брать ответственность не решился — уж слишком многое зависело от технологических особенностей производства шнура. Но испытания, проведенные на берегу, показали, что шнур горит относительно равномерно и потому на одновременный подрыв всех заложенных фугасов, можно было рассчитывать. Теоретически.

Дело оставалось за малым — подтвердить теорию на практике. А чтобы "эксперимент" не сорвался, возможность проявить себя напоследок была предоставлена сразу двоим тяжелораненым, каждый из которых был размещен вдоль одного из бортов катера и наблюдал за происходящим за бортом через специально проделанные для этого дела отверстия. И пусть видимость сквозь небольшие дырочки была откровенно плохой, добровольцам вполне достаточно было узреть борт итальянского крейсера на расстоянии вытянутой руки, чтобы поджечь косичку из соединенных воедино фитилей, для чего каждому было выдано аж по два коробка спичек.

Для истории так и осталось неизвестным, кто из согласившихся на это дело пары поджег находящийся у него под рукой бикфордов шнур, но дело свое так или иначе они сделали. Вот только скорость горения оказалась все же различной и потому одновременного подрыва превращенного в один большой фугас катера так и не произошло.

Первыми подорвались заряды заложенные в отсеках катера, отчего во все стороны от мгновенно разлетевшейся на куски стальной скорлупки во все стороны пошла сильная ударная волна, буквально взломавшая корпус крейсера. А после, требуемая реакция произошла и с кувыркающимся в воздухе минным аппаратом, так что подлетевший над водой и уже рассыпающийся на части он вспух огромным огненным шаром и в тело "Пьемонта" впились сотни новых осколков осколков, а по его верхней палубе, на высоту которой успел подлететь сорванный подрывом с креплений минный аппарат, прошла еще одна ударная волна.

В свое время главный конструктор крейсера — Филип Уоттс, полностью выложился, создавая этот скоростной шедевр. Да и английские рабочие Эльсвикской верфи нисколько не испортили задумки инженера, собрав корабль с великолепным качеством. Все запрашиваемые заказчиком характеристики на 100 % были воплощены в металле и подтверждались уже не первым годом беспорочной службы крейсера. Но чудес, как известно, не бывает и если речь не идет о смене целого поколения кораблей, добиться идеала во всем не представлялось возможным. Чем-то непременно приходилось жертвовать.

И Филип Уоттс пожертвовал тем, на что заказчик не выдал никаких требований — боевой живучестью корабля. Так, многочисленное вооружение оказалось сосредоточено столь плотно, что их расчеты едва не задевали друг друга локтями, пытаясь одновременно уместиться на верхней палубе. Но куда более страшная ситуация складывалась с самим корпусом корабля, ведь именно им конструктор пожертвовал в угоду прочим характеристикам. Ни двойного дна, ни водонепроницаемых переборок крейсер не имел. Вот и выходило, что за красивой новенькой оберткой и вызывающими уважение характеристиками скрывалась конструкция старого поколения, для любого корабля которого малейшее повреждение подводной части являлось смертельно опасным испытанием. Вдвойне странно это было по той причине, что полностью противоречило видению самих итальянцев, какой должна являться конструкция настоящего боевого корабля. Во всяком случае, все их броненосцы, построенные после войны с Австрией, могли похвастать просто огромным количеством небольших водонепроницаемых отсеков, являвшихся одним из звеньев обеспечения живучести корабля. Даже повреждения и затопления десятков подобных отсеков не грозило гибелью кораблям собранным на верфях Италии по итальянским проектам. Однако, если в деле строительства броненосцев и минных крейсеров итальянцы полагались на собственные опыт и знания, желание сэкономить заставило их обратить внимание на недорогие эльсвикские бронепалубные крейсера, назвать которые шедевром кораблестроительной мысли не поворачивался язык. Они были хорошими и недорогими кораблями демонстрации своего флага в портах далеких и зачастую технически отсталых стран. И тот факт, что японцы именно на подобных крейсерах разбили китайцев, скорее свидетельствовал об еще большей ущербности китайских кораблей, нежели о непревзойденных качествах японских. Имейся в китайских снарядах взрывчатое вещество, и еще было бы неизвестно, сколько японских крейсеров смогли бы дожить до окончания войны.

Потому, даже устаревшие мины Герца, которыми были засыпаны подходы к Асэбу, представляли немалую угрозу для этого крейсера, что уж было говорить о мощнейшем гидравлическом ударе образовавшемся от подрыва тонны пороха. Даже направленный не строго в сторону корпуса корабля, а равномерно распространившийся во все стороны, он оказался достаточно сильным, чтобы вскрыть корпус крейсера позволив сметающему все на своем пути потоку воды устремиться в разрывы и щели образовавшиеся между разошедшимися листами обшивки. А поскольку трофейный катер подвели к кормовому трапу, основной удар пришелся в район машинного отделения, хотя и бомбовые погреба тоже начали активно затапливаться.

Но подводная пробоина оказалась лишь частью постигшей крейсер беды. От последующей детонации минного аппарата и котла погибли, получили ранения или контузию все члены экипажа собравшиеся близ трапа. Среди них оказались и командир крейсера вместе со старшим офицером. Впрочем, и старший штурман и артиллерийский офицер и еще пятеро офицеров, не считая трех десятков нижних чинов, попали под этот удар, оставив крейсер, по сути, без командного состава.

Единственное, что успел предпринять в сложившихся обстоятельствах оставшийся старшим по званию минный офицер, так это направить садящийся кормой в воду крейсер в сторону ближайшего острова, пока его машины не встали или пока не были затоплены уже заливаемые котельные отделения. Им еще повезло, что в топках второго котельного отделения поддерживалось достаточное давление пара, чтобы дать ход.

Останься в живых командир крейсера, еще было неизвестно, что бы выбрал он — спасти свой корабль, приткнув на ближайшую мель и тем самым позволив противнику впоследствии обогнать его так же как "Кристофоро Колумбо", или отправить свой корабль на дно, убедившись, что спасти его не представляется возможным. Но он погиб, а у молоденького лейтенанта не было времени для подобных размышлений. Все его внимание оказалось сосредоточено на спасении корабля и экипажа.

Оставшиеся без пара, после того как пришлось срочно заливать топки и аварийно спускать пар из котлов второго котельного отделения, машины встали еще на пол пути к спасительному острову, и дальше корабль двигался лишь по инерции. А поскольку скорость удалось набрать совсем небольшую — всего около 4-х узлов и осадка заметно увеличилась за счет поступившей на борт воды, крейсер, не доходя до Фатмы около полумили, влетев в скрывающуюся под водой песчаную косу вскоре замер на месте, умудрившись под конец лечь носом на подводные камни, обеспечившие ему дополнительные повреждения.

В новые пробоины и образовавшиеся в обшивке щели тут же принялась поступать вода, помогая затапливать все носовые отсеки. И все выглядело бы не столь катастрофично, если бы не потеря практически всех запасов снарядов в затопленных бомбовых погребах. Для противодействия минным катерам противника, которые точно не преминут возможностью наведаться к попавшему в тяжелейшее положение крейсеру, оставалось чуть более полутора сотен снарядов из числа тех, что заранее были поданы к орудиям. Причем большая их часть составляли боеприпасы к орудиями противоминного калибра, а ведь у захвативших Асэб оказалась в руках канонерка "Поллюс", чье монструозное орудие могло разнести превратившийся в недвижимость крейсер на мелкие клочки. И, судя по подымающемуся в районе порта черному угольному дыму, вскоре им предстояло встретиться с вражескими кораблями.

Помимо двух минных катеров, бывших аналогом того, что оказался захвачен утром, в виду подготовившихся к бою итальянских матросов оказались канонерка и большой грузовой пароход, который, впрочем, мог похвастаться наличием на борту ряда орудий снятых с "Вольтурно" и "Кристофоро Колумбо". Конечно, это не превращало "Аддис-Абебу" в грозного противника для настоящего крейсера, но было лучше, чем ничего. Вот только ради демонстрации всей этой "силы", Иенишу пришлось собрать всех своих людей со всех артиллерийских батарей, поскольку у абиссинцев моряков не имелось от слова "совсем".

Под белым флагом один из минных катеров, сперва, наведаясь к французской канонерке, а уже оттуда в сопровождении командира этой самой канонерки, согласившегося выступить в качестве посредника на переговорах, подошел к борту "Пьемонта". Наконец-то противник показал свое истинное лицо, но легче от этого не стало. Одна за другой сыпавшиеся на лейтенанта новости вбивали его все глубже и глубже в уныние. Военно-морской флот Абиссинии! Доброволец Иениш, о котором не слышал разве что слепой и глухой моряк, если таковые вообще имелись на белом свете! И предложение полной и безоговорочной капитуляции в обмен на беспрепятственное интернирование у французов! Да, они все же смогли добыть те данные, ради которых не один день проторчали у Асэба. Но какой ценой! Как бы молодому итальянскому офицеру ни хотелось ответить отказом, на предложение о сдаче корабля, но, прекрасно зная реальное положение их дел, о продолжительном бое не могло быть и речи. А жить хотелось! Очень хотелось! Да и возможность сохранения крейсера для родного Королевского Флота оставалась более чем высокой. Полученные "Пьемонтом" повреждения никак не могли позволить ввести его в

строй без участия верфи, что позволяло надеяться опять увидеть на мачте крейсера итальянский флаг, поскольку вслед за ними к непримиримым берегам зачуханного колониального порта непременно должны были пожаловать броненосцы. Пусть не через неделю и даже не через месяц, но их появление было неотвратимо, как приход зимы. А противопоставить что-либо броненосцам, нечего было и мечтать. Эти неуязвимые стальные мастодонты должны были играючи разнести своими монструозными орудиями не только береговые батареи и порт, но, при необходимости, и сам город.

Конечно, перед сдачей корабля было бы неплохо подорвать хотя бы котлы. Так. На всякий случай. Но доступа к ним уже не было по причине полного затопления всех отсеков расположенных ниже уровня моря, да и подрывать было попросту нечем. Максимум чего удалось добиться за предоставленный для размышления час — это снять с креплений и выбросить за борт 37-мм пушки, и отправить туда же все сохранившиеся снаряды, чтобы противник не смог пополнить свои запасы за их счет. Еще неплохо было бы отправить на дно и все прочие орудия, но необходимого инструмента в досягаемости попросту не оказалось, потому ограничились лишь их замками, кои также отправились за борт.

Глава 5. Не лисом единым!

Пришедшее 24-го декабря в Массауа соединение с удивлением узнало, что помимо проблем на сухопутном участке фронта, начались какие-то странности на море. Сперва, морским десантом был захвачен Асэб. Потом, пропали без вести два высланных на разведку корабля и судя по информации полученной от англичан, сильно побитый крейсер "Кристофоро Колумбо" издалека видели близ одного из островов расположенных у захваченного города в компании с неизвестным пароходом занимавшимся, по всей видимости, спасательными работами. Что это могло значить — никто не знал, а посланный на разведку "Пьемонт" только-только должен был появиться у Асэба, и потому еще несколько дней предстояло терзаться в неведении.

Но куда большим ударом стал приход в Массауа французского крейсера с частью офицеров и матросов с "Пьемонта". А уж их доклад о потере корабля и истинном лице противника и вовсе заставил бить тревогу. Причем куда больше утери крейсера колониальные власти опасались начала открытого противостояния с Российской Империей. Да, было известно, что русские уже оказывают помощь в реорганизации армии абиссинского негуса на европейский манер. Да, было известно, что некоторые из советников уже успели принять участие в ряде сражений. Да, было известно о доставке абиссинцам огромного количества современных винтовок и артиллерийских орудий. Но все эти факты не шли ни в какое сравнение с тем, что русские воспользовались шансом для закрепления на континенте, куда их так старательно не пускали не только вечные враги в лице англичан, но и казалось бы союзники — французы. Впрочем, Германия и Португалия тоже явно не горели желанием видеть среди главных игроков разыгрывающих между собой черный континент такого непредсказуемого соседа, с мнением которого непременно придется считаться. Вот только именно это и произошло! А потому тут же в Рим полетели срочные полные паники сообщения.

В Риме, все последние десятилетия активно сдающим свои позиции на мировой арене, тоже не решились принимать единоличное решение и уже новые сообщения полетели в столицы соратников по Тройственному союзу, в Великобританию, осуществлявшую молчаливую поддержку Италии в колониальном вопросе, а также в Россию. Но еще до того, как союзники смогли обсудить текст общей ноты протеста в адрес Александра III, от русского монарха на имя короля Италии — Умберто I, пришло письмо с заверениями, что Российская Империя не отсылала своих войск для участия в боевых действиях против Италии, и не имеет каких-либо намерений вступать в конфликт с Италией. Но с превеликим удовольствием поспособствует заключению мира между сторонами никому не нужного конфликта. А также в нем выражалась надежда, что небольшая колониальная война не разрастется в нечто большее, что могло бы произойти в случае прямого вмешательства в ход боевых действий третьей стороны.

Не увидеть в этом послании тонкого намека той же Германии и Великобритании не лезть, куда не надо, смог бы разве что слепой. Тем страшнее становилось послание, поскольку косвенно оно указывало на уверенность русского императора в силах своего ставленника — отставного и вроде как находящегося в опале капитана 1-го ранга Иениша, в деле противостояния итальянскому флоту. Да и время оказалось выбрано русскими более

чем удобное — Италия не могла позволить себе ослабить осуществляющие давление на Османскую империю силы флота, а потому для усмирения зарвавшихся абиссинцев и всех их "добровольных помощников" требовалось собрать эскадру из того, что осталось в базах. И при этом не следовало забывать про потребность защиты берегов метрополии! А пока взбодренные сверху моряки активно изыскивали корабли, людей и припасы для формирования ударной эскадры, не менее взбодренное колониальное начальство, под которым раскачивался уже не стул, а табурет с эшафота, что только и спасал от затягивания на шею от души смазанной мылом удавки, кинуло все пришедшие с подкреплением крейсера на обстрел порта. Оставалось неизвестным, смогут ли они нанести противнику хоть какой-нибудь урон, но ради сохранения лица после потери уже четырех кораблей срочно требовалось дать звучный и наглядный ответ.

К находившимся в Массауа с 24-го декабря бронепалубным крейсерам "Догали" и "Этруриа" в первых числах января присоединились "Этна" и принятый флотом менее месяца назад минный крейсер "Капрера", коим и предписывалось нанести ответный удар по захватчикам. Учитывая же данные, полученные от офицеров "Пьемонта" беспрепятственно заходившего на внутренний рейд порта, основную опасность для них могли представлять так и не проявившие себя батареи береговой обороны и пара минных катеров, один из которых и стал причиной повреждения и последующего оставления крейсера. Откуда им было знать, что крейсер спокойно разгуливал над подводной смертью лишь по причине уменьшившейся осадки? А вот кое-кому из "отряда возмездия" подобная удача точно не грозила, ибо даже с пустыми угольными ямами и бомбовыми погребами, его осадка все равно превышала 5 метров.

Ранним утром 7-го января отряд итальянских кораблей показался в видимости порта. Хорошо еще, что не днем ранее, так что празднование Рождества, которое русские, жившие по Юлианскому календарю, отмечали куда позднее европейцев, прошло в тишине и спокойствии. Причем, календарь принятый в Абиссинии очень сильно совпадал именно с Юлианским, так что Рождество собравшиеся в Асэбе союзники отмечали совместно. И то, что главный праздник не оказался омрачен боевыми действиями, радовало всех до одного. Все же находящимся на самой настоящей войне людям требовался отдых, причем не столько для брэнного тела, сколько для души. А ежедневное ожидание очередного появления противника, очень отрицательно сказывалось на психическом и душевном здоровье моряков и солдат. Да и с бездельем постоянно приходилось бороться всеми доступными способами.

Впрочем, с появлением на горизонте итальянских кораблей, все прочие трудности отошли на задний план. Судя по составу отряда не решившемуся сразу сунуться к порту и принявшемуся совершать эволюции примерно в трех милях от замаскированной батареи N1, защитникам Асэба предстоял очень жаркий денек.

Вот только справедливости ради стоило отметить, что не менее жаркий денек обещал быть и у итальянцев. Помимо ранее завезенного вооружения на охрану порта были поставлены дополнительные скорострельные орудия. Та же первая батарея за счет снятых с "Пьемонта" орудий смогла увеличиться вдвое. Правда, для этого единственному водолазу пришлось изрядно поработать, выискивая на дне все выкинутое туда итальянцами. Но двукратное увеличение главного аргумента засевших в Асэбе "добровольцев" явно того стоило. Хоть и пришлось для комплектования расчетов снять людей с батареи N2, уполовинив ее огневую мощь.

Внимательно осмотрев уже поплатившиеся за неосмотрительность своих командиров и экипажей притопленные крейсера, командир возглавлявшего ордер "Этрурия", отдал приказ провести разведку минному крейсеру, а сам выстроил свои корабли так, чтобы прикрыть разведчика артиллерийским огнем, благо дальность действия имевшихся орудий позволяла работать на дистанции вплоть до 55 кабельтовых. В теории. В реальности же никто из них никогда не проводил учебные стрельбы далее 15 кабельтов.

На 16 узлах "Капрера" подскочил как можно ближе к берегу и отвернул обратно, едва встретив слабое противодействие — с территории порта по нему открыли редкий и неточный огонь из четырех 57-мм пушек. По причине нехватки людей, к ним приставили местных воинов, которых хоть как-то пытались обучить обращению с артиллерийскими орудиями в течение последней недели, так что результат стрельбы выглядел удручающим. Снаряды летели лишь в сторону противника, но никак не в него. О паршивой выучке расчетов можно было судить по тому факту, что ни один из снарядов не упал ближе полутора кабельтов от борта минного крейсера, при том, что обстрел производился с восемью кабельтов. Тем не менее, его командир не стал испытывать судьбу и отвел корабль обратно к своим старшим товарищам, отвечая ожившей батарее немногим более точной стрельбой.

Неожиданно один из вперёдсмотрящих уже на циркуляции разглядел на фоне ближайшего острова силуэты пары кораблей, которые после сближения удалось идентифицировать как "Поллюс" и "Вольтурно". Но если захваченная канонерская лодка подавала признаки жизни, о чем можно было судить по поднимающемуся из трубы редкому дыму, то ее разбитую и заметно обгоревшую товарку записывать в разряд действующих боевых единиц флота, можно было не спешить. Во всяком случае, теперь ее точно можно было вычеркнуть из списка пропавших без вести и перенести в список потерь. Впрочем, обе канонерки находились в небольшой бухте не одни. Компанию им составлял весьма крупный гражданский пароход, о котором командир минного крейсера прежде не слышал по той простой причине, что его вообще не ввели в курс дела, впрочем, как и капитана "Этны". Едва они прибыли в Массауа, как обоим тут же объявили о срочном выходе к захваченному противником Асэбу, и если бронепалубному крейсеру удалось сразу выйти вслед за покидающими свои якорные стоянки одноклассниками, то "Капрера" чьих запасов угля могло хватить максимум еще на три сотни миль экономичного хода, была вынуждена задержаться для приема топлива и впоследствии догонять своих собратьев по флоту. По той же причине капитану минного крейсера не было ничего известно о минных катерах противника, скрытых от его взора корпусом "Аддис-Абебы". Но и увиденного оказалось более чем достаточно, чтобы перестать опасаться гипотетического крейсера, на чей счет списывали уничтожение первой пары отправленных к этим берегам разведчиков.

Ясности доставленная минным крейсером информация не добавила. Да, удалось подтвердить предположение о наличии орудий береговой обороны. Да, удалось обнаружить пропавший корабль. Но достигнутые защитниками города результаты буквально кричали, что незваных гостей ожидают весьма неприятные, а возможно даже и смертельные сюрпризы.

Тем не менее, приказ следовало выполнять, да и солнце все еще висело высоко, так что, решив первым делом расправиться с обосновавшимися в порту артиллеристами, командир "Этрурии", имея в кильватере оба бронепалубных крейсера, повел свой корабль вперед. В случае наличия у противника замаскированной батареи береговой обороны, его крейсер имел куда больше шансов сохранить боеспособность, нежели в полтора раза меньший

"Догали" шедший следующим в строю, да и в отличие от "Этны" вся его артиллерия относилась к современной скорострельной, что позволяло надеяться заткнуть вражескую артиллерию куда быстрее. К тому же, если в армии командир посылал свои войска в бой, то во флоте он их вел и капитану "Этрурии" назначенному командиром отряда прятаться за спинами своих подчиненных было не к лицу. К тому же, подобное, недостойное офицера поведение, могло впоследствии серьезно сказаться на карьере, окажись, что ничего серьезнее взятых трофеями с кораблей орудий в качестве противника тут не найдется.

Сохраняя дистанцию в два кабельтовых между кораблями, строй на две трети счастливо миновал минные линии и как только порт оказался на траверзе правого борта флагмана, с крейсеров дали залп по наблюдаемым орудиям и портовым сооружениям. И одновременно с огненным валом обрушившемся на берег, у борта шедшей замыкающей "Этны" поднялся столб воды, окатив с ног до головы расчет носовой десятидюймовки.

Столь давно не кусавшие противника якорные мины Герца, являвшиеся гарантированной смертью для кораблей старых поколений, оказались пусть опасными, но не смертельными сюрпризами для крейсера построенного с учетом требований к непотопляемости, что смогли выработать к восьмидесятым годам 19 века. Водонепроницаемые переборки и двойное дно спасли итальянского клона эльсвикских крейсеров даже после того, как он наскочил еще на одну мину.

Вполне штатно сработав, обе товарки обеспечили приличных размеров пробоины во внешнем корпусе корабля, но чтобы пробить еще и внутренний корпус заряда в 18 кг пироксилина оказалось маловато. Ударной волне удалось лишь немного взломать крепкий орешек внутреннего корпуса крейсера, обеспечив поступление воды через образовавшиеся щели и потерявшие герметичность заклепки. И пусть вода все же начала потихоньку поступать в трюм, такой же опасности как для "Кристофоро Колombo" она не представляла. Но не минами едиными оказалась богата оборона Асэба.

Спустя мгновение после первого подрыва мины берег вспух цепочкой огненных всполохов, и капитан "Этрурии" наконец смог увидеть виновников гибели первых разведчиков. Шесть орудий среднего калибра установленные на берегу имели все шансы расправиться с любым бронепалубным крейсером мира, попадай они в намеченную цель каждым выпущенным снарядом. Вот только точность огня хоть и превосходила таковую его моряков, также не была отменной. Впрочем, получив первое попадание уже на третьей минуте боя, он понял, что поторопился с выводом о качестве вражеских артиллеристов. Просто в отличие от его экипажа, выпускавшего в сторону обозначивших себя орудий снаряд за снарядом, противник сперва целился и только после стрелял.

С удовольствием отметив уже третье по счету попадание в головной крейсер противника, Иениш едва успел инстинктивно пригнуться, когда разорвавшийся метрах в двадцати от его наблюдательного поста снаряд осыпал все вокруг горячими осколками и каменной шрапнелью. Не смотря на сумасшедший огонь ведущийся по батареям N1 и N2, у них еще не было даже ни одного раненного, не говоря уже о погибших или разбитых орудиях, зато городу вновь доставалось и там уже даже что-то активно горело. Впрочем, куда больше разрушений в городе его волновал вид даже не думающего тонуть концевого крейсера, умудрившегося подорваться аж на двух минах. Если первая жертва изделий господина Герца весьма скоро начала демонстрировать негативные последствия подрыва, то этот крейсер класса "Этна" даже не получил малейшего крена на пострадавший правый борт.

Тем временем противник уже влез в зону гарантированного поражения с обновленной скорострелками батареи N7 и вызвав ее по телефону, Иениш приказал начать пристрелку по квадранту NH24. Казалось бы мелочь — простая игра, за которой одним вечером предложил скоротать время Иван Иванович, едва ли не вызвала у отставного офицера инфаркт с инсультом, от того чувства восторга, что он испытал, пытаясь поразить своими выстрелами прячущиеся за клеточками корабли противника. Он тогда многое высказал своему прибывшему из далекого далека другу. Ведь в их ситуации, когда катастрофически не хватало людей, способных рассчитать данные для открытия прицельного огня, предварительная разбивка близлежащих вод на квадранты стала настоящим спасением. Конечно, на повторяющиеся тысячи раз расчеты пришлось потратить уйму времени и выпустить пару сотен снарядов для проверки результатов, но полученная в итоге карта "Морского боя" того стоила. И сейчас, лишь получив координаты квадранта со стороны равной кабельтову, находящимся у орудий наводчикам требовалось лишь выставить указанные для этой клетки данные вертикальной и горизонтальной наводки, которые приходилось рассчитывать для каждой батареи отдельно.

Оставив вражеский флагман ожившей батарее N7, Иениш перенес огонь своих главных дубин на шедший следом небольшой "Догали", доселе ведший обстрел берега в полигонных условиях. Вообще, для своих размеров этот малыш оказался более чем зубастым. Полдюжины скорострельных шестидюймовок Армстронга и четыре минных аппарата, не считая солидной батареи 57-мм орудий противоминного калибра, сделали бы честь и вдвое большему кораблю. Тот же сравнимый с ним по длине и лишь более узкий "Полярный лис" вряд ли смог таскать такое же вооружение. Для него и трех 120-мм орудий хватило бы за глаза. Единственное, из всего этого многообразия стволов на борт могли вести огонь лишь половина. Но когда по тебе прицельно садят три шестидюймовки, слово "лишь" начинает казаться тонким издевательством. Да и взлетевшее на воздух 57-мм орудие, которое пару тройку раз перевернувшись, воткнулось стволом в податливую прибрежную почву, наглядно продемонстрировало, что артиллеристы этого крейсера знают свое дело.

Спустя пять минут непрерывного огня и четыре десятка выпущенных батареями снарядов, ее наводчики переключились на нового противника, до сих пор обделенного вниманием, а за отделавшийся пока легким испугом "Догали", что пошел на циркуляцию следом за флагманом, принялись артиллеристы Тылового острова, передав пальму первенства в избиении "Этруре" батареям N3 и 4.

Наверное, обладай кто из служивших на итальянских кораблях матросов или офицеров немалым литературным талантом, он мог бы написать полноценный роман о тех двадцати минут Ада, что были вынуждены пройти три попавших в натуральный огненный мешок крейсера. Но в сухой сводке боевых действий не было места художественным приемам, а потому они никак не могли отобразить всего того ужаса, что пришлось пережить людям. Хотя пережить эту треть часа удалось далеко не всем. Пройдя поочередно через огонь пяти батарей, три из которых состояли из новейших скорострелок, "Этруриа" получила в общей сложности тринадцать прямых попаданий, не считая шрамов оставленных осколками разорвавшихся близ корпуса снарядов. И пусть среди них не было бронебойных, отчего ни один из нежных механизмов прикрытых броневой палубой не пострадал, вновь соваться в бой без среднего ремонта, ему точно было не рекомендовано. К четверем не сильно опасным пробоинам в правом борту, следовало добавить выведенную прямым попаданием в бронешит

кормовую шестидюймовку, опасно накренившуюся и держась только чудом кормовую же мачту, догорающий паровой катер умудрившийся поймать практически перелетевший над палубой крейсера снаряд и солидный пожар в районе щеголяющей пробойнами второй дымовой трубы произошедший от возгорания поданных к 120-мм орудию пороховых зарядов, вслед за которыми сдетонировали лежавшие тут же снаряды. С закопченными местами бортами и пляшущими в центральной части языками пламени, он уже не походил на того уверенного красавца, что еще двадцать минут назад собирался раздавить жалких букашек, посмевших встать на пути Королевского Флота.

На удивление куда более скромный по размерам, но так же получивший не менее десятка прямых попаданий "Догали" по сравнению со своим флагманом выглядел на твердую пятерку. У любого изучившего полученные небольшим крейсером повреждения непременно создалось бы впечатление, что это самый удачливый корабль в мире. Все снаряды он принял либо на корпус, заметно выше ватерлинии, либо в трубы, отчего последние выглядели, как если бы их погрызли гигантские крысы. Но ни орудия, ни палуба, ни даже шлюпки не пострадали, разве что кое-где в дереве застряли острые осколки. Да и безвозвратных потерь в экипаже в отличие от своих напарников он не имел, отделавшись четырьмя легкоранеными.

Зато в той же степени, в какой повезло "Догали", не посчастливилось шедшей концевой "Этне". Пристрелявшиеся расчеты орудий батарей береговой обороны отыгрались на этом крейсере за все свои промахи, допущенные по его предшественникам. Вышло так, что державшаяся точно в кильватере мателота "Этна" буквально сама вползала под снаряды выпускаемые уже по пристреленному участку моря. И пусть общее количество выпущенных по ней снарядов составляло примерно те же полторы сотни, процент попадания оказался гораздо выше, приблизившись к четырнадцати процентам. "Очко!" — сказал бы заядлый картежник, подсчитай он точное количество поразивших корабль снарядов. "Беда" — сказал бы инженер верфи, которому предстояло бы осуществлять ремонт избитого крейсера. "Может хоть теперь потонет?" — произнес Иениш, наблюдая, как дымящийся несколькими сильными пожарами замыкающий итальянского строя подорвался на очередной мине, поскольку выбранный командиром флагмана путь отступления вновь пролег через обе минные линии. Но командира "Этны" куда больше волновал пожар разгорающийся вокруг барбета кормовой десятидюймовки, нежели очередной подрыв на мине, опадающий водяной фонтан от которого он проводил лишь тяжелым вздохом и забористым ругательством, произнесенным естественно мысленно. Какие бы взрывоопасные сюрпризы ни установили под водой захватчики Асэба, тот факт, что корабль до сих пор даже и не думал идти на дно, свидетельствовал о их небольшой силе. А вот детонация боезапаса главного калибра могла поставить крест, как на самом корабле, так и на не малой части команды. В конечном итоге, не выдержав, он все же отдал приказ затопить кормовой бомбовой погреб, разом уполовинив количество тяжелых снарядов. Но с учетом сильного повреждения кормового орудия от прямого попадания, стоившего жизни всему расчету, и всех прочих повреждений, сообщения о которых все еще продолжали поступать, в ближайшие месяцы воевать ему точно не придется, а потому и снаряды виделись не столь нужными, как выживание корабля в целом.

Благодаря своевременно принятым мерам и подошедшему на помощь минному крейсеру, с пожарами удалось справиться за пол часа, но вот потихоньку повышающийся уровень воды в трюме и упавшая паропроизводительность котлов из-за повысившейся

солености воды, требовали скорейшего прихода в родной порт и постановки в сухой док. Проблема была в том, что для этого требовалось пройти свыше двух тысяч миль и преодолеть Суэцкий канал, в который тонущий корабль еще и могли не пустить, дабы полностью не остановить движение по нему в результате вполне возможной аварии. Но все это было делом далекого будущего, а сейчас требовалось доползти хотя бы до Массауа, на что с учетом упавшей до 10 узлов скорости требовались сутки. Сутки, в течение которых смыкать глаза командиру корабля явно не придется.

Но если у "Этны" за исключением Массауа путь мог лежать только и исключительно на дно, то командиров двух других бронепалубников в родной порт гнало понимание, что имеющимися силами они все равно ничего поделать не смогут. Общее количество полученных повреждений и погибших еще предстояло подсчитать, но, судя по тому бардаку, что творился на доброй трети верхней палубы "Этрурии" после тушения пожара и почти что паническими сообщениями с "Этны", командующий отрядом капитан 1-го ранга не посчитал возможным продолжение миссии. Сегодня им знатно дали по носу, продемонстрировав, что лихим кавалерийским наскоком Асэб не вернуть. Да и увиденные оборонительные возможности внушали уважение — береговые батареи и минные поля ясно свидетельствовали о наличии в стане обороняющихся более чем серьезных специалистов, прекрасно знающих свое дело. За весьма небольшой промежуток времени они умудрились превратить заштатный порт в настолько крепкий орешек, что без применения броненосцев нечего было и мечтать его расколоть. Единственное, что во исполнение приказа колониального начальства осуществил уже мысленно прощающийся со своими погонами офицер — отправил назад "Капреру" для несения патрульной службы, но с наказом не приближаться к порту.

Однако, проблемы с Асэбом возникли не только у итальянцев. Пришедшие в город абиссинцы заметно опустошили продовольственные склады, так что для их пропитания пришлось даже отдать все уцелевшие на захваченных кораблях продукты. Вообще, снабжение продовольствием должно было осуществляться с территории Абиссинии, но как поведал пообщавшийся с командирами местных воинов Машков, на подобное вряд ли стоило рассчитывать. У абиссинцев по определению не существовало какого-либо централизованного снабжения находящихся в походе войск. Все потребное командиры отрядов должны были добывать самостоятельно, высылая по мере продвижения войск команды фуражиров. По этой же причине абиссинская армия в принципе не была предназначена для "окопной" войны. Просто для того, чтобы не умереть с голоду, ей требовалось постоянно двигаться вперед, опустошая по мере продвижения земли, независимо от того были ли это свои территории, вражеские или ничейно-нейтральные. Воины просто заходили в обнаруживаемые деревни и выгребали из них все съестные припасы, которые удавалось найти. Причем, зачастую, добытое даже не на чем было приготовить, и потому все употреблялось в сыром виде. Злаки, овощи, мясо — все съедалось с большим удовольствием, поскольку в мирной жизни то же мясо являлось большим дефицитом. И то, что оно было сырым, не играло никакой роли. Конечно, для пришедших с Иенишем русских "добровольцев" ситуация с пропитанием выглядела куда лучше, по причине наличия отличного кока. Но даже он не мог приготовить чего-либо сытное из воздуха и солнечного света. А судя по показавшим дно кладовым, именно этим вскоре и предстояло восполнять потребности в энергии телам защитников города.

В результате, помимо укрепления обороны, пришлось озаботиться еще и вопросом

закупки провианта. До французского Обока, где имелась возможность втридорога закупить муку, крупы и скот, было всего 12 часов хода "Аддис-Абебы", но возможность потерять свой самый ценный на сегодняшний день корабль останавливала Иениша от его отправки хотя бы до окончания монтажа дополнительных 57-мм орудий. Бороться на равных с любым итальянским крейсером эти небольшие пушки противоминного калибра вряд ли могли позволить, но вот шанс отогнать маячивший в пределах видимости минный крейсер давали. Впрочем, впереди была еще ночь, и потому время, на решение задачи по избавлению от соглядатого, имелось.

— Чем занимаетесь, Иван Иванович? — подходя к сидящему на нагретом солнцем камне и швыряющему в воду камешки гостю из будущего, поинтересовался Иениш.

— Размышляю о том, что недавно произошло. — протянув собеседнику горсть из числа набранных заранее камней, ответил Иван. — Экстраполирую, так сказать, нашу ситуацию на то, что произойдет с Порт-Артуром. Ведь если подумать, у нас сейчас происходит меньший по масштабу, но точно такой же процесс. Мы сидим в глухой обороне и боимся высунуть наружу нос, чтобы порезвиться на вражеских коммуникациях, а противник, пусть и неся определенные потери, потихоньку накапливает силы и проводит разведку, заставляя нас вскрывать один свой козырь за другим. Не знаю как вы, а я более чем уверен, что вскоре нас попробуют взять с суши, высадив где-нибудь поблизости пехотный полк с парой батарей полевых пушек. И все это под прикрытием броненосцев.

— Что же, мне отрадно слышать, что наши мысли полностью сходятся. Будь я на месте противника, так еще подогнал бы сюда изрядное количество миноносок или небольших миноносцев, которые под прикрытием орудий броненосцев пустил бы на траление наших куцых минных полей. А поскольку у меня не имеется поводов сомневаться в уме моих итальянских визави, я уверен, что уже до конца января нам доведется увидеть именно эту картину.

— И что вы предлагаете?

— А что я могу предложить, не имея под рукой даже моего "Полярного лиса"? Только сидеть и ждать. — развел руками Иениш.

— Вот и в Порт-Артуре наши сидели и ждали манны небесной, пока мышеловка полностью не захлопнулась, после чего осталось только поднять лапки вверх. — тяжело вздохнул Иван и швырнул в воду очередной камешек. Настроение после похорон погибших в бою собратьев по оружию находилось на отрицательной отметке. И пусть он не успел даже толком познакомиться с моряками из расчетов разнесенных вражескими снарядами орудий, потеря СВОИХ людей сильно по нему ударила. Пять человек из числа русских и еще одиннадцать местных погибли на своих боевых постах, и свыше двух десятков получили ранения, некоторым из которых, скорее всего, тоже предстояло отправиться с страну вечной охоты. — Так должны ли мы повторять их еще не допущенные ошибки? — поинтересовался он у присевшего рядом и принявшегося так же швырять камешки в воду Иениша.

— Вы полагаете, я не понимаю необходимость нанесения ответного удара? Понимаю! Еще как! Ведь чем больше перебрасывающих войска и припасы судов мы перехватим в море, тем легче окажется продвижение войск местного негуса и тем скорее можно рассчитывать на прекращение войны. И лично я желал бы, чтобы она закончилась до того, как за нас возьмутся итальянские броненосцы. Вы и сами имели возможность убедиться в большой стойкости броненосных кораблей к многочисленным повреждениям. Даже небольшие китайские броненосцы смогли выдержать по паре сотен прямых попаданий! А что тогда

говорить о вдвое больших итальянцах? Нет, у них, конечно, имеются броненосцы весьма странного, на мой взгляд, проекта, не имеющие броневых поясов вообще. Но полагать, что по нашу душу придут именно они, и что мы сможем нанести им достаточные повреждения для обращения в бегство, я не имею права. Да и нет у нас такого количества снарядов. Еще два подобных сегодняшнему бою и придется переходить на орудия старых систем, которые просто в силу скорострельности не смогли растратить такое же количество боеприпасов, как скорострелки. А это не замедлит сказаться на наших возможностях. Да и людей у нас нет, чтобы набрать полноценный экипаж для той же "Аддис-Абебы", чтобы вытолкнуть ее в крейсерство. Так что пока не вернется Николай Николаевич с кораблем и пусть небольшим, но подкреплением, задумываться о налетах на порт и коммуникации противника, нам не приходится. Да еще и этот минный крейсер глаза мозолит! Жалко, что его не удастся подловить на тот же трюк с заминированным катером. — грустно вздохнул Иениш, — А может и не жалко. Все же у нас их осталась всего пара. Но как минимум ночную минную атаку мы на него точно организуем. — кивнул в сторону едва просматривающегося итальянского корабля отставной капитан 1-го ранга. — Не потопим, так хоть напугаем...

Как впоследствии оказалось, слова Иениша оказались наполовину пророческими. Совершенно спокойно подобравшиеся к светящему ходовыми огнями противнику минные катера, не встречая какого-либо противодействия, выпустили по нему самоходные мины, но не добились ровным счетом ничего. То ли мины оказались бракованными, что не являлось редкостью, то ли глубину выставили неправильно, то ли они прошли мимо цели. Но фактом являлось то, что обе смертоносные рыбки, коих в запасах имелось всего шесть штук, не считая мин принятого на русском флоте калибра, попросту ушли на дно, вместо того, чтобы пустить туда корабль противника. И о чем особо разорялся Керн, так это что к противнику удалось подойти практически вплотную и все впустую!

Не имевший какого-либо не то что боевого, а даже опыта службы в колониях, где время от времени морякам приходилось сталкиваться со все еще сохранившимися здесь пиратами, командир минного крейсера даже не подумал о необходимости сохранения светомаскировки в ночное время поскольку попросту не получил данных о наличии у противника миноносных кораблей из-за той спешки, что возникла с их приходом в Массауа. Не прошло и суток с момента их прихода в порт, как с пополненными угольными ямами они были направлены напрямик в бой. Впрочем, основания не соблюдать светомаскировку у него имелись. Причем целых два! Английская и французская канонерки точно так же с зажженными ходовыми огнями дрейфовали примерно в миле от "Капреры", а столкнуться с ними в темноте не имелось ни малейшего желания. К тому же, единственное, что он смог увидеть во время боя — это наличие у противника ряда береговых артиллерийских батарей, минного поля и гражданского судна. Захваченную же ранее канонерку можно было исключать, поскольку она точно так же с горящими ходовыми огнями просматривалась на внутреннем рейде Асэба, куда ее вывели для помощи миноносникам в ориентировании при возвращении. В спешке же отступления, ему не успели передать данные о наличии у противника ряда замеченных ранее кораблей, потому единственное, что он предпринял — отвел свой корабль подальше от берега, на чем и успокоился.

Еще в первую ночь Иениш с удивлением наблюдал едва заметные огни в море на месте дневной стоянки вражеского минного крейсера, но когда на следующую ночь они никуда не исчезли, он лишь предвкушающе ухмыльнулся. Подобной безалаберности в несении службы, какую демонстрировал экипаж этого минного крейсера, Иениш не видел даже у китайцев, не

отличавшихся особой дисциплиной и служебным рвением. А вспомнив вдобавок стенания своего друга, решил доказать европейским писакам, что они называли его "пиратом" совершенно не зря. Конечно, у него под рукой не было верного и проверенного не одной схваткой "Полярного лиса", да и любой из самых небольших китайских миноносцев на фоне имеющихся сил сейчас выглядел бы грозной силой, но как порой говаривал Иван Иванович — "За неимением гербовой, будем писать на туалетной".

Потому стоило тьме опуститься на землю, как связанные между собой канатами, чтобы не потеряться в темноте, выстроившиеся в кильватерную колонну катера, к которым добавили еще один гребной находящийся на буксире замыкающего, покинули свою стоянку, будучи под завязку набиты абиссинцами. И пусть длинные винтовки совершенно не годились в качестве вооружения при abordage, переданные им десяток револьверов и имевшееся у каждого холодное оружие должны были немало поспособствовать захвату корабля, чья команда и командир непростительно расслабились. Имея скорость не более семи узлов, более трех часов они подкрадывались к ничего не подозревающему противнику, ориентируясь на столь удачно горящие огни, как будущей жертвы, так и наблюдателей. Пройдя проливами между островами и обогнув по широкой дуге корабли нейтралов, с тем, чтобы подойти именно с их стороны, катера застопорили машины, шум работы которых, казалось, разносился на многие мили вокруг, и уже на веслах прошли оставшуюся до мирно спящего минного крейсера милю. Причем, теперь уже гребной катер активно помогал своим паровым собратьям поддерживать темп. Лишь когда до четко обозначенного огнями корабля осталось чуть более тридцати метров, с него кто-то расслышал шлепки опускаемых в воду весел и принялся кричать в темноту, интересуясь, кого это там черти несут. К тому моменту как к крикам прибавился свет вспыхнувших прожекторов, до противника осталось всего полтора десятка метров. Причем, сперва, прожектора устремили свои пронзающую на многие мили тьму лучи в сторону порта, откуда вероятность появления противника виделась наибольшей и лишь после очередного оклика принялись шарить по всему горизонту. Вот только прежде чем им удалось нащупать подкрадывающиеся к борту корабля катера, с тех ударили три переданных на время проведения операции митральезы. И пусть точность огня с небольших раскачивающихся на волнах посудин оставляла желать лучшего, один из прожекторов потух, а второй резко дернулся и застыл, уставившись куда-то ввысь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Раздавшиеся же с борта минного крейсера редкие хлопки винтовочных выстрелов, уже никак не смогли предотвратить самый настоящий abordage. Черные, как сама ночь, с выделяющимися белым цветом глазами и осками хищных улыбок, абиссинцы ринулись карабкаться на борт итальянского корабля, подобно гигантским муравьям нападающим на вторгшегося на их территорию жука. Стрельба, крики и стоны наполнили палубу, а после и внутренние отсеки крейсера. Вскочившие посреди ночи, не понимающие, что происходит, итальянские матросы больше создавали панику, носясь туда-сюда во тьме, нежели пытались организовать отпор неизвестно откуда появившимся на борту головорезам. Абиссинцы же в свою очередь просто продвигались вперед, стреляя или рубя саблями всех, кто оказывался у них на пути. В результате, уже через пол часа от более чем сотни человек экипажа в живых остались лишь восемнадцать, успевших забаррикадироваться во внутренних отсеках.

Естественно, abordажники тоже не обошлись без потерь. Помимо двух десятков погибших и дюжины раненых, пропали без вести еще пять человек, скорее всего свалившихся за борт и утонувших. В общем, половина выделенных для операции сил

оказалась выбита, но конечный результат того стоил. Новенький, целехонький минный крейсер стоимостью под миллион рублей являлся великолепным трофеем. Причем, куда больше материальной, здесь и сейчас он представлял из себя ценность, как солидная боевая единица, не уступающая, а то и превосходящая "Полярного лиса".

Утащенный стоявшей под парами и готовой к осуществлению буксирных операций "Поллюс", что едва смогла дать два узла, имея на привези почти вдвое превосходивший ее по водоизмещению минный крейсер, "Капрера" оказался полностью освобожден от итальянского экипажа лишь к девяти утра, когда последние защитники, поддавшись уговорам офицеров с "Кристофоро Колумбло", допустили новых хозяев корабля в котельные отделения. Тогда же, осматривая трофей, Иван смог припомнить еще один эпизод из истории военно-морских сражений.

— Ловите! — стоя на мостике и осматривая их новый корабль, Иван по въевшейся привычке достал из кармана горсть небольших камушков и принялся бросать их в воду, наблюдая за расходящимися кругами. Но стоило одной очень умной мысли пронзить его мозг, как он кинул очередной "снаряд", стоящему тут же Иенишу.

— Зачем? — рефлекторно поймав небольшой камень, в удивлении уставился тот на друга.

— Вы знаете, Виктор Христофорович, — поднеся к лазам очередной камень, медленно произнес Иван, — я тут резко вспомнил историю одного "камушка". — Давайте отойдем на корму, где нам никто не сможет составить компанию.

— И что же это за такой интересный "камушек" пришел вам в голову, о котором не стоит знать остальным? — опершись спиной о бронешит орудия, поинтересовался Иениш, как только убедился, что более никого поблизости нет.

— Жемчуг. — подбросив очередной небольшой обломок ракушечника, совершенно непонятно произнес гость из будущего. — И все же, человеческая память — удивительная вещь. И очень избирательная. — хмыкнул он, продолжая играть камнем. — Я мало что помню о кораблях грядущей войны. Но кое-что все же имеется в этой черепашке. — постучал он пальцем себе по лбу. — Так вот, в свое время несколько крейсеров получили названия в честь драгоценных камней. По какой причине и кому это пришло в голову — я не имею никакого представления. Но факт остается фактом. На свет появились небольшие крейсера, которые народ прозвал "камушками". Один из них вроде бы погиб в войну. А вот еще пара дожили до Первой Мировой. И если "Алмаз" вроде бы пережил ее, то "Жемчуг" погиб в самом начале. И вот то, как он погиб, навело меня на мысль о необходимости повторения трюка командира немецкого крейсера "Эмден". Тем более, что нам и маскироваться не придется. — хлопнул он ладонью по замку орудия. — Так вот, немец замаскировался то ли под английский, то ли под французский крейсер и совершенно спокойно вошел на внутренний рейд охраняемого порта, где, не встречая какого-либо сопротивления, с пистолетной дистанции потопил наш "Жемчуг", после чего спокойно скрылся. И созерцая этот великолепный корабль, — Иван вновь подбросил и поймал камушек, — я не могу не предложить вам как можно быстрее навеститься в гости к итальянцам, пока всякие нейтралы не предупредили их о факте потери ими очередного корабля. Тем более что его и маскировать не надо. Уж свой то корабль итальянцы смогут узнать.

— Отдаю должное вашей избирательной памяти, Иван Иванович. — усмехнувшись, склонил голову Иениш. — Честно говоря, я и сам подумывал о подобном, но не предполагал,

что такая откровенная наглость сможет иметь право на существование. Однако ж, вон оно как бывает.

— Значит, попробуем? — едва ли не принялся потирать руки Иван.

— Непременно. — кивнул Иениш. — И чем быстрее, тем лучше. — покосился он в сторону задымившей английской канонерки, которая явно собиралась наведаться в ближайший порт, где имелся телеграф, а то и сбегать до самого Массаяу. — А то господа нейтралы действительно зашевелились. Дело за малым — разобраться, как и что на этом итальянце функционирует.

Вход в порт избитых и обгоревших крейсеров никак не походил на триумфальное возвращение победителей. К тому же, из четырех кораблей, что еще три дня назад уходили наказывать возомнивших о себе невесть что аборигенов и наемников, назад вернулись лишь три развалины, что вызвало шок у всех, кто лицезрел эту нерадостную картину. Особенно сильно выделялась практически полностью обгоревшая и сидевшая в воде едва ли не по самые иллюминаторы "Этна". Конечно, еще оставался шанс, что домой вернулись все же победители, умудрившиеся таки отбить своими силами порт. А минный крейсер, как наименее пострадавший, остался охранять отбитый героическими моряками Асэб. Но когда с бортов кораблей принялись сходить хмурые, небритые, в помятой, рваной, а порой и прогоревшей местами форме члены экипажей, даже не имевшие ничего общего с флотом люди догадались, что победой тут и не пахнет. Впрочем, как вскоре должно было выясниться, оставленный для ведения наблюдения "Капрера" вообще следовало записать в безвозвратные потери.

А пока доплзшие до Массаяу крейсера пытались привести в хоть какой-то порядок, перед отправкой на верфи метрополии, сменивший хозяев минный крейсер не только вполне успешно выполз с внутреннего рейда Асэба, но спустя четыре часа даже сумел обогнать ту самую английскую канонерку, чье поведение столь сильно не нравилось Иенишу.

По сути, ничего сложного в устройстве и управлении итальянским минным крейсером не было. Те же огнетрубные котлы, та же паровая машина, уже знакомые артиллеристам 120-мм орудия Армстронга. Разве что расположение рубки в кормовой части из-за чего серьезно снижался обзор прямо по курсу, как для рулевого, так и для всех находившихся на мостике, виделся весьма странным конструкторским решением итальянских инженеров. Все же и труба носового котельного отделения, и передняя мачта, маячившие перед глазами, никак не способствовали облечению управления этим небольшим кораблем. Впрочем, насколько знал Иениш, столь странным расположением ходовой рубки могли похвастаться все минные крейсера итальянской постройки и ряд авизо. Но именно по этой же причине Иениш был уверен, что они смогут беспрепятственно пройти на внутренний рейд вражеского порта, даже имея на мачте военно-морской флаг Абиссинии. Все же предложение Ивана Ивановича оставить на месте итальянский флаг для лучшей маскировки, отставной офицер Русского Императорского Флота принять никак не мог. Да, из рассказов друга он знал, что во время Второй Мировой Войны немецкие рейдеры всюю меняли флаги и названия, наряду с изменением надстроек, изготавливая фальшивые из деревянных каркасов обтянутых тканью, чтобы обмануть как врагов, так и нейтралов. Но здесь и сейчас были совершенно иные времена, и предприни он нечто подобное, в будущем можно было не надеяться на лояльное отношение к своей персоне со стороны военных моряков, под флагом какой бы страны они ни служили. Да и внешнего вида трофейного минного крейсера, по его

мнению, было вполне достаточно, чтобы спокойно пройти в сумраке мимо сторожей, буде такие вообще выставлены итальянцами.

Чтобы успеть навестись в Массауа до рассвета, пришлось гнать минный крейсер на 15 узлах, что, впрочем, для новых машин и механизмов корабля не являлось проблемой, тем более что именно этот экземпляр, из всей серии в 8 выпелов, вышел самым быстрым, преодолев на испытаниях порог в 20 узлов, тогда как ряд его собратьев не добрались даже до 19. Как и бронепалубные крейсера итальянской постройки, минные крейсера не могли похвастать солидной скоростью, превращаясь в легкую добычу современных крейсеров, что клепали англичане в славном городе Эльсвик. Но, стоило признать, что их русские, французские и немецкие коллеги также не имели шансов убежать от скоростных бронепалубников. Вот только в случае встречи миноносных одноклассников этих стран в бою, любой здравомыслящий человек поспешил бы сделать ставку на итальянцев. Все же в отличие от остальных, итальянцы пошли по пути увеличения размеров и вооружения своих минных крейсеров, а не уменьшения в угоду максимально возможной экономии при их строительстве. В результате, по сути, они получили очень маленькие бронепалубные крейсера, толщина брони палубы и скосов которых лишь немного уступала таковой у больших крейсеров, что значительно повышало их живучесть в бою. Во всяком случае, даже получив пару тройку снарядов среднего калибра, он имел неплохие шансы уползти с поля боя, в то время как тот же "Полярный лис" имел все шансы отправиться на дно. Но это, естественно, при условии отсутствия золотых попаданий.

Забрав к себе всех миноносников, немногочисленный экипаж "Аддис-Аббебы", лучших артиллеристов и два десятка абиссинцев их тех, кто активно помогал при орудийных батареях, Иениш сильно ослабил силы остающиеся прикрывать порт, но по причине катастрофической нехватки людей, иного выбора не было. Причем, даже так едва удалось набрать чуть более полусотни человек, так что орудия противоминного калибра остались без расчетов. Да и о стрельбе самоходными минами разом с обоих бортов, нечего было и мечтать, что, впрочем, не помешало заранее подготовить эти самые мины к применению. И дополнительно взятая полусотня стрелков опять же из числа местных, в случае начала морского сражения могла бы только мешаться под ногами и не более того. Все же вчерашние крестьяне и козопасы, чей интеллект не был отягощен хотя бы малейшими техническими знаниями, на корабле являлись откровенным балластом. Но, как и в случае с китайскими бандитами притащенными некогда господином Ваном, выбираться Иенишу было не из кого. А пошालить в море после атаки на вражескую базу — сам бог велел.

Путь, который у тихоходных кораблей занимал сутки и более, быстроногий минный крейсер пробежал всего за 14 часов, при этом, не сильно напрягая свои машины. Выйдя в полдень из Асэба, он уже во втором часу ночи прокрался в пролив между континентальным берегом и островом Джимхил, а в районе трех, щеголяя ходовыми огнями и горящими иллюминаторами, вышел к внешнему рейду крупнейшего порта Эритрейской колонии. Естественно, можно было, полагаясь на темень, прокрасться в порт, чтобы тихо сделать свое грязное дело, но будь они обнаружены сторожевыми кораблями, в роли которых выступали сохранившиеся канонерки, у капитанов последних могли зародиться абсолютно ненужные Иенишу сомнения. А так, обозначая себя и позволив осветить прожектором, он совершенно спокойно провел минный крейсер мимо сторожей, даже помахав рукой в приветствии, когда луч света ненадолго задержался на ходовой рубке его корабля.

Будь у него под рукой только минные катера, что остались в Асэбе, он, естественно,

постарался бы потихоньку прокрасться, благо увиденная картина это вполне позволяла. Небольшой, шириной чуть более мили, проход, что вел с внешнего рейда непосредственно в порт, где получившие по зубам итальянцы укрыли свои крейсера, оказался перекрыт всего двумя канонерскими лодками, чего было явно недостаточно. При этом, что деревянная "Каридди", что малютка "Касторе", являвшаяся систершипом захваченной "Поллюс", но перевооруженная на одно 119-мм орудие, во избежание возможных инцидентов с гражданскими судами, стояли с горящими огнями и представляли из себя идеальные мишени, вздумай Иениш атаковать именно их. Но куда более лакомыми целями выглядели стоявшие на внутреннем рейде или у пирсов крейсера. К величайшему сожалению, определить, где стояли недавние противники, а где гражданские суда, не представлялось возможным. Ночная тьма надежно скрывала не только висевший на мачте минного крейсера флаг, но и очертания всех находившихся в Массауа судов и кораблей, а по немногочисленным освещенным иллюминаторам, кои виднелись тут и там, определить принадлежность к Королевскому Флоту не представлялось возможным. Потому, единственный сохранившийся на минном крейсере прожектор, после изучения обоих сторожей, вильнул в сторону порта и принялся обозревать его в поисках наиболее вкусных жертв будущей атаки.

Находишь хоть один из ушедшей от Асэба тройки в составе сторожевых сил, он бы и стал единственной жертвой последователей данайцев, получив в борт одну, а то и пару мин — в зависимости от точности стрельбы минеров и возможности срабатывания боеприпаса. Все же прорываться на внешний рейд мимо столь зубастого противника после атаки кого-нибудь непосредственно в порту, виделось чистым самоубийством. Однако канонерки не имели никакого шанса предотвратить подобный прорыв. Потому, вместо предварительно планируемого разворота на выход из порта и атаки на проходе какого-нибудь одного крейсера, было решено выпустить по ничего не подозревающему противнику все четыре мины с бортовых минных аппаратов, для чего требовалось пройти мимо выстроившихся в одну линию крейсеров сначала одним, а после вторым бортом.

Конечно, имейся возможность работать всеми аппаратами на каждый борт и так рисковать, маневрируя в потемках в незнакомом порту на небольшой скорости, и готовясь при этом попасть под огонь пары крейсеров, никто бы не стал, выпустив все рыбки, держа путь на выход. Но чего не было, того не было. Потому, оставалось лишь рисковать и надеяться, что чувствующие себя в безопасности итальянцы не быстро очухаются.

Имея ход в 8 узлов, так и не получивший новое название "Капрера" прошел вдоль линии выстроившихся у пирса крейсеров и буквально перед началом разворота с его борта, под пшик пневматической системы, в воду нырнули две самоходные мины. Пройдя чуть более кабельтова, обе повстречали на своем пути подводную часть корпуса "Этруре" и над бортом последнего поднялись два фонтана грязной от угольной пыли и вонючей от обилия ила, перемешанного с отходами сбрасываемыми с кораблей, воды.

К тому моменту как на борту пораженного минами корабля начали раздаваться крики, и разразился колокольный звон боевой тревоги, погасивший все огни минный крейсер уже наполовину закончил свой маневр, а спустя три минуты всадил еще две мины в борт второго крейсера, с которого за пол минуты до атаки их смог нащупать один из вспыхнувших и заматавшихся по акватории порта прожекторов. Лишь после того, как в воду ушли последние рыбки, Иениш дал отмашку артиллеристам и те, принялись всаживать в выделяющийся на фоне неба и подсвеченный, как собственными огнями, так и прожектором минного крейсера

обойденный вниманием минеров корабль.

Говорить о процентах попадания по неподвижной мишени длиной под 90 метров с расстояния в полтора — два кабельтова попросту не стоило, ибо промахнуться в подобных условиях виделось невозможным. Один за другим 120-мм снаряды исчезали в борту "Этны" или расцветали огнями подрывов на бронешитах орудий, сея смерть и разрушения, какие крейсер не получил даже во время недавнего боя.

Пусть им не удалось достичь показателей технической скорострельности армстронговских скорострелок, но до того, как огонь пришлось перенести на давшие о себе знать канонерки, итальянский крейсер получил не менее двух десятков совершенно нежеланных с учетом полученных прежде повреждений попаданий. Помимо того, что на стальном теле корабля появились новые раны, вдобавок разошлись и старые, "залеченные" на скорую руку. Но, что оказалось хуже всего, прямым попаданием оказался разбит вспомогательный котел, от которого до сих пор запитывались работающие без устали водоотливные средства, так что просачивающаяся через образовавшиеся щели и сдвинувшиеся деревянные щиты вода по новой начала затапливать крейсер.

Сперва, стоило тишину ночи разорвать глухим раскатам подрыва самоходных мин, на канонерках предположили, что в гавань проникли вражеские минные катера, о которых стало известно от команды "Пьемонта" и потому даже пройдя пару раз лучами прожекторов по направляющемуся на выход из порта минному крейсеру, их экипажи продолжили выискивать несуществующего врага. И лишь когда удалось разобрать, что по стоящему на якорях крейсеру лупят как раз с небольшого миноносного корабля, заговорили орудия канонерок. А вскоре к ним присоединились и редкие орудия подбитых крейсеров, которые, впрочем, очень скоро замолкли, расстреляв имевшиеся непосредственно у дежурных орудий снаряды. Подавать же новые оказалось некому и неоткуда. Хлынувшая в образовавшиеся пробоины вода сотворила натуральную панику на борту подбитых кораблей, так что ни у одного из носящихся по темным коридорам и пытающимся протолкнуться наверх матросов, даже не возникло мысли о необходимости бежать в бомбовые погреба. Обстреливаемый же, и с носа, и с кормы минный крейсер продолжал наращивать ход, держа курс почти прямо на "Касторе", как меньшее из двух зол.

Наверное, помни Иван все детали гибели "Жемчуга", он удивился бы, насколько сильным оказалось сходство двух боев. Что немецкий легкий крейсер, что трофейный минный крейсер не только успешно поразили своих визави минами, но и обрушили на кинувшегося на них сторожа, спокойно пропустившего их несколькими минутами ранее в порт, достаточно мощный артиллерийский огонь. Единственное что, французский эсминец "Мушкет" так и не смог определить в немецком крейсере противника, а вот итальянцы вовсю стреляли по прущему на них "Капрере". Но итог короткой стычки оказался одинаков для обоих. Что не успевший сделать ни одного выстрела француз, что успевший выпустить два десятка снарядов и даже один раз попасть итальянец, оба отправились на дно. Держась как можно дальше от более крупной и зубастой "Каридди", Иениш провел свой корабль столь близко от "Касторе", что в момент прохода дистанция между ними не превышала полукабельтова. Еще повезло, что к этому моменту единственное серьезное орудие канонерки уже замолчало после пары особо удачных попаданий из носового орудия минного крейсера, а то количество пробоин в корпусе недавнего трофея явно могло бы увеличиться. Но, оно молчало, и потому не могло помочь своему носителю в спасении его стальной жизни. Один из поразивших канонерскую лодку снарядов, по всей видимости, угодил

прямоком в бомбовый погреб, поскольку небольшой кораблик попросту разорвало в клочья. Вот горящая "Касторе" еще пытается отползти поближе к берегу, чтобы выброситься на мелководе, и вот на ее месте поднимается огромный фонтан воды. Благодаря неотрывно следящему за ней с борта минного крейсера лучу прожектора, все наблюдающие за боем смогли стать свидетелями жуткой гибели корабля и команды, у которой после такого явно не было ни малейших шансов на спасение.

В результате, вернувшись утром посмотреть на дело своих рук морякам абиссинского негуса предстала картина полнейшего разгрома. "Этруриа" и "Догали" оба не только легли на дно, но и получили серьезный крен на левый борт, так что из воды торчали лишь верхушки мачт, да кончики дымовых труб, устремленные отнюдь не прямоком в небо. Многострадальная же "Этна" все еще держалась на поверхности, но вновь успела осесть в воду чуть ли не по иллюминаторы жилой палубы, что было заметно даже с расстояния в пару миль. Ближе, к сожалению, подойти не удалось, поскольку оттянувшаяся на внутренний рейд канонерка всем своим видом намекала, что будет стоять до конца, в случае очередной атаки. Но вот этого Иенишу как раз и не требовалось. Узнав от пленных, что пришедшие к Асэбу корабли были всеми силами высланными метрополией к берегам Эритрейской колонии и убедившись в их полном уничтожении, капитан "доброволец" находящийся на службе Менелика II, едва ли не потирая руки, отправился заниматься тем, что у него неплохо получалось в дальневосточных водах. Все же снабжать свои войска и перевозить эти самые войска морем приходилось не одним японцам. Итальянцы от них ничем не отличались. Разве что воды, где можно было встретить потенциальные трофеи, сильно уступали по площади тем, в которых приходилось действовать прежде. И в отличие от японцев, они вообще не думали о защите своих транспортов. Тот пароход, что пришел в Массауа под прикрытием "Капрере" и "Этны" совершенно случайно повстречался им в Порт-Саиде, потому и мог похвастаться солидным эскортом. Остальные же ходили сами по себе, и в принципе это было понятно — ведь они отправлялись в рейс до того, как итальянцы узнали о наличии у абиссинцев собственного флота. И теперь те, кто еще не успел добраться до Массауа, но уже покинули Суэц, являлись законной добычей команды минного крейсера.

В результате короткой пробежки на север вдоль побережья им удалось перехватить небольшой конвой в два судна. Один грузовой и один грузопассажирский пароходы перевозили 1-й батальон 1-го полка берсальеров и две батареи горных орудий со всеми необходимыми припасами. Небольшой, скромный в плане роскоши и тихоходный по сравнению с обладателями Голубой ленты Атлантики и теми, кто за ней гнался, лайнер "Персей", использовался для перевозки итальянских мигрантов в САСШ, но был зафрахтован правительством для доставки войск, как и его вдвое меньший попутчик — "Польцевера". Вот только первый же рейс в качестве военных транспортов стал для обоих последним. Встреченные ближе к вечеру оба были взяты на прицелы орудий минного крейсера, а обескураженным произошедшим офицерам было объявлено, что отныне они все являются пленными. Всем же несогласным предлагалось прыгать за борт и добираться до суши своими силами.

Что удивительно, желающих сохранить столь экзотическим способом свою свободу не нашлось даже среди состава элитной итальянской пехоты. То ли они не умели плавать, то ли успели насмотреться на плавники многочисленных акул облюбовавших воды Красного моря, то ли не рассчитывали добраться по землям Африки до ближайшего очага западной цивилизации, но, спустя пару часов после встречи, на борту "Персея" состоялась

торжественная церемония сдачи личного оружия всеми солдатами и офицерами. Исключения для кого-либо Иениш делать не стал, но пообещал в случае нападения на членов оставленной на борту лайнера призовой партии, непременно пустить судно на дно вместе со всеми находящимися на нем. То же самое предполагалось сделать, если капитанам лайнера или транспорта пришла бы в голову замечательная мысль — затеряться в местных водах с наступлением сумерек.

С приходом новых трофеев, на которых оказалась свыше двенадцати сотен дополнительных ртов, ситуация с продовольствием в Асэбе из тяжелой переросла в катастрофическую — не сильно помогли и имевшиеся на борту судов запасы. В результате, взяв со всех пожелавших получить свободу расписку о не участии в дальнейших боевых действиях, итальянцев загрузили в трюмы "Аддис-Абебы" и спустя двенадцать часов очумевших от жуткой духоты, голода, жажды и усталости, передали на руки французским колониальным властям в Обоке, отчего последние отнюдь не пребывали в восторге. Там же были закуплены все запасы продовольствия, до которых Машкову и составившему ему компанию Иванову удалось дотянуться, пока те же французские колониальные власти не перекрыли воздух. Губернатор Обока прекрасно понимал, для кого приобретается продовольствие, и потому не мог не начать вставлять палки в колеса. Все же происходящее в Асэбе шло в разрез с видением приемлемого развития ситуации на африканском континенте существовавшее в Париже, а потому не мешать было нельзя. Тем не менее, почти пятьсот тонн круп, муки, фруктов и овощей, а также пару сотен голов всевозможного скота им удалось купить и за последующие два дня погрузить на борт вспомогательного крейсера. Правда, и тут колониальные власти подгадили, в результате чего грузить все приобретенное пришлось собственными силами и если бы не сотня абиссинцев, игравших роль конвоиров, возможно, погрузка затянулась бы на неделю. Тем не менее, судно без каких-либо помех вернулось в Асэб, где обнаружилось свалившееся на голову счастье. Пока Иениш отсутствовал, в порт прибыл пароход Доброфлота, в чьих трюмах под сотнями тонн первоклассного угля скрывались ящики с последней сотней мин Герца — теми, которые флотским минерам все же удалось реанимировать. Причем, прибыл он не один, а в сопровождении обновленного "Полярного лиса". Хотя минный крейсер шедший под русским торговым флагом и промурыжили в Порт-Саиде более двух недель, учитывая его недавние похождения и творящееся в Асэбе непотребство, найти причину для отказа в его пропуске через Суэцкий канал не удалось и пусть с немалым опозданием, он все же добрался к эритрейским берегам.

Общими усилиями за последующие четыре дня удалось не только облегчить пришедший пароход на все мины и тысячу тонн первоклассного кардифа, доставленного специально для минного крейсера, но и снабдить этот самый минный крейсер достойным вооружением. Сперва, его, конечно, тоже пришлось изрядно облегчить и впоследствии перетащить все не приклепанное намертво в корму, чтобы увидеть вышедший из воды нос и спокойно сбив заплатки, установить на положенное место пару родных минных аппаратов. Да и монтаж дождавшихся своего носителя орудий Канэ тоже занял изрядно времени. Но в конечном итоге все работы подошли к концу, и теперь предстояло проверить, как сам корабль, так и набранный на него экипаж в деле.

Первым делом вновь получивший клыки и когти "Полярный лис", оставшись под управлением Протопопова, наведалься в гости к итальянцам. Все же ему тоже требовалось вспомнить былой опыт сражений и остатки итальянского флота в Массауа подходили для

этого лучше всего. Впрочем, отправлялся он туда не в гордом одиночестве, а в компании получившего таки новое наименование трофея. Все с той же ехидной улыбкой, что и пару лет назад, Иван Иванович окрестил минный крейсер именем "Песец", аргументировав эту потребностью запутать противника. Это на русском данные наименования звучали поразному, а вот в европейских языках такого разнообразия не наблюдалось, и потому жуткая путаница в будущем им была обеспечена. Поверил ли в подобное обоснование хоть кто-нибудь, так и осталось загадкой, но возражающих не нашлось и потому в новый налет на итальянский порт отправились уже два мелких северных хищника.

Благодаря новым котлам и профессионально перебранной машине, "Полярный лис" при открытых топках мог поддерживать скорость в 19 узлов, а при закрытых на заводских испытаниях выдал 21,2 узла, что позволяло ему спокойно держаться в кильватере своего более молодого коллеги. Насколько знал Иениш, помимо попавшего к ним в руки "Пьемонта", ни один из итальянских кораблей, за исключением нескольких миноносцев и пары минных крейсеров, не мог поддерживать подобную скорость, так что даже в случае неожиданного прихода к итальянцам какого-либо подкрепления, они имели все шансы убежать от преследователей, если последние оказались бы не по зубам четверке 120-мм орудий.

Предполагая же, что в качестве наиболее вероятного противника им попадется уцелевшая канонерка, Иениш заранее посоветовал своему бывшему старшему офицеру, а теперь равному коллеге — капитану, установить на минах небольшое углубление. И как оказалось — совет пришелся к месту. В результате разгрома устроенного "Песцом" в свое прошлое посещение порта, на защите Массаяу осталась только сильно поврежденная "Этна", которую итальянцам все же удалось отстоять у заполняющей трюмы воды, и оттянувшаяся поближе к ней "Каридди". Вообще эта двадцатилетняя деревянная канонерка вооруженная старьем, установленным еще при постройке, вряд ли имела хоть малейший шанс продержаться в артиллерийской дуэли против одного из нацелившихся на нее пары минных крейсеров, но вот орудий крейсера небольшим миноносным кораблям следовало опасаться. Особенно это касалось практически не несущего брони "Полярного лиса". Потому, ради обеспечения максимально безопасного выхода своего напарника в минную атаку, Иениш собирался подставиться под обстрел, тем самым сосредоточивая все внимание итальянских артиллеристов на своем корабле.

Разделившись еще на подходе к внешнему рейду, минные крейсера продолжили каждый свой путь, стараясь двигаться в соответствии с заранее утвержденным графиком, поскольку иных способов координировать атаку попросту не существовало — до того момента как на суда и корабли массово начнут устанавливать беспроводные телеграфы были еще годы. В результате, сохраняющий полную иллюминацию "Песец" продолжил идти напрямик к обозначенному редкими огнями порту, а "Полярный лис" принял влево и начал потихоньку сближаться с континентальным берегом, чтобы в момент начала артиллерийской дуэли оказаться как можно дальше от напарника.

Как и предполагал Иениш, начав обстреливать высветившую его канонерку, он смог привлечь все внимание к своему кораблю, обеспечив Протопопову практически идеальные условия выхода в атаку, на хорошо обозначенную канонерку. Помимо собственных ходовых огней, редких вспышек орудийных выстрелов и прожектора, неотрывно следящего за находящимся в 10 кабельтовых противником, "Каридди" оказалась подсвечена с борта "Песца", так что потерять ее во тьме не представлялось возможным. И Протопопов не

потерял. Не прошло и пяти минут с начала артиллерийской канонады, как обе мины выпущенные с расстояния в два кабельтова ушли к выбранной цели, после чего, не дожидаясь результата, минный крейсер начал отворачивать на правый борт, чтобы побыстрее смыться с места преступления. Все же оказаться в досягаемости орудий итальянских кораблей на небольшом, имеющем исключительно номинальную броню, минном крейсере, он никак не желал.

Гулкий звук подрыва десятков килограмм взрывчатки прокатившийся над водами залива, дал понять, что хоть одна из выпущенных мин сработала штатно. Да и замеченный солидных размеров фонтан воды, поднявшийся в районе кормы канонерской лодки, не предполагал чего-либо иного. В тот же момент, произведя напоследок еще пару выстрелов, "Песец" прекратил атаку и взяв курс на северо-восток, где имелось куда меньше шансов налететь в темноте на один из небольших островков усеявших местные воды, поспешил покинуть столь негостеприимное место. Спустя четверть часа к нему в кильватер встал обозначивший себя огнями "Полярный лис", успешно "задравший" свою первую жертву в этой войне.

Не смотря на главную направленность всего затеянного предприятия, никто не запрещал "добровольцам" вставшим под абиссинский флаг время от времени охотиться за итальянскими пароходами держащими путь в Индокитай или возвращающимися оттуда через воды Красного моря. Ранее этим невозможно было заниматься по причине малочисленности квалифицированных кадров, и в связи с отсутствием достойного корабля — все же эпопея с захватом "Капрере" оказалась весьма приятной неожиданностью, а не изначально запланированной хитростью. Да и применить его по назначению смогли всего лишь раз. Но с приходом еще одного корабля и трех десятков моряков, наконец, появилась возможность организации достойной охоты, пока не объявились разъяренные творящимся беспределом "егеря". Вот только даже сопутствуя командам рейдеров немалая удача, первые живые деньги можно было бы получить лишь после окончания боевых действий. Все же в отличие от Китая, здесь и сейчас попросту некуда было сбывать возможную добычу, так что ее в любом случае пришлось бы пригонять в Асэб и держать в порту вплоть до окончания войны. А до этого времени требовалось еще дожить! И пусть на время вопрос с итальянским Королевским Флотом в водах Красного моря был решен, долго резвиться на коммуникациях, им было не суждено. Получив такую пощечину, правительство Италии вряд ли согласилось бы подставить для удара следом за правой щекой еще и левую, так что пока имелся небольшой промежуток относительно спокойного времени, требовалось запастись всем, чем только можно; украсть все, до чего дотянутся руки и уничтожить всех, кто не сможет дать сдачи. Да и избавиться от всего лишнего тоже виделось необходимым.

Глава 6. Последователи "Молодой школы"

А пока в далеких землях восточной Африки решались "насуточные хозяйственные проблемы", в кабинете премьер министра Италии стоял ор. Даже не так. В нем тряслись стекла от ОРА одного пожилого и благообразного человека. Франческо Криспи никак не мог бы дважды возглавить Совет министров Италии, не умея он добиваться своей цели всеми доступными способами. Верность? Следование своему слову? Сохранение одной политической линии? Нет, этот человек явно не слышал о подобных глупостях. Всегда и везде он оказывался в стане тех, с кем было выгодно иметь дело ради восхождения на очередную ступеньку политической власти. Путь от скрытного заговорщика революционера до кресла главы правительства занял у него добрых 40 лет. Но даже эти многие десятилетия занятия откровенно грязной политикой и весь жизненный опыт не смогли заставить его научиться искать иные выходы кроме жесткого давления, кроме силы. Он, если не угробил, то серьезно подорвал здоровье итальянской внешней политики, он вогнал экономику страны в жесточайший кризис, он набрал сотни миллионов лир кредитов. И общество не выдержало. А кто бы стал терпеть у власти человека в одночасье угробившего своими решениями то, что строилось десятилетиями, а то и целыми поколениями? Но умный, хитрый, изворотливый и беспринципный политик не был самоубийцей. В том числе политическим. Он изначально осознавал, что придется давать отпор недовольному населению. И тут в дело вступало его детище — армия и флот. Остается неизвестным, был ли он солидарен в определении единственно возможных союзников, которые могут быть у его страны, с императором Российской Империи. Но именно армия и флот принялись активно строиться и разрастаться в размерах под его началом. И именно они встали на защиту своего создателя, когда начались народные выступления. И именно они в настоящий момент терпели одно поражение за другим, дискредитируя как себя, так и потратившего на их создание и снабжение миллиарды лир премьер министра. Не говоря уже об авторитете страны. Но, что было обиднее всего — для проигрыша бравым итальянским солдатам и морякам даже не пришлось сталкиваться в бою с достойным противником, таким как французы или хотя бы турки. Хватило и простых аборигенов, которых все прочие покорители Африки гоняли в хвост и в гриву. Да, с потерями. Но ведь гоняли, а не бегали от них! И поскольку пригласить на ковер проштрафившееся начальство Эритрейской колонии здесь и сейчас не представлялось возможным, все синяки доставались Морскому министру.

— ... И я требую от вас, господин адмирал, немедленных, сиюминутных действий! Делайте все, что пожелаете, но чтобы я более не слышал об этих чертовых русских окопавшихся в этом чертовом Асэбе! — закончил свою гневную тираду премьер министр. — И уж конечно я не желаю слышать об очередных потерянных вами кораблях! — добавил он, сбив только-только собравшегося ответить что-то адмирала Морине.

— Что же, господин министр, — с трудом сдерживая рвущийся наружу гнев, наконец, смог вставить хоть одно слово командующий всеми военно-морскими силами Италии, — полагаю, что тройки броненосцев будет более чем достаточно, чтобы сравнять этот Асэб с землей, вместе со всеми окопавшимися в нем солдатами противника. У нас как раз в Смирне стоит полноценная эскадра, так что...

— Нет! Нет! Нет! И еще раз нет! — не дав договорить адмиралу, вновь взорвался

Криспи. — Трогать силы осуществляющие давление на Порту я категорически запрещаю!

— Но позвольте! — опешил от подобного морской министр, — Ведь именно там у нас собраны лучшие броненосные корабли!

— И именно там они и должны оставаться! Все — и османы, и французы, и англичане каждый день должны собственными глазами лицезреть военную мощь нашего государства! У вас, что, мало кораблей!? На что же, спрашивается, последние два десятилетия расходовались миллиарды лир!?

— Корабли есть. — покрепче сжав кулаки и пылая негодующим взглядом, процедил в ответ Морине. — Но те, которые находятся в Смирне, могли бы справиться с поставленной задачей легче и быстрее, благо они и находятся ближе и уже нагружены всеми потребными припасами. — говорить о том, что на оставшиеся в родных портах корабли едва ли удастся набрать полные экипажи по причине физического отсутствия подготовленных кадров, он посчитал лишним, дабы вновь не стать мишенью для излияния премьерского гнева. Все же создание итальянского флота шло не планомерно, а рывками. И сейчас как раз наблюдался очередной застой, если не спад, в связи с которым практически не закладывались новые корабли, а подготавливаемые годами кадры уже несколько лет к ряду увольнялись со службы. В результате, на многих, особенно технических, должностях оказывались либо некомпетентные в этих вопросах молодые офицеры, либо временно исполняющие обязанности из числа старшин и матросов. Да и те не горели особым желанием заниматься дополнительно работой, поскольку никаких надбавок за подобное не выплачивалось в силу строжайшей экономии на всем имевшей место на флоте уже многие годы.

— А раз есть, немедленно начинайте формировать ударную эскадру!

— Эскадра будет сформирована. — сохраняя спокойным голос, произнес адмирал, — Но в этом случае не останется кораблей для охраны берегов королевства. На данный момент у нас имеется четыре броненосца, один из которых проходит глубокую модернизацию и еще как минимум год проведет на верфи при должном финансировании работ, а из трех оставшихся лишь один я согласился бы отправить громить береговые батареи у Асэба.

— А что же оставшаяся пара? — кинув хмурый взгляд на моряка, поинтересовался Криспи. Хоть он и ратовал еще в свое первое премьерство за активное финансирование флота, вдаваться в технические особенности производимых кораблей политик считал лишним. Для того имелось огромное число адмиралов.

— В силу быстрого развития современных оружейных систем, концепции этих кораблей несколько устарели, и потому существует риск получения ими сильных повреждений от вражеского огня. Тот же, который предлагаю направить в Красное море я, сможет держаться под обстрелом куда более стойко.

— Может и так, господин адмирал. — воинственно встопорщил свои седые усы Криспи. — Но вы, должно быть, забыли, что все корабли были потеряны не в результате обстрелов с берега, а из-за мин! Неужели и это мне необходимо доводить до вашего сведения!? И теперь вы хотите отправить туда лучшее из оставшегося, лишь потому что этот корабль сможет подольше сдерживать огонь вражеских батарей!? А если его так же подобьют миной!? Италия сейчас не в том состоянии чтобы по глупости и некомпетентности отдельных ее представителей терять наиболее ценные боевые единицы флота! Потому два более современных броненосца я вам запрещаю трогать!

— В таком случае, я заранее могу констатировать провал операции по возвращению контроля над Асэбом. С одним единственным старым броненосцем даже самый гениальный

флотоводец не сможет захватить столь хорошо подготовленный к обороне порт.

— Берите крейсера, берите миноносцы, которых наклепали столько, что девать некуда! Берите, в конце концов, все то старье, что осталось со времен войны с Австрией! Вот уж о потерях чего я не буду горевать! Согласуйте свою атаку с действиями пехотных частей! Неужто и искусству воевать вас всех должен учить тоже я!?!...

Первым делом, покинувший кабинет премьер министра, адмирал Морине, нет, не кинулся выполнять грандиозные замыслы главы правительства. Первым делом он выпил. Хорошенько так, хоть и с достоинством. После он еще раз изучил все имеющиеся рапорта по ситуации с этим задрипанным Асэбом и принялся искать жертву, на чьи плечи ляжет задача по возврату захваченного колониального порта.

К вице-адмиралу графу Каневаро лично министр не имел никаких претензий, но именно он, сдав предыдущую должность члена Высшего совета военно-морского флота, не успел занять новую и потому оказался свободен. Да еще и находился, так сказать, под рукой. Потому именно Феличе Наполеоне оказался удостоен чести вести в бой собираемую с бора по сосенке эскадру. А эскадра выходила действительно пестрой. Несколько часов адмирал Морине делал нелегкий выбор между броней и снарядом — извечными врагами и двигателями, как развития оружейных систем, так и металловедения. Принципиальная позиция премьер министра, хоть и не высказавшего открыто, но явно опасавшегося очередного провала моряков и от того не желавшего рисковать более ценным кораблем, не оставила ему иного выхода. Лишь быстрый, хорошо вооруженный и откровенно безбронный броненосец "Италия", который скорее походил на сверхбольшой, сверхмощный и сверхдорогой бронепалубный крейсер в четырнадцать тысяч тонн водоизмещения, да прародитель всех современных безрангоутных броненосцев не мониторного типа — "Кайо Дуилио" могли претендовать на роль флагмана будущей эскадры. А как было бы здорово совместить пусть не самое современное, но уже хотя бы казнозарядное вооружение первого с ничем не пробиваемой стальной броней полуметровой толщины второго. Но поскольку на чудесное появление подобного корабля рассчитывать точно не стоило, приходилось решать.

Прокляв всех политиков и отдельно министров финансов, годами не выделявших денег на модернизацию "Кайо Дуилио" и его систершипа "Энрико Дандоло", адмирал Морине, все же выбрал броню в ущерб вооружению. Если бы не вечное недофинансирование, если бы работы над "Энрико Дандоло" начались в изначально запланированные сроки, можно было бы не мучиться тяжким выбором. Ведь в результате модернизации на свет появился бы именно такой корабль, который идеально подходил для подобной миссии. Но броненосец стоял полностью разукомплектованным, и потому в бой приходилось отправлять одного старичка "Кайо Дуилио" с его монструозными, но абсолютно устаревшими, заряжаемыми с дула восемнадцатидюймовками. Морской министр изначально отводил старичку роль жертвенного агнца, в надежде на то, что толстая шкура его цитадели сможет защитить главные механизмы и бомбовые погреба от снарядов вражеских скорострелок среднего калибра и вернувшийся обратно в Италию изрядно побитым, он все же будет поставлен на ремонт с одновременной модернизацией. Уж если правительство перестало выделять средства на постройку новых кораблей, шанс выбить финансирование на ремонт принесшего победу вымпела имелся весьма неплохой. Дело оставалось за "малым" — одержать эту самую победу.

Хотя, помимо брони была и еще одна немаловажная причина выбора "Кайо Дуилио". Как и премьер Криспи, адмирал Морине внутренне опасался потерять корабль на минах. И

потому, допуская подобную возможность, не желал бы видеть в газетах заголовок — "Италия ушла на дно!". Но говорить о подобном вслух, означало поставить крест на своей карьере, и потому главной версией для всех заинтересовавшихся была именно непробиваемая броня избранного кандидата.

Впрочем, в подмогу старичку Морской министр собирался подобрать достойную компанию, чьи орудия могли бы заставить замолчать вражеские батареи, пока те расстреливали бы броненосец. И как бы горько или наоборот — смешно, это ни звучало, в помощь "Кайо Дуилио" он собирался отрядить еще более дряхлого, но активно молодящегося, старичка помнящего еще бой при Лиссе. Тогда, в далеком 1866 году "Аффондаторе" едва поспел к сражению, прибыв всего за день до его начала. Но именно на нем в итоге поднял свой флаг адмирал Персано командовавший итальянским флотом и именно это, скорее всего, не позволило броненосному тарану прославиться в том сражении. Уж слишком сильно адмирал дорожил своей жизнью и потому спроектированный и построенный для таранных ударов, "Аффондаторе" только и делал в течение всего боя, что избегал именно их. Несколько раз командир броненосца выводил свой корабль прямиком в борт австрийским кораблям, для любого из которых выдающийся на девять метров вперед таран являлся гарантированной смертью. Но каждый раз Персано приказывал отворачивать едва ли не в последний момент, так что единственными результатами действия данного корабля за весь бой являлись лишь пара удачных выстрелов с pistolетной дистанции. И все. А после боя "Аффондаторе" затонул из-за расшатанного в результате многочисленных попаданий корпуса.

Наверное, кто-нибудь мог поинтересоваться, с какой стати адмиралу Морине было посылать в бой этого ветерана активно просящегося на переплавку. А дело заключалось в том, что прошедший пару лет назад модернизацию "Аффондаторе" получил не только новую артиллерию, но и приписку к учебно-артиллерийскому отряду. Так что именно на его борту служили те офицеры, старшины и матросы, которые умели не просто стрелять, а стрелять точно в цель. Да и полноценный броневой пояс в пять дюймов с полноценными же бронированными башнями не следовало списывать со счетов. В общем, как орудийная платформа этот корабль еще мог показать себя во всей красе. И в отличие от всех прочих сохранившихся во флоте участников давнего сражения, его не страшно было выпускать из порта. Все же прочие ветераны войны с Австрией уже давно держались на плаву лишь чудом.

Однако, на этом список плавающего антиквариата подходил к концу и впереди маячил выбор крейсеров и миноносных кораблей. К величайшему сожалению Морского министра, здесь ситуация тоже складывалась не лучшим образом — уж слишком сильно по их численности ударили действия русских "добровольцев", умудрившихся выбить целых пять крейсеров. С учетом же запрета трогать находящиеся в Смирне корабли, выбор оставался совсем небольшой — лишь только-только завершивший ремонт и модернизацию бронепалубный "Джованни Бозан", да единственный броненосный крейсер Королевского флота — "Марко Поло" могли составить компанию броненосцам. Да, их было меньше, чем в потерпевшем фиаско отряде, но дополнительных кораблей попросту не имелось.

Ситуация же с минными крейсерами была несколько проще и одновременно сложнее. Зная о захваченном "Капрере", адмирал Морине не горел желанием облегчать жизнь противнику, направляя на театр боевых действий систершипы этого корабля. Но именно они

составляли ровно половину всех минных крейсеров страны, и потому требовалось провести немалую ротацию, чтобы обеспечить "большим дядям" достойный эскорт. Хорошенько подумав, Морской министр пришел к мнению, что с защитой берегов метрополии вполне справятся миноносцы, и потому всем семи оставшимся минным крейсерам класса "Партенопе" вскоре предстояло заменить своих одноклассников в Смирне. Хотя, правильнее было бы сказать — пять, поскольку пара из них находилась близ османских берегов с самого начала давления на Блистательную Порту.

Естественно, все это заняло не день и не два. Лишь набор экипажа на "Кайо Дуилио" и его загрузка всеми потребными припасами затянулась на целую неделю, в течение которой параллельно происходила смена минных крейсеров. Хорошо еще, что последним приписывалось прибыть прямиком в Порт Саид, без захода в метрополию, иначе, подготовка эскадры к выходу грозила бы затянуться еще на пару тройку дней. Но даже так прибытие в Массаяу скопившихся у Суэцкого канала транспортов с войсками под прикрытием солидной эскадры произошло лишь 9-го февраля, когда ситуация на сухопутном участке боевых действий стала близка к катастрофической.

Но не в одной только Италии активно готовились к очередному раунду борьбы за Асэб. Получивший известия о разгроме итальянской эскадры Александр III вновь убедился, что Иениш является тем человеком, на которого можно делать ставки, а потому в Севастополь полетел весьма и весьма долгожданный приказ, следом за которым вскоре с немалой свитой последовал наследник престола собственной персоной. Не смотря на подаренную возможность прожить на несколько лет больше, император чувствовал, что с каждым годом здоровье не становится лучше, а вал требующих внимания правителя государства российского дел накатывал во все больших объемах, так что без активной помощи старшего сына справиться со всем не представлялось возможным. Да и последнему требовалось, как набираться опыта, так и зарабатывать авторитет не только внутри страны, но и на международной арене, дабы перестать быть лишь видным женихом для десятков жаждущих примерить корону российской императрицы принцесс.

Лелеемый не то что годами и десятилетиями, а веками план захвата проливов ведущих из Черного моря в Средиземное вчерне был подготовлен к лету 1895 года. А все потребные для операции по захвату Константинополя и последующему минированию подходов к Босфору со стороны Мраморного моря корабли, транспортные суда, войска, вооружение и припасы полностью приведены в соответствие с утвержденным списком уже спустя две недели после получения приказа из столицы.

Шесть современных броненосцев, противопоставить которым Османской империи было попросту нечего, канонерские лодки, минные крейсера, минные транспорты и шесть десятков гражданских судов, на которых планировалось перевезти десант первой волны численностью в 30000 человек со всеми потребными припасами в любой момент могли свалиться на голову ничего не подозревающих турок, как снег на голову. Не даром на Черном море из года в год проводились учения по выходу всех броненосцев и кораблей сопровождения из Севастополя, не даром пехотные части по десятку раз отрабатывали погрузку на суда Доброфлота, не даром в Одесском военном округе в тайне создавался усиленный "особый запас" артиллерии. Но, как и в известной всего нескольким людям истории, столь грандиозного события, способного полностью изменить будущее, не произошло. Точнее, не произошло самого акта боевых действий, а вот все приготовления и факт внезапного появления грандиозного боевого отряда близ входа в Босфор имели место

быть. Конечно, не обошлось без потерь — в ночи не привыкшие ходить строем капитаны наскоро мобилизованных пароходов столь сильно разбрелись по акватории Черного моря, что к утру эскадра не досчиталась трети перевозивших десант судов, на поиски которых в конечном итоге пришлось высылать все минные крейсера и канонерки. Но даже тех сил, что с первыми лучами солнца получили счастье наблюдать защитники турецких фортов, оказалось более чем достаточно для разрастания натуральной паники во дворце султана Абдул-Хамида II. Мало того, что в его империи всюду шли боевые действия с не пожелавшими становиться безропотными жертвами армянами, результатом которых стала наглядная демонстрация сил своих флотов близ берегов его страны ведущими мировыми державами, так еще и эти извечные соперники — русские, решили показать зубы, что в свете недавних событий в далеком Китае и информации о поражении итальянцев в Африке, заставляло очень сильно задуматься хотя бы о теоретической возможности противопоставить им что-нибудь, атакуй они прикрывающие проливы форты. Уж он то прекрасно понимал, что куда надежнее старых защитных сооружений столь ценные воды защищают от русских интересы тех же Англии с Францией. И пусть русские еще в 1870 году в одностороннем порядке официально отказались признавать статьи Парижского договора о "нейтрализации" Черного моря, фирман на проход своих боевых кораблей они несколько раз испрашивали, но что некогда виделось куда более весомым доказательством наличия у русских опасений реакций мировых держав — доселе еще никогда они не заявлялись к берегам Османской империи со столь поражающей воображение военно-морской силой. Пожалуй, собранная русскими эскадра смогла бы выступить на равных с английской эскадрой, что, в числе прочих, находилась с противоположной стороны проливов, случись такое чудо — как столкновение этих двух мировых тяжеловесов. Но именно здесь и сейчас и русские, и англичане выступали на одной стороне — противоположной той, на которой находилась Османская империя. И от этого становилось поистине страшно! Ведь от одной мысли о наличии возможной тайной договоренности этих извечных соперников о разделе Османской империи можно было смело лезть в петлю, поскольку удержать столь грандиозную силу, нечего было и мечтать. Оставалось лишь ждать, когда винтовки и орудия интервентов начнут подавать голос на подступах к резиденции султана.

Но столь жуткая картина, кою уже начал рисовать разум османского султана по получении им новостей у появления близ берегов его империи всего русского Черноморского флота, не увидела свет. Не произошло и менее страшной ситуации с вторжением одних русских — их эскадра два дня простояла на подступах к Босфору, демонстрируя себя во всей красе и собирая вместе многочисленных "потеряшек", пока от борта флагманского эскадренного броненосца "Георгий Победоносец" не отвалил минный крейсер с посланием султану от российского императора, в коем выражалось пожелание получения пропуска на проход проливами броненосцу, на борту которого в гости к своим греческим августейшим родственникам следовал наследник российского престола, и двух кораблей сопровождения. Причем, последние не указывались четко, а оставлялись на выбор Романова Николая Александровича. И на сей раз речь уже не шла о разоружении кораблей перед проходом, как это случалось ранее. В результате для Абдул-Хамида II настала патовая ситуация. С одной стороны пропустить русские броненосцы он не мог — вся банковская сфера Османской империи уже давно находилась под внешним управлением европейских держав и потому, даже не объявляя войны, они могли попытаться уничтожить его страну одними своими финансовыми манипуляциями за предоставление русским требуемого

фирмана. Все же за проход столь значительных сил русского флота ни противники России, ни ее союзники не сказали бы ему "спасибо". Сильная Россия не была нужна никому, кроме самих русских. С другой стороны — не пропустить корабль под флагом наследника русского престола, который за подобный шаг в будущем, несомненно, многое припомнит его стране, Абдул-Хамид тоже не мог. На востоке головы рубили даже за куда меньшие оскорбления практически уже монаршей особы. Да и возможность сократить русский флот на Черном море виделась более чем заманчивой. К сожалению, бюджет его империи не позволял расходовать десятки миллионов лир на создание современного броненосного флота, а русские из года в год спускали со стапелей все новые и новые броненосцы, отчего становилось все более и более неуютно. Здесь же и сейчас сами русские давали ему в руки инструмент сокращения столь давящего на его страну фактора как Черноморский флот. Ведь вернуться обратно в Черное море русским броненосцам он уж точно не позволил бы ни при каких обстоятельствах. Конечно, факторов, что за, что против, имелось куда больше — десятки, если не сотни, но слишком много негативных обстоятельств свалились на его голову единомоментно, так что какое бы официальное решение ни было принято, оно, несомненно, приводило бы лишь к ухудшению положения его страны — этаким политический цугцванг стал результатом чрезмерно больших амбиций не подкрепленных достаточной финансовой, политической или военной силой.

Естественно, ни в день обращения, ни на следующий никакого фирмана с дозволением прохода русским кораблям не появилось на свет. Не подписали его и через неделю, не смотря на всю хрупкость мира и более чем шаткое положение Османской Империи на международной арене. И лишь спустя еще неделю, после устроенной русской эскадрой побудки гарнизонам турецких фортов, когда в течение часа не смолкали рявкающие холостыми зарядами десятки крупнокалиберных орудий, к борту флагмана Черноморского флота подвалила турецкая канонерка с посланником султана на борту. Что именно стало причиной его явления — выказывание русскими окончания своего терпения или очередные новости пришедшие из под Асэба, осталось в ведении лишь османского султана. Но столь давно ожидаемого документа не оказалось и у него. Зато вместо бумаги посланник передал на словах, что в ближайшие четыре дня ни один солдат турецких фортов не будет смотреть в сторону проливов, дабы не видеть каких-либо нарушений. Иными словами, хитрые турки решили откреститься от "грубого нарушения русскими установленных Парижским конгрессом правил", но при этом обещали не предпринимать ничего в плане физического воспрепятствования прохода корабля русского цесаревича с достойной его свитой и охраной.

И если наследника русского престола сложившаяся ситуация откровенно взбесила, возводя его неприязнь к южному соседу на очередной уровень, то следившего за ситуацией из Санкт-Петербурга императора она более чем устраивала. О чем Николай был уведомлен товарищем министра иностранных дел, пребывавшим в его свите и по окончании беседы с посланником султана метнувшимся в Севастополь на одном из минных крейсеров для проведения консультаций со столицей.

И если в любой другой ситуации за подобное предложение сделанное русскому наследнику престола пробираться "темными переулками как какой-нибудь багдадский вор", Османская империя вполне могла заполучить весьма негативные последствия вплоть до объявления войны, то сейчас куда важнее было осуществить сам факт затеянного. Все же Александр III не стал доводить до своего наследника все аспекты данного действия, ради которого он весьма неожиданно в приказном порядке отправил старшего сына в столь

далекое путешествие к берегам Эллады, где последнему предстояло ожидать новых приказов не от отца, но от императора всероссийского.

А пока на море кипели свои страсти, преследующие свои далеко идущие цели, судьба Итало-Абиссинской войны решалась на земле. В отличие от той истории, когда посланное в качестве помощи вооружение оказалось конфисковано французами, на сей раз у войск Менелика II помимо дополнительных тридцати тысяч винтовок, оказалось вдвое большее количество орудий. Да, пусть, как и 42-мм французские горные пушки Гочкиса, присланные русскими орудия оказались легкими, но они имелись в наличии вместе с солидным количеством огневых припасов — и это было главное. Теперь отпадала нужда беречь столь ценное оружие и боеприпасы до генерального сражения и потому с подходом основных сил абиссинского негуса к недостроенному форту в Мэкэле, засевшим в нем итальянским войскам пришел конец. То, что они прежде считали за артиллерийский обстрел, в одночасье стало восприниматься небольшим недоразумением. Ведь вместо шести орудий на форт, выстроенный итальянцами на скорую руку на основе здания церкви, обрушился огонь восьми десятков стволов. Восми десятков стволов наводимых понимающими в артиллерийском деле специалистами.

В первые же минуты с начала обстрела оказались уничтожены оба орудия итальянцев, а после картечь и осколки небольших снарядов начали выбивать то одного, что другого защитника форта, коих набилось внутри относительно небольшой территории аж 1183 человека. Спустя же пол часа работы богов войны все уцелевшие итальянские солдаты и офицеры битком набились в оба здания форта, чьи толстые каменные стены надежно защищали как от пуль, так и от легких снарядов, оставив на внутреннем дворе форта и невысоких стенах две сотни павших под обстрелом. Наверное, сама судьба надсмехалась над итальянцами решившими возвести форт на месте старого кладбища, и теперь они находили свой конец над костями тех, чей покой потревожили несколькими месяцами ранее. Но и после этого обстрел не ослаб, просто артиллеристы перенацелили свои небольшие пушки на окна и двери строений, а к невысокой, всего в пару метров высотой, возведенной на скорую руку стене, устремились абиссинские воины. И на сей раз убийственный ружейный огонь со стен форта не мешал им преодолеть сотни метров открытого пространства обильно политого кровью воинов негуса во время предыдущих неудачных штурмов.

Не менее сотни абиссинцев осталось лежать на подступах к форту и в его внутреннем дворе, став той ценой, что потребовалось уплатить войску негуса, дабы подойти к противнику на расстояние удара клинка. Что-что, а холодное оружие являлось для абиссинцев куда более привычным, нежели огнестрельное. Мечи, короткие копья, кинжалы и привезенные русскими сабли мгновенно пошли в ход, стоило первым воинам ворваться в здания, где укрепился противник. Впрочем, итальянский отряд, состоявший в основном из местных же жителей, тоже мог похвастать немалым количеством умельцев работать холодным оружием, и потому разразившаяся внутри зданий резня вышла на славу.

Полтора часа времени и две тысячи жизней с обеих сторон забрал последний бой при форте в Мэкэле. На сей раз, не было куда более длительной осады, не было отрезания форта от запасов воды, не было почетной сдачи итальянцев с сохранением оружия и знамен. На сей раз, была чистая и кровавая победа абиссинских войск. К этому времени армия Менелика II уничтожила уже свыше трех тысяч солдат итальянских колониальных войск и при большом желании могла бы дойти до самого Массауа, не встречая особого сопротивления, ибо с учетом понесенных, как в сухопутных сражениях, так и на море, потерь силы итальянцев

уступали абиссинцам в десять раз. Да и активное применение последними огнестрельного оружия ясно давало понять, что легких прогулок начала 1895 года, когда при захвате Тигра собственные потери исчислялись десятками в противовес тысячам павших воинов местных правителей, более ждать не следует. Но тут, как и многие сотни раз до этого, все успехи воинов оказались принесены в жертву политическим necessities. Правителю Абиссинии абсолютно не хотелось идти полноценной войной на Эритрейскую колонию. Все что ему требовалось — так это выбить итальянцев с территорий, кои Менелик II считал своими, да стретбовать с неудачливых колонизаторов отмены ряда униительных статей Уччальского договора. Все же, не смотря на успехи последних месяцев, в его собственной армии имелось огромное количество проблем, начиная от болезней, косивших воинов одного за другим и заканчивая разладами в высшем командовании армии. Потому, вместо десятков тысяч воинов к границам итальянской колонии отправились посыльные с предложениями о мирных переговорах.

Дошедшие до премьер министра Криспи вместе с обновленными данными о потерях в колониальных войсках и очередном рапорте о перехваченном русскими добровольцами в водах Красного моря итальянском судне, они стали одной из причин принятия излишне поспешных решений, одним из результатов которых и стало создание новой "Эскадры Красного моря". Уж слишком сильно начал раскачиваться стул под все больше теряющим популярность Криспи, чтобы на нем оказалось возможно усидеть без грандиозного военного успеха. Потому в адрес армейского и флотского командования полетели новые истерические требования сиюминутного решения абиссинского вопроса всеми доступными военными методами.

В результате, шедшая доселе ни шатко, ни валко переброска войск обрела второе дыхание, а сборная солянка кораблей, по недоразумению называемая эскадрой, без какой-либо предварительной подготовки и не имея четких, планов вышла к берегам Эритрейской колонии, как только на корабли набрали экипажи и загрузили потребную для перехода провизию с топливом.

Впрочем, к ставшему ареной неожиданно тяжелой борьбы Асэбу собрались наведаться не только итальянцы. По достоинству оценивший стойкость и удачливость собранной Иенишем команды "добровольцев" Александр III помимо подготовки операции силами Черноморского флота, разродился на ряд указов, в соответствии с которыми шедшие на Дальний восток и задержавшиеся в Средиземном море крейсера, наскоро пополнив припасы и отработав положенный смотр царствующей в Греции четой, потянулись в воды Красного моря, дабы продемонстрировать всем следящим за развитием событий сторонам, что Россия тоже держит руку на пульсе. Не забыл император и про контр-адмирала Макарова, коему наказывалось в кратчайшие сроки привести сильнейшие из находящихся под его командованием корабли на соединение с "Рюриком" и "Дмитрием Донским" в Красном море. Тем более что необходимое давление на японцев уже было осуществлено, и за исполнением взятых на себя сторонами обязательств пристально будут следить не только русские моряки, остающиеся на Дальнем Востоке, но и их коллеги из Германии и Франции. Правда, на подобный забег Макарову потребовался бы месяц, а то и полтора. Но тут уже ничего нельзя было поделаться, поскольку современных и способных внушать ужас и уважение кораблей в Российском Императорском Флоте имелось гораздо меньше, чем того хотелось бы. Да и те могли считаться современными исключительно по времени их постройки, но никак не по примененным в их конструкции решениям и технологиям.

По причине резкого ухудшения здоровья адмирала Кологераса, сменившего в Средиземном море ушедшего к дальневосточным берегам Макарова, пришедший 10-го февраля в Порт-Саид отряд русских кораблей находился под брейд-вымпелом начальника отряда, коим выступил командир "Рюрика" — капитан 1-го ранга Кригер. Компанию двум броненосным крейсерам составила броненосная же канонерская лодка "Грозный", так что по меркам Красного моря, в которое и лежал их путь, отряд русских кораблей смотрелся более чем солидно. Впрочем, ценой демонстрации своего флага в Красном море стала очередная сдача позиций в море Средиземном. Все же два старых крейсера 2-го ранга задержанных на пути к долгожданному ремонту и канонерка Черноморского флота не шли ни в какое сравнение с теми силами, что держали в этих водах англичане, французы, австрийцы, греки, турки и те же итальянцы. Хотя, окинув взглядом два десятка судов и кораблей находящихся под итальянскими флагами, Александр Христианович вынужден был признать, что его отряд все же не будет самой большой дубиной в водах Красного моря. И это слегка расстраивало. Но одновременно и вселяло гордость, поскольку вся эта сила собиралась итальянцами для противостояния его предприимчивым соотечественникам знатно утершим нос потомкам древних римлян, имея под рукой всего пару небольших миноносных кораблей. И если уж ему не ставили в задачу погрозить пальчиком заигравшемуся отставному капитану 1-го ранга Иенишу и собранной им компании, а совсем наоборот — намекнули, что будет совсем не лишним помочь им всеми доступными способами, правда, без прямого военного вмешательства, Кригер собирался приложить все возможные усилия для игры за своих. С месяца на месяц он ожидал получения звания контр-адмирала и дополнительные очки в глазах явно поддерживающего Иениша императора виделись ему уж точно не лишними. Однако, сперва, требовалось потратить немало времени на прием угля, воды и провизии, а после в ожидании своей очереди на проход Суэцким каналом. Все же итальянцы пришли вперед его отряда, и потому Кригер не сомневался, что ему не позволят проскочить первым.

В принципе, так оно и произошло. Лишь на четвертый день, когда Порт-Саид покинул замыкающий итальянскую эскадру последний минный крейсер, им позволили сняться с якоря и двинуться ко входу в канал. Причем, из-за солидных размеров, обоим крейсерам предстояло преодолевать его с черепашьей скоростью на буксире небольших пароходиков, что без усталости сносило по каналу туда-сюда, зарабатывая его владельцам дополнительные и весьма немалые деньги. Потому, вперед была пущена канонерка с наказом следить за итальянцами вплоть до их прихода в Массауа. Но этот шаг со стороны Кригера являлся простой перестраховкой, поскольку он не сомневался, что не только догонит, но и перегонит итальянскую эскадру повязанную тихоходными транспортом.

Конечно, куда логичнее было бы послать "Грозный" напрямик к Асэбу, но, к сожалению, запасов угля мореходной канонерки было никак не достаточно для преодоления столь больших расстояний. Она и до Массауа, идя экономичным ходом, должна была подойти с практически пустыми угольными ямами и после принять уголь либо в итальянском порту, либо с борта одного из крейсеров, если итальянцы откажут в продаже топлива, что виделось весьма вероятным.

Как Кригер и предполагал, его "Рюрик" обогнал растянувшийся на пару миль итальянский конвой примерно за двести миль до Массауа и подошел к Асэбу как раз в то же время, когда итальянцы должны были подползти к своему порту назначения. Еще на проходе они обменялись сообщениями с канонеркой, приказав капитану 2-го ранга Паренаго

дождаться у Массауа подхода "Дмитрия Донского" и после приема угля идти на соединение с флагманом, оставив крейсер следить за итальянцами. Так что дня через три можно было надеяться оставить в качестве наблюдателя у Асэба канонерскую лодку, а самому отвести свой корабль для пополнения запасов в Обок. Но пока сменщик не появился, можно и даже нужно было пообщаться с соотечественниками.

Появление на горизонте весьма крупного корабля не осталось незамеченным в самом Асэбе, но к стыду всех собравшихся на наблюдательном пункте отставных флотских офицеров, первым с опознаванием новенького справился гражданский и сухопутный от пят до кончиков ушей господин Иванов. Впрочем, особо винить отставников было нельзя. Все же те ни разу не видели новейший русский броненосный крейсер в законченном виде, а пришелец из будущего когда-то не единожды натыкался на фотографии этого корабля среди прочих.

Сказать, что появление "Рюрика" подняло настроение всех "добровольцев", значило не сказать ничего. В принципе, они и так не сильно грустили, поскольку, не смотря на потери, вели в счете с практически разгромным отрывом. Но осознание того, что наверху про них помнят, откровенно грело душу. По той же причине спустя два часа с распростертыми объятиями были приняты русские офицеры пришедшие в порт на паровом катере.

— Капитан 2-го ранга Серебренников, Петр Иосифович. Старший офицер броненосного крейсера "Рюрик" — представился назначенный старшим группы офицеров, которым предстояло наладить контакт с окопавшимися в Асэбе соотечественниками.

— Лейтенант Скорупо, Фома Ромуальдович. Старший артиллерийский офицер. — отдал честь группе встречающих следующий по старшинству офицер. Пусть помимо него компанию старшему офицеру составлял еще один лейтенант, он был произведен в данный чин ранее.

— Лейтенант Пастухов, Евгений Алексеевич. Минный офицер крейсера "Рюрик". — отрекомендовался последний из прибывших офицеров, показав, что капитан 1-го ранга Кригер не зря носил свои погоны. Во всяком случае, отсылка минного и артиллерийского офицеров виделась наиболее логичным шагом в сложившихся обстоятельствах.

Ответное приветствие и представление не затянулось надолго, и вскоре вся честная компания расположилась в доме занятом Иенишем, где было не столь жарко, как под палящим солнцем. Что оказалось вполне естественным, наиболее любопытной и желанной новостью для окопавшихся в Асэбе "добровольцев" стало прибытие к итальянцам значительного подкрепления. И если с явно многочисленными пехотными частями что-либо поделаться они не могли, то очередной собранный итальянцами флот потрепать, прежде чем он заявится громить их оборону — сам Бог велел. И уж конечно бесценной информацией стали данные о наличных силах. Все же изречение — "Предупрежден — значит, вооружен.", возникло не на пустом месте. А предупреждение они получили весьма вовремя и с массой необходимых подробностей.

Одно только огорчало Иениша — итальянцы оказались совсем не дураками и оставили все минные крейсера, сходные с их недавним трофеем, в Средиземном море, так что еще одного безнаказанного захода в Массауа им не светило. Зато радовало наличие у противника всего одного большого броненосца. Впрочем, радовало это обстоятельство только в том аспекте, что их могло бы прийти и два, и три, и более. А такого "счастья" их выстроенная на скорую руку оборона точно не выдержала бы. Все же основной защитой немногочисленных батарей береговой обороны являлись неглубокие окопы с каменными брустверами, любой из

которых разлетелся бы в пыль от попадания одного тяжелого снаряда. Да и вспоминая сколько попаданий снарядов среднего калибра смогли выдержать небольшие китайские броненосцы, становилось дурно. Все же вдвое больший корабль и вынести мог куда больше повреждений, а снарядов оставалось не сказать что сильно много. На еще один добротный бой их, пожалуй, хватило бы, а после большую часть орудий можно было бы смело выкидывать за ненадобностью. Особенно это касалось скорострелок Армстронга, поглощавших снаряды с куда большей скоростью, нежели орудия старых типов.

Потому, желание решить вопрос с итальянским броненосцем до его появления близ Асэба виделось более чем разумным. Имея весьма солидный опыт минных атак, как вообще, так и в акватории Массауа в частности, именно на этот тип оружия Иениш и возложил основные надежды в деле борьбы с итальянским подкреплением. Все же даже свежеиспеченному мичману было ясно, что пара минных крейсеров не могли противостоять собранным итальянцами силам в открытом бою. А потому очередную итальянскую эскадру следовало поедать, как слона — по кусочку.

Правда, успевшие получить по соплям итальянцы тоже непременно должны были сделать правильные выводы и потому вновь надеяться проскочить в порт, нечего было и мечтать. Зато потрепать сторожей ничто не мешало. Разве что имелись солидные шансы и самим получить в ответ весьма болезненные укусы, но ничего не предпринимать виделось еще более худшим вариантом.

На первых порах планирования операции нового набега на Массауа Иениш не горел желанием брать с собой тихоходные минные катера, которые к тому же пришлось бы тащить на буксире и просто-напросто бросить в случае встречи в дневное время с любым опасным противником. А для минного крейсера таковым являлся любой одноклассник, не говоря уже о более крупных крейсерах. Все же в сложившихся обстоятельствах у них не имелось никакой возможности даже для простейшего ремонта. Впрочем, как и у итальянцев. А потому любой получивший повреждения корабль был бы вынужден уходить из Красного моря на ремонт, либо оставаться в родном порту вплоть до окончания боевых действий. Но в конечном итоге именно нежелание рисковать минными крейсерами подвигло его сменить свою точку зрения. Как-никак, небольшому минному катеру исключительно в силу своих скромных размеров было бы куда проще подобраться во тьме ночи к потенциальной жертве, нежели значительно более крупному минному крейсеру.

Предполагая, что пришедшее к итальянцам подкрепление вряд ли сможет выйти к Асэбу в тот же день, Иениш тоже не стал торопить своих людей и предпочел получше подготовиться к предстоящей операции. Были, насколько это возможно, обслужены машины и котлы всех четырех миноносных кораблей, собранные неполные экипажи провели несколько занятий по взаимодействию, а совсем уж немногочисленные миноносники и гальванеры, насколько смогли, подготовили самодвижущиеся мины с целью снижения возможности их выхода из строя. Все же подобных боеприпасов оставалось в закромах считанные единицы, даже не смотря на запасы оказавшиеся на борту трофейного минного крейсера, и потому каждая не попавшая в цель или не сработавшая мина многократно повышала шансы провала всей операции по удержанию порта. А попросить по тихому поделиться подобным вооружением офицеров крейсера "Рюрик" можно было и не пытаться, о чем старший офицер крейсера заявил Иенишу прямо во время недавно прошедшей встречи.

И вновь из-за нахождения поблизости совершенно нежеланных наблюдателей под флагами Англии и Франции кораблям приходилось покидать Асэб под покровом ночи. С

интервалом в пол часа взявшие на буксир катера минные крейсера выскользнули из порта, не потревожив ни единым огоньком покой европейских коллег по военному ремеслу, и тем самым не давая последним повода бежать с предупреждением о скорой возможной атаке прямым в Массаяу.

Потеряться Иениш шедший на головном "Полярном лисе" и Протопопов принявший под командование "Песца" не боялись, поскольку маршрут был уже известен. С наступлением дня вышедшим в поход первыми требовалось всего лишь чуть снизить скорость, чтобы дожидаться подхода напарников. Так оно в принципе и произошло. Уже в полдень "Песец" занял место в полутора кабельтов по правому борту флагмана, где и держался в течение всего пути. Вообще, немногим более крупный, лучше бронированный и вооруженный "Песец" куда больше походил на роль флагмана. Но, учитывая желание Иениша стоять на мостике именно своего корабля, недавнему трофею предстояло быть ведомым в будущей партии. Впрочем, первыми скрипками в грядущем налете на Массаяу в любом случае предстояло быть минным катерам, а потому оба минных крейсера выступали больше, как корабли поддержки.

Так что путь до итальянского колониального порта прошел без забот и приключений, что весьма удивило, как Иениша, так и прочих ветеранов Японо-Китайской войны. Дважды они уже наведывались в гости к итальянцам, но те в свою очередь до сих пор не почесались в плане высылки разведчиков хотя бы в близлежащие воды.

Ранее подобное упущение можно было понять в связи с отсутствием подходящих кораблей, но после подхода столь многочисленного подкрепления, данное действие, а точнее бездействие, командующего итальянской эскадрой выглядело в глазах успешных повоевать офицеров — преступным упущением. И они воспользовались данной промашкой своего противника с лихвой.

Уже с последними лучами заходящего солнца четверка небольших минных кораблей миновала пролив между материком и островом Джимхил, так что опасность напороться в темноте на один из небольших островков осталась позади. Теперь дело оставалось за малым — преодолеть почти три десятка миль и сделать свою работу до возвращения светила на небо.

Для командовавшего операцией Иениша так и осталось неизвестным, выставили ли итальянцы какое-нибудь минное заграждение близ Массаяу, или пренебрегли им в целях недопущения подрыва нейтралов, что время от времени заходили в порт и для которых весьма услужливо горели огни маяков. Но то, что хоть один из минных катеров смог не только подобраться на достаточно близкое расстояние к достойной жертве, но и результативно воспользоваться единственным имеющимся на борту "снарядом" было видно хорошо, даже без бинокля.

Пребывавший доселе в сонном спокойствии Массаяу за считанные минуты превратился в полыхающую электрическими огнями елочную гирлянду, о которых, как и о многом прочем, Иениш узнал из бесед с Иваном Ивановичем. К двум прожекторам принадлежавших, по всей видимости, сторожевым кораблям, прибавились десятки прожекторов с прочих судов и кораблей, кинувших якорь в гавани Массаяу, и лучи мощностью в десятки тысяч свечей принялись выискивать в темных водах Красного моря посмевшегося нарушить сон итальянских моряков негодника.

Вот только единственным, что им удалось нащупать, был садящийся в воду носом минный крейсер "Монтебелло" и чадающий черным густым дымом с примесью вылетающих

из труб искр "Гоито", на котором, не жалея котлов, в экстренном порядке поднимали пары, чтобы тронуть корабль с места. И в конечном итоге именно морякам этого минного крейсера повезло поймать в луч своего прожектора того, кто стал виновником бедственного положения их коллеги по сторожевому ремеслу. Правда, вина за то, что мину в борт получил только "Монтебелло" лежала не на экипажах минных катеров, и уж тем более это обстоятельство не являлось заслугой экипажа "Гоито". Просто, пущенная в него мина уже сразу по выходу из минного аппарата столь сильно отклонилась от курса, что прошла едва ли не в полусотне метров от стоявшего на якоре минного крейсера.

Текшее, как патока, время, отпущенное катерникам на побег, понеслось вскачь, стоило итальянскому минному крейсеру дать ход. Конечно, еще до того как удалось выбрать якорь и поднять пары, прозевавший вражескую атаку сторож старался реабилитироваться, ведя огонь по выуженному из ночной мглы катеру всеми орудиями правого борта. Но созданные именно для борьбы с небольшими миноносцами и миноносками 57-мм и 37-мм орудия "Гоито" не смогли на деле доказать свою эффективность в силу полного отсутствия какого-либо опыта у итальянских канониров в ночной стрельбе. К тому же, в момент обнаружения улепетывающий на всех парах катер находился уже в пяти кабельтов от способного играючи пустить того на дно минного крейсера. Так что пара сотен расстрелянных снарядов, ни один из которых не лег ближе полукабельтова, не смогли помешать лейтенанту Керну увести свой пусть небольшой, но, несомненно, героический кораблик прочь от берегов Массауа.

Впрочем, главному по минам в собранной Иенишем команде все же пришлось изрядно понервничать, когда стало ясно, что итальянцы дали ход. Все же ни убежать, ни отбиться от минного крейсера у небольшого катерка не было никакой возможности, если бы не одно "но". Точнее два "но", что до поры до времени не раскрывали своего присутствия, подкрадываясь к увлеченному погоней итальянцу.

Удерживавшиеся на месте работой машин "Полярный лис" и "Песец" взяли курс навстречу итальянскому однокласснику, как только стало понятно, что тот кинулся в погоню за одним из обнаруженных катеров. Одиночный легко вооруженный корабль показался всматривавшемуся в озаряющие ночь вспышки орудийных выстрелов Иенишу той добычей, о которую их отряд мелких северных хищников никак не сможет сломать зубы. А вот сами они, в очередной раз пустить вражескую кровь, окажутся вполне способны. Тем более, что в сложившейся ситуации даже не стояла задача отправить противника на дно. Вполне достаточным виделось нанести итальянцу хотя бы средние повреждения, чтобы гарантированно вычеркнуть еще один корабль из списка тех, кто непременно заявится к Асэбу.

Увлеченный ведением непрерывного огня из обоих 57-мм носовых орудий и постепенным сближением с выжимавшим свои максимальные 11 узлов минным катером экипаж "Гоито" позорно прозевал появление на арене куда более достойных противников. Сверкая не только вспышками орудийных выстрелов и прожектором, но также и ходовыми огнями, минный крейсер оказался столь удобной, сперва, точкой ориентирования, а после и мишенью, заботливо подсвеченной всевозможной иллюминацией, что промахнуться мимо него не смог бы даже слепой. Причем, промахнуться, что в навигационном плане, что в плане ведения артиллерийского огня.

Опять же, артиллеристы прошедших контркурсом в каких-то полутора кабельтов русских минных крейсеров показали, что Иениш отобрал в свою команду лучших

специалистов своего дела. Атака практически в упор по услужливо подсвеченному противнику для прошедших огонь и воду моряков превратилась в целевую стрельбу приближенную практически к условиям полигона. Естественно, в ответ тут же ударили все орудия "Гоито" способные вести огонь на левый борт, которым он расходился с внезапно обнаружившимся новым противником. Вот только, целясь исключительно на вспышки, для откровенно слабо подготовленных расчетов попасть с первых же выстрелов оказалось нереально даже в находящегося столь близко противника. Лишь один 37-мм снаряд выпущенный из револьверной пушки слегка чиркнул по дымовой трубе шедшего головным "Полярного лиса", но на том все и закончилось, поскольку прилетевшие в ответ 120-мм и 57-мм снаряды принялись рвать металл корабля и плоть моряков.

Далеко не все выпущенные в течение минуты русскими артиллеристами снаряды угодили точно в противника. Их большая часть, так же как и у итальянских оппонентов, ушла в молоко. Точнее в воду. Но и тех, что не обошли своим вниманием корпус минного крейсера, оказалось вполне достаточно, чтобы выбить тому зубы и клыки.

До того как на "Гоито" догадались погасить огни, небольшой минный крейсер получил пять попаданий только средним калибром, не говоря уже о исчезнувших внутри его борта 57-мм снарядах пытавшихся нащупать нежные потроха машинного и котельных отделений. И пусть для корабля такого размера и защищенности полученные повреждения не являлись смертельными — что осколки, что малокалиберные снаряды вполне успешно были сдержаны броневой палубой, убежать ему от почувствовавших кровь хищников, уже было не суждено.

Вцепившиеся в добычу теперь уже своими вспыхнувшими силой десятков тысяч свечей прожекторами "Полярный лис" и "Песец" не собирались выпускать подранка из своей мертвой хватки, тем более что противник и отвечать уже особо не мог оказавшимся у него по корме визави. Лишь одно орудие продолжало вести огонь по концевому "Песцу", но и оно заткнулось спустя еще десяток выстрелов с бортов рейдеров. Возобновить же ответный огонь итальянцы смогли, только когда их корабль повернулся правым, не пострадавшим, бортом к так же пошедшим на циркуляцию противникам. Впрочем, данное действие не сильно помогло экипажу обреченного "Гоито". Так же, как безымянный минный катер не имел ни малейшей возможности отбиться от него, сам итальянский минный крейсер не имел никакого шанса уцелеть в схватке с куда более тяжело вооруженными одноклассниками.

Последующий расстрел "Гоито" продлился относительно недолго. Не более десяти минут. Сперва, одно за другим, замолкли почти все орудия, кроме бакового правого борта оказавшегося как будто заговоренным, а после щеголяющий пожарами на протяжении всей верхней палубы, подобно погибшим в битве при Ялу небольшим китайским крейсерам "Чаоюн" и "Янвэй", итальянский минный крейсер явно лишенный возможности управляться принялся нарезать круги, потихоньку садясь в воду. Видя такое дело, Иениш отдал приказ прекратить стрельбу и вскоре увел оба минных крейсера на поиски затихорившихся катеров, оставив разбитого визави на произвол судьбы. Все же цели гарантированно топить итальянцев он перед собой не ставил. Достаточно было нанести противнику тяжелые повреждения. А вот боеприпасы побереечь как раз стоило, поскольку пополнить запасы, что снарядов, что мин было неоткуда. Тратить же их сверх необходимого на такого не сильно опасного противника, каким являлся "Гоито", вообще виделось жутким расточительством.

Для всех сторонних наблюдателей осталось неизвестным, кто же вышел победителем из развернувшегося на внешнем рейде противостояния. Едва видимые вспышки и доходящий с

опозданием рык орудий не давал возможности увидеть складывающуюся картину. Лишь разошедшийся над водами Красного моря колокольный звон и моргание ратьера, позволили вскинуться в приступе эйфории экипажам двух минных катеров — в схватке бульдогов под ковром уцелели именно свои песики, так что жизнь продолжалась. Куда худшее настроение на следующее утро было у итальянцев, коим открылся не самый живописный вид на обломки пусть не утонувшего, но явно погибшего корабля. Полностью выгоревший "Гоито" приткнулся к берегу примерно в пяти милях южнее Массауа и был обнаружен по поднимавшемуся над ним черному дыму. Поврежденный же катерниками "Монтебелло" хоть и успел выкинуться на мель, до того как полностью исчерпался запас плавучести, вряд ли мог рассчитывать на скорое возвращение в строй по причине отсутствия судоремонтных мощностей в Массауа. Но в отличие от собрата по несчастью списание в утиль ему явно не грозило.

На фоне же предыдущих потерь понесенных флотом, а также явной сдачи позиций на сухопутном участке боевых действий, по городу начали распространяться слухи о прямом вмешательстве Российской Империи в войну и появлении в окрестных водах их крейсеров и миноносцев, чему немало способствовали рассказы пришедших недавно солдат и моряков, наблюдавших в пути русские корабли. Все же признать тот факт, что подобные потери родной флот понес от действий всего пары небольших минных кораблей, виделось куда сложнее, нежели свалить всю вину за поражения на более чем сильного противника. К тому же эта теория отлично ложилась на тот факт, что командовали обороной Асэба именно русские.

Впрочем, в неудачах итальянцев виновными оказались не только русские, но и местный климат, косивший прибывших из метрополии солдат сотнями и тысячами. Пищевые отравления — вот что нанесло прибывшему подкреплению основной ущерб. Еще до того как две армии встретились в решающем сражении и так заметно уступавшая абиссинцам итальянская армия потеряла не менее десятка тысяч солдат и офицеров слегших на больничные койки едва ли не сразу по прибытию на Африканский континент. Но до демонстрации силы переросшей в национальную трагедию все еще оставалось время и потому основное внимание оказалось приковано к флоту вышедшему таки к Асэбу для финального решения вопроса его принадлежности.

Два броненосца, два крейсера, один из которых являлся броненосным и пятерка минных крейсеров, взяв под охрану забитые пехотой транспорты, на 8 узлах отправились сравнивать с землей непокорный Асэб. В общей сложности на борту крупнейшего итальянского войскового транспорта были размещены все три батальона 1-го Африканского полка пехоты с приданными ей 8-й и 11-й батареями горных орудий, благо "Тринакриа" водоизмещением почти в десять тысяч тонн спокойно могла принять на борт куда большее количество пассажиров.

Обжегшись не единожды у Асэба, флотские все же осознали, что одними орудиями корабельной артиллерии взять порт и город никак не выйдет, а потому на сей раз основной задачей собранной эскадры являлось обеспечение высадки десанта, если не в сам порт, то в ближайшие окрестности Асэба. Вообще, как и во всех прочих флотах мировых держав, у итальянцев отсутствовали соединения морской пехоты и при возникновении необходимости в высадке на берег, люди для десантной партии набирались из состава экипажей кораблей. Однако, во-первых, потребного количества моряков на эскадре просто не могло бы набраться, если только не имелось желания полностью обескровить флот и лишить десант

артиллерийской поддержки. А, во-вторых, самим кораблям вновь предстояло сойтись в артиллерийской дуэли с батареями береговой обороны Асэба при поддержке действий сухопутных частей, так что убыль моряков им и так была гарантирована, как показывал предыдущий печальный опыт. Впрочем, даже зная, что они идут в бой с ни разу неизвестным финалом итальянские моряки откровенно радовались, поскольку все последние дни их пребывания в Массауа каждую ночь на кораблях эскадры пробивали минную тревогу, когда не жалевшие ресурса прожекторов сторожевые корабли обнаруживали подкрадывающиеся к порту минные крейсера противника. И надо сказать, что одного жестокого урока, стоившего Королевскому флоту двух минных крейсеров, итальянцам вполне хватило, чтобы проникнуться поджидающими в этих водах опасностями. Впрочем, догадаться об этом можно было бы на примере неудач постигших их сослуживцев ранее. Вот только если кто и посчитал необходимым учиться на чужих ошибках, донести свое мнение до вице-адмирала Каневаро он не смог. Последний же был вынужден учиться исключительно на своих ошибках. Но являясь Феличе Наполеоне откровенным дураком, он никогда не смог бы получить на плечи погоня вице-адмирала, а потому учиться он умел. Однако никакие личные данные отдельных личностей не могли помочь в деле превращения кучи кораблей в полноценную сплванную эскадру. Идти же подобной толпой ночью без огней оказалось в принципе невозможно, и потому эскадра отчетливо выделялась в темноте десятками огней и шарящих по горизонту прожекторов.

На свою беду вышли они как раз в смену "Полярного лиса", сменившего на посту ночного террориста "Песца". Конечно, нельзя было сказать, что Протопопов не справился бы с задачей ночной атаки на вражескую эскадру, но у несколько более опытного Иениша в чей экипаж вернулся оставивший свой катер Керн, шанс подкрасться к противнику имелся куда больший. Тем более, что во тьме его однотрубный силуэт с выделяющимся в носу 120-мм орудием можно было спутать с "Конфиенца" входившей в состав итальянской эскадры. Единственное, чем "Полярный лис" уступал своему собрату по службе, так это количеством имевшихся на борту минных аппаратов и мин соответственно. Вообще, запас этих смертоносных боеприпасов начал показывать дно, что особенно сильно печалило Иениша, поскольку именно самоходные мины были именно тем аргументом, что мог позволить ему общаться с итальянцами практически на равных хотя бы по ночам. Вот и сейчас на борту покинувшего свою нору для очередной ночной охоты небольшого северного хищника имелось всего две мины заряженные в носовые аппараты и все — больше 381-мм мин в наличии не имелось.

Встретились двигавшиеся навстречу друг другу противники примерно за час до того как стемнело и итальянским морякам впервые удалось хорошо разглядеть одного из тех, кто терроризировал их в Массауа. Естественно, в погоню за "Полярным лисом" тут же устремились оба оставшихся у итальянцев крупных минных крейсера вооруженных 120-мм орудиями, но максимум чего им удалось добиться — отогнать своего визави подальше от главных сил эскадры. На большее, имея максимальную скорость в 17 узлов, они рассчитывать никак не могли.

— Хм. Похоже, за нас, наконец-то, решили взяться всерьез. Вам так не кажется, Григорий Васильевич? — обратился Иениш к своему новому старшему офицеру, разглядывая в бинокль строй итальянских кораблей.

— Ваша правда, Виктор Христофорович. — тут же отозвался Бурхановский. После гибели "Русалки" он продолжил службу на флоте, но с большей частью выживших матросов

попал во флотский экипаж и как только получил приглашение от Иениша перейти на службу в "Добровольный охранный флот", мгновенно озаботился вопросом своего увольнения. И пока еще ни разу не пожалел о сделанном шаге. Да, адмиральских погон ему теперь точно было не видать, но зато настоящее дело, боевой опыт и что немаловажно — денежное довольствие на новом месте службы оказались несравненно более веским аргументом, нежели причисление себя к белой кости. — Сильно мы их разозлили, раз уж они не поскупились выдвинуть броненосцы.

— А вот меня куда больше заботит транспорт с войсками и их минные крейсера.

— Насчет транспорта — все понятно. Но отчего же минные крейсера, Виктор Христофорович?

— Поскольку они в курсе насчет наличия у Асэба минных полей, то без траления подвести броненосцы поближе к порту рассчитывать никак не могут. А из тех кораблей, что идут в составе эскадры, только минные крейсера подходят на роль тральщиков. Особенно вон та пара схожая с нашим "Казарским".

— Собираетесь атаковать именно их?

— Нет. Тратить последние самоходные мины на столь небольшие корабли при наличии куда более достойных целей — нецелесообразно. Но тот факт, что у противника, наконец, появились тральные силы, не может меня не волновать. Потихоньку противостояние выходит на тот уровень, когда наших возможностей окажется просто-напросто недостаточно для достижения намеченных целей. Надеюсь, что война все же закончится раньше, чем итальянцы решатся привести сюда свои новейшие броненосцы, наплевав на то, как они будут выглядеть в глазах остальных мировых держав.

Поиграв в кошки-мышки с парой итальянских минных крейсеров, "Полярный лис" с наступлением ночи, скрылся во тьме и на ошестинившейся огнями десятков прожекторов итальянской эскадре все замерли в ожидании неминуемого нападения. Противник уже не раз сумел продемонстрировать свое искусство в ночных минных атаках и потому у всех орудий расчеты находились в постоянной боевой готовности, а количество наблюдателей было увеличено в разы.

Целых три часа промурыжил противника Иениш, позволив итальянским морякам устать, как физически, так и морально. Многие из выставленных вдоль бортов наблюдателей все чаще занимались тем, что терли слипающиеся глаза, нежели высматривали таящегося в ночи врага. Наконец, выбрав цель, он повел свой минный крейсер на сближение. Атаковать головной броненосец не представлялось возможным, поскольку того прикрывали с обоих бортов минные крейсера, зато вставшие на траверзах солидных размеров транспорта крейсера, представляли собой идеальные мишени. К тому же, в случае промаха всегда имелся шанс, что прошедшая мимо мина, ударит в тот самый транспорт, что, несомненно, нес в своих закромах не менее батальона, а то и полка итальянских солдат.

Вот только у госпожи Судьбы имелись собственные планы и потому каким-то чудом избежавший обнаружения и подкравшийся к итальянской эскадре на пять кабельтов "Полярный лис" все же попал под луч одного из прожекторов. Не прошло и четверти минуты, как борта всех способных вести по нему огонь итальянских кораблей озарились вспышками и находившийся на мостике Иениш с удивлением обнаружил на пути между своим кораблем и намеченным в качестве цели крейсером еще один вымпел. Как впоследствии выяснилось, это оказался минный крейсер "Триполи" — первенец этого класса кораблей в составе Королевского флота. По какой причине он шел без огней и не

участвовал своими прожекторами в поиске потенциального противника, осталось неизвестным, поскольку мгновенно сориентировавшиеся Иениш и Керн рассчитали и подправили курс "Полярного лиса" для минной атаки именно на этот корабль. К тому моменту как была отстреляна вторая и последняя мина, расстояние до "Триполи" сократилось до каких-то полутора кабельтов, а "Полярный лис" получил уже пяток попаданий снарядами небольшого калибра, так что задерживаться на курсе атаки еще дольше виделось для него смертельно опасным представлением. Оттого было не удивительно, что Иениш тут же приказал отвернуть на восемь румбов вправо, дабы как можно быстрее отойти от огрызающегося огнем противника.

На удивление, обе выпущенные мины не пошли на дно, не отклонились с курса и даже не развалились на части, встретившись под водой со сталью корпуса итальянского минного крейсера. Были ли тому причиной рукастые мастеровые, что произвели данные конкретные самоходные мины или сказались многие десятки часов проведенные минным офицером их отряда совместно с подчиненными над вылизыванием этих подводных снарядов. Но факт остался фактом — обе самоходных мины вполне штатно сработали, поразив корабль под рубкой и напротив второй дымовой трубы. Возможно, какой-нибудь из огромных броненосцев и смог бы пережить подобные повреждения или хотя бы оттянуть момент своего погружения на морское дно, но для минного крейсера водоизмещением в 830 тонн, они оказались фатальны. Причем, получивший две огромных подводных пробоины "Триполи" не просто ушел на дно, а завалившись на левый борт, взорвался, когда вода добралась до раскаленных котлов. Все произошло столь быстро, что остальным участникам боя удалось разглядеть лишь махнувшие на прощание винты скрывающейся под водой кормовой части корабля, когда место огромной силы взрыва оказалось освещено одним из прожекторов. И хоть впоследствии к месту трагедии подошел "Фолгоре" для поиска людей, живых со столь быстро и страшно погибшего "Триполи" не было. За час поисков удалось обнаружить и поднять из воды тела лишь восьми моряков, после чего небольшой минный крейсер поспешил на соединение с эскадрой, поскольку собравший кровавую жатву противник продолжал находиться где-то поблизости и в случае прямого столкновения легко мог пустить на дно вдвое меньшего по водоизмещению и куда хуже вооруженного итальянского одноклассника.

Тем не менее, не смотря на ночную потерю, итальянцы не повернули назад и примерно в два пополудни 16-го февраля подошли к Асэбу. Как Иениш и предполагал, вперед вышла пара небольших минных крейсеров, под охраной двух своих более крупных товарищей. На скорости чуть более 3-х узлов они потихоньку двинулись вперед. Правда, выбранное для траления место, находящееся километрах в двух на север от Батарейного острова и так было чисто от мин, так что итальянцы лишь теряли время, перестраховываясь и выискивая мины там, где их никогда не было. Вот только на их месте Иениш действовал бы точно так же, потому продолжал с любопытством наблюдать за продвижением итальянцев, ожидая, когда те подойдут поближе к батарее N3, чьи четыре скорострельных орудия имели неплохие шансы уничтожить оба тральщика до того, как они успеют ретироваться. Правда, прежде чем раскрывать канонирам итальянских крейсеров и броненосцев место расположения замаскированной батареи, сперва он вывел из бухты Тылового острова свой минный крейсер, чтобы навязать противнику артиллерийскую дуэль. К сожалению, по причине острой нехватки подготовленных кадров, "Песца" пришлось поставить на якоря, полностью сняв с него экипаж вернувшийся на свои номера при батареях береговой обороны. Причем,

за пару часов до подхода итальянской эскадры у них с Протопоповым даже вышел небольшой спор, кто именно должен был отправиться на берег, а кто проводить наскоки на противника. Николай Николаевич настаивал на том, что именно куда более хорошо бронированный и вооруженный "Песец" имел намного больше шансов уцелеть в противостоянии с итальянскими кораблями, а потому в бухте следовало оставить "Полярного лиса", а самому Иенишу отправиться на командный пункт откуда и осуществлять управление обороной порта. Виктор Христофорович же имел в точности противоположное мнение, поскольку расстрелявший в ночном столкновении последние подходящие ему мины "Полярный лис" отныне мог играть только роль относительно быстрой артиллерийской платформы, да к тому же требовал куда меньшего экипажа, как при орудиях, по причине отсутствия малокалиберных скорострелок, так и в котельном отделении, в результате чего высвобождалось куда больше людей для береговых батарей без снижения эффективности огня орудий среднего калибра установленных на минном крейсере и способных нанести чувствительные повреждения большей части кораблей итальянской эскадры. И пусть по защищенности он действительно заметно уступал их недавнему трофею, все остальные факты, по мнению Иениша, перевешивали этот единственный недостаток.

К тому же не смотря на тот факт, что до Асэба смогли добраться целых четыре итальянских минных крейсера, на всех них приходилось всего одно 120-мм орудие, в то время как "Полярный лис" мог вести огонь разом из двух точно таких же. Те же 57-мм пушки, что итальянцы тоже могли ввести в бой, обладали куда меньшей дальностью стрельбы, не достреливая даже на 19 кабельтов. Да к тому же их снаряды обладали весьма скромной разрушительной силой, и как показал ночной бой, на дистанциях в 4 — 5 кабельтов они уже не могли пробить весьма тонкую 12-мм бронепалубу минного крейсера обзаведшуюся минувшей ночью парой новых вмятин от срикошетивших снарядов. Впрочем, справедливости ради стоило отметить, что, сперва, снарядам приходилось преодолевать сталь борта корабля, укрепленного в районе котельного и машинного отделений наваленными к ним вплотную мешками с песком. К тому же эффективность огня на доступной итальянцам дистанции сильно снижалась из-за рассеивания. А изменить это каким-либо образом не представлялось возможным по причине наличия минных полей, отчего противник был практически лишен возможности совершать маневры, и потому выведшему свой корабль в атаку Иенишу следовало лишь запастись терпением и стрелять, стрелять, стрелять.

Не обращая внимания на два крупных минных крейсера, Иениш выбрал в качестве мишени один из тральщиков и принялся ждать результата. Стоило завязаться этой дуэли, как к тральным силам выдвинулся бронепалубный "Джованни Бозан", но опасаясь попасть на мины, принялся крейсировать примерно в полумиле севернее от своих младших собратьев по флоту, после чего открыл огонь, методично посылая снаряд за снарядом в причинивший им столько проблем минный крейсер. На седьмой минуте перестрелки многочисленные накрытия перешли, наконец, в первое попадание. Снаряд с "Полярного лиса" ударил точно в карапасную палубу "Фолгоре", проделав в ней немалую пробоину и посеча осколками расчет носового 57-мм орудия. Тем не менее, траление это не остановило и артиллеристы обеих сторон продолжили свой монотонный труд. Добившись еще одного попадания в тот же корабль, Иениш был вынужден отвести свой минный крейсер южнее, чтобы сбить прицел разошедшимся артиллеристам "Джованни Бозан" чьи взрывоопасные подарки начали ложиться уж слишком близко к борту. Учитывая же тот факт, что представлены эти подарки

были не только шестидюймовыми, но и десятидюймовыми фугасами, попадать под них было чревато. Все же один единственный снаряд главного калибра крейсера грозил "Полярному лису" неминуемой гибелью. Да и шестидюймовый снаряд мог натворить немало дел. Потому, в дальнейшем Иениш действовал лишь наскоками, подводя свой корабль по дуге и на большой скорости. Подобная тактика позволяла запутывать итальянских артиллеристов, и снаряды ложились сильно в стороне, но и свои, истратив более полутора сотен снарядов за час подобных танцев со смертью, смогли добиться лишь еще одного попадания.

Заставить же итальянцев прервать свое медленное, но неотвратимое продвижение вперед им удалось, когда в закромах осталось не более трети боекомплекта. Очередной поразивший "Фолгоре" снаряд повредил трубы паропровода, и лишившийся хода корабль был оттащен на буксире своим собратом под прикрытие бронепалубного крейсера, где можно было приступить к осмотру и исправлению повреждений. Иениш же увел свой корабль обратно к острову, где принялся пополнять боекомплект с борта "Аддис-Аббебы" превращенного на время в плавбазу миноносцев. До окончания светового дня, итальянцы предприняли еще одну попытку организовать траление, но после очередного попадания в тот же "Фолгоре" она была прекращена, и все корабли оттянулись поближе к броненосцам, для которых так и не нашлось работы, поскольку береговые батареи молчали, не выдавая своего места положения, а по ориентирам указанным офицерами успевших здесь повоевать ранее крейсеров, ничего обнаружить не удалось. Да и маячивший недалеко огромный русский броненосный крейсер изрядно нервировал вице-адмирала одним своим видом. Пусть русские и утверждали по официальным каналам, что не имеют никаких намерений вмешиваться в ход боевых действий, тот факт, что "Рюрик" находился не в Средиземном море, а здесь, у Асэба, любому мало-мальски понимающему в политике человеку говорил о многом. Император Александр держал руку на пульсе и уделял противостоянию Италии и Абиссинии не меньше, а то и больше внимания, нежели событиям происходящим в Блистательной Порте издавна являвшейся сосредоточением интересов Российской Империи. И если у командира русского крейсера имелся таки приказ вмешаться в боевые действия, случись ему удостовериться, что без его помощи защитники Асэба не смогут сдержат натиск итальянской эскадры, результат подобного возможного боя никак нельзя было назвать однозначным. Вице-адмирал Каневаро осознавал, что минутный залп скорострелок этого океанского мастодонта если не превосходил таковой всей его эскадры, то был практически равен ему. И то этот теоретический расчет виделся позитивным только на бумаге. В реальности же орудия главного калибра его флагманского броненосца мало того, что производили выстрел не чаще одного раза в четверть часа, так еще и безбожно мазали на дистанции уже в пол мили, а старичок "Аффондаторе" хоть и нес современную, весьма неплохую, артиллерию, гарантированно шел на дно в случае попадания под огонь "Рюрика". То же самое можно было сказать про "Джованни Бозан". Лишь броненосный "Марко Поло" вооруженный новейшими скорострельными орудиями Армстронга мог некоторое время достойно противостоять этому русскому крейсеру, но, ни убежать, ни победить у него не имелось ни малейшего шанса. Да и несущую тяжелое орудие русскую броненосную канонерку, находящуюся тут же, тоже не стоило сбрасывать со счетов. В общем, вводить в бой основные силы было откровенно боязно, да и не имело особого смысла, пока тральщики не пробьют проход в минном поле, которое еще даже не было обнаружено. Выкидывать же снаряды просто в сторону предполагаемого места нахождения батарей береговой обороны виделось слишком расточительно, поскольку пополнить боекомплект кораблям его эскадры

было попросту неоткуда.

Впрочем, немалые опасения терзали не только командующего итальянской эскадры. Не знаяший отдыха уже вторые сутки Иениш с наступлением темноты вновь вывел свой корабль из бухты Тылового острова. Опасаясь организации ночного десанта на шлюпках, он всю ночь гонял "Полярного лиса" между островом Фатма и материком — все же гарнизоны островов, на которых размещались батареи береговой обороны, нельзя было назвать многочисленными и от дневного десанта их защищали только опасения итальянцев попасть на не обнаруженные, но вполне возможные минные поля, а также под огонь непосредственно береговых орудий. Вновь же вернувшиеся на катера минеры ушли на свободную охоту, заглянув для уточнения места нахождения итальянцев в гости к соотечественникам. Уж если напрямую вмешиваться в ведение боевых действий капитан 1-го ранга Кригер не собирался, то помощь в разведке и лечении раненых оказывал в полной мере. Потому, подойдя к борту вернувшейся на свое место канонерки "Грозный", лейтенант Керн вскоре узнал, где именно итальянцы встали на ночевку.

Получившие горький опыт ночного боя итальянцы на сей раз сделали ставку не на зоркость дозорных и не на свет прожекторов, а на скрытность. С наступлением сумерек на всех без исключения вставших на якоря кораблях потушили огни, а также спустили на воду паровые катера, коим предписывалось играть роль ночных сторожей наряду с "Саеттой" и спущенной с борта флагманского броненосца миноносной. Правда, кроме винтовок полудюжины разместившихся на них матросов, ни первые, ни последняя ничем не могли угрожать не то что русскому минному крейсеру, а даже их минным катерам. Максимум чего они могли добиться, так это поднять шум при обнаружении противника и тем самым дать своим товарищам оставшимся на кораблях время для подготовки к минной атаке. Ну или на крайний случай они могли попытаться протаранить катера противника и тем самым принудить последних к отступлению. Впрочем, сперва им предстояло столкнуться едва ли не нос к носу с вражескими минными кораблями, что в опустившейся на землю и море темноте было сделать не так-то и просто. К примеру, те же минные катера имели очень низкий силуэт, и разглядеть их в лунном свете виделось неосуществимой задачей, тогда как итальянские броненосцы и крейсера весьма четко прорисовывались на фоне низкого песчаного берега.

Изрядно поплутав в темноте, по причине отсутствия каких-либо ориентиров, Керн все же смог вывести по счислению свой небольшой отряд из двух минных катеров точно на место стоянки итальянцев, где, не встретив никакого противодействия, выпустил мину со своего катера, а после проследил, как отстрелялся и его мателот. Не смотря на весьма богатый опыт минных атак, он впервые стрелял в кромешной темноте, ориентируясь исключительно по едва проглядывающимся силуэтам крупных кораблей. Но как он вскоре смог убедиться, даже такой весьма относительной наводки оказалось достаточно, и хотя бы одна из мин нашла свою жертву. А кроме как поражение миной итальянского корабля он никак не мог интерпретировать разнесшийся над водой звук сильного взрыва.

На сей раз избитому и дышащему на ладан "Фолгоре" невероятно повезло — одна из самоходных мин из-за ошибки с выставлением глубины хода или из-за неисправности нырнула слишком глубоко и прошла под его килем, бесславно сгинув в водах Красного моря. Зато не посчастливилось минному крейсеру "Монзамбано". Пораженный в носовую оконечность он все же остался на плаву, но о продолжении боевых действий с подобными повреждениями нечего было и мечтать. Даже простое движение вперед заставляло

выгибаться водонепроницаемую переборку, отгораживающую корабль от неминуемой гибели, потому весь следующий день корабль простоял на месте ночной стоянки, пока его экипаж занимался заделкой пробоины деревянным щитом и последующей откачкой воды. Правда, подобная заплатка могла слететь от первого же попадания. А то, что они весьма вероятны, уже целый час доказывал его собратям по эскадре надоедливый минный крейсер противника, который, не смотря на прилагаемые усилия, так и не удалось ни разу поразить. Зато он все же сумел окончательно достать "Фолгоре". Уже спустя два часа после начала очередного раунда битвы за Асэб тот, имея подводную пробоину в районе машинного отделения, вновь был уведен на буксире из-под огня и после осмотра был признан окончательно вышедшим из строя — сказалось полученное еще за несколько лет до войны повреждение ставшее результатом столкновения с присутствующем здесь же крейсером "Джованни Бозан". Чтобы окончательно не потерять корабль, его оттащили к месту ночной стоянки, где и поставили на якоря по соседству с зализывающим рану "Монзамбано". На этом, собственно, и закончился второй день противостояния, что позволило донельзя вымотавшемуся экипажу "Полярного лиса" познать блаженство отдыха.

И все же попытка высадки ночного десанта, которой так остерегался Иениш, была предпринята. Но лишь на вторую ночь, когда стала очевидна неспособность флота справиться с задачей силой одних лишь кораблей. При этом одновременно итальянцы решили повторить тактику противостоящих им сил и направили оба оставшихся в строю минных крейсера и миноноску к бухте, в которой так любил скрываться минный крейсер противника. Одновременно на очередную ночную охоту вышли и миноносные корабли обороняющихся.

На сей раз противники обнаружили друг друга примерно в миле от северной оконечности Батарейного острова. Один из минных катеров на полном ходу влетел в забитую солдатами шлюпку, перевернув ее, после чего попал под ружейный обстрел и поспешил повернуть назад. Причем, к тому моменту как он развернулся и уже улепетывал во все лопатки, стрельба за его кормой начинала только разрастаться. Не имевшие никакого опыта десантирования и испуганные внезапным появлением врага, пехотинцы, забыв обо всем на свете, принялись палить во все стороны, особо не задумываясь, что могут попасть в своих же сослуживцев, находившихся в соседних лодках и катерах. Через десять минут прилетевший на звуки стрельбы и едва заметные вспышки ружейных выстрелов "Полярный лис" протаранил еще одну шлюпку, попросту не заметив ее. Впрочем, о том, что услышанный глухой удар и последовавшая небольшая вибрация оказались последствиями тарана вражеской шлюпки, удалось узнать лишь утром, когда из под слегка погнувшейся и задравшейся крышки прикрывавшей опустевшие минные аппараты извлекли кусок ее деревянного борта с частью человеческой кисти.

Из дюжины участвовавших в десанте лодок и паровых катеров, две оказались разбиты в результате столкновений, и одна перевернулась из-за начавшейся на борту паники. Еще две, шедших замыкающими, повернули назад, стоило впереди начаться перестрелке, но остальные семь все же смогли достичь берега Батарейного острова. Правда, к находившимся у них на борту солдатам вскоре можно было применять фразу о том, что живые могли бы позавидовать мертвым. Не смотря на весьма ограниченные человеческие ресурсы, оставлять орудийные батареи без пехотного прикрытия Иениш даже и не думал. Потому, на острове были размещены сотня абиссинцев помимо тех, кто помогал при орудиях. И если в деле стрельбы из винтовок они не могли показать большой класс в силу малого опыта, то в бое

холодным оружием дети африканского континента могли дать фору кому угодно. В условиях же ночной тьмы обнаружение и столкновения отрядов итальянских пехотинцев и абиссинцев происходило как раз на расстоянии удара меча. В результате, всю ночь на острове то и дело вспыхивали короткие рукопашные схватки зачастую сопровождавшиеся хаотичной стрельбой во все стороны и как правило, заканчивавшиеся потерей противниками друг друга в ночной мгле. Впрочем, было немало и тех, кто находил свой покой в очередной из сшибок, так что когда рассвело, то тут, то там можно было видеть лежащие неподвижно тела, большая часть которых принадлежала итальянским солдатам. С наступлением утра итальянцы все же смогли организовать в три относительно крупных отряда по два-три десятка человек, но учитывая, что первоначально их было в четыре раза больше, предпочли сдачу в плен героической гибели, когда оказались прижаты к берегу.

Жертвой же ночных минных атак стал крайне невезучий "Фолгоре", который слишком долго уходил от своей судьбы. Не прошло и минуты после получения нового повреждения, как он лег на борт и опустился на дно — единственный продолживший путь к стоянке итальянской эскадры минный катер хоть и добился результативного попадания, по сути потратил весьма дефицитный боеприпас впустую. Впрочем, тут не было вины командира катера. Основная часть итальянской эскадры отошла на ночевку в новое место, оставив на прежнем лишь подранков, которых попросту забыли предупредить о передислокации.

Впрочем, итальянцы тоже смогли продемонстрировать, что умеют обращаться с таким оружием, как самоходная мина. Три беспрепятственно прошедших в бухту Тылового острова миноносных корабля смогли порезвиться там на славу. Обделенным не остался никто. Но если по поводу получившей очередное повреждение, ни на что не годной "Вольтурно", никто даже не стал переживать, то обзаведшийся подводной пробойной и легший к утру на грунт по причине отсутствия на борту хоть кого-нибудь способного бороться с затоплениями "Песец" было жалко. Однако настоящей трагедией стали повреждения "Аддис-Аббебы". Точнее, трагедией стала потеря все еще находившихся в ее трюме боеприпасов для 120-мм орудий минных крейсеров. Прорвавшаяся в трюмы вода уничтожила их все без остатка, так что пополнить боекомплект для "Полярного лиса" было уже неоткуда. Как впоследствии выяснилось, это отличилась "Саэтта", равноценно отплатив обидчикам своего избитого снарядами и добитого миной систершипа.

Понимая, что еще пару подобных ночей и от его эскадры не останется ни одного корабля, вице-адмирал Каневаро приказал командиру "Джованни Бозан" неотрывно следовать за двумя последними минными крейсерами, что все еще могли вести траление, и не жалеть снарядов при обстреле вражеского корабля, который, непременно, вновь должен был попытаться прервать прокладку прохода в минных полях. Одновременно был отдан откровенно запоздавший приказ на высадку всех войск на берег для организации атаки Асэба с суши.

Оценив открывшуюся утром картину, Иениш даже не стал пытаться сорвать траление очередными лихими наскоками "Полярного лиса", а вместо этого, оставив корабль, поспешил на батарею N7, откуда открывался шикарный вид на весь участок грядущего боя. Убедившись, что между континентом и островом Фатма мин нет, итальянцы подошли к проливу, где в свое время подорвались на минах их предшественники. По-хорошему, лезть в это гиблое место, где помимо мин имелись еще и батареи тяжелых орудий, минным крейсерам было крайне противопоказано, потому траление они производили как можно ближе к Батарейному острову и под прикрытием бронепалубного крейсера.

Впрочем, для шестидюймовок первой батареи дистанция в 20 кабельтов была вполне рабочей. Они могли забрасывать свои снаряды весом в пол центнера и на куда большие расстояния, вот только мало кто обучал своих моряков дальнему артиллерийскому бою. В том числе не обучал ничему подобному своих людей и Иениш. Но в отличие от итальянских коллег по цеху, половина наводчиков Иениша имела немалый реальный боевой опыт, в том числе с недавним применением орудий этой системы. К тому же, от все еще не раскрытой противником батареи N3 до итальянских крейсеров было всего 11 кабельтов, что для четырех 120-мм орудий Армстронга являлось более чем комфортной дистанцией стрельбы. Потому пришла пора выкладывать на стол свой очередной козырь, иначе вся партия могла пойти коту под хвост.

В отличие от качающейся палубы крейсера земная твердь находящаяся под ногами позволила куда быстрее пристреляться и уже на третьей минуте разразившейся перестрелки в "Джованни Бозан" угодил первый снаряд. К тому моменту как к ведущему ответный огонь на оба борта крейсеру подползли броненосные корабли, он уже успел получить одиннадцать попаданий в надстройки и потерять одно шестидюймовое орудие правого борта. Тем не менее, бронепалубник продолжал активно отстреливаться, не позволяя перенести огонь с себя на минные крейсера. Лишь заметив подход броненосцев, Иениш отдал приказ батарее N3 перенести огонь на занимающиеся тралением корабли противника, которые после двух попаданий в "Конфьенца" поспешили ретироваться за спины больших дядек. Но стоило подать голос подошедшим на милю к батарейному острову "Каио Дуилио" и "Аффондаторе", как огонь 3-й батареи заметно снизился из-за разбежавшихся заряжающих. Если не сильно точный огонь шестидюймовок "Джованни Бозан" они еще выдерживали, то после разрыва четверки 450-мм снарядов выпущенных с флагманского броненосца, всех как ветром сдуло. Постреляв всего из двух орудий еще с четверть часа, оставшиеся на позициях артиллеристы получили приказ Иениша покинуть позиции, поскольку третий залп подошедшего едва ли не вплотную к острову итальянского флагмана лег уж слишком близко к оборудованным на скорую руку укреплениям.

Не смотря на появление на поле боя куда более лакомых целей, батареи продолжили вести огонь по бронепалубному крейсеру, поскольку пробить броню итальянских броненосцев на такой дистанции им было попросту нечем. Имевшиеся в наличии бронебойные снаряды взять ее никак не могли, зато прекрасно подходили для взламывания 37-мм бронепалубы "Джованни Бозан".

В результате выбить бронепалубник из битвы все же удалось, но лишь спустя час с начала боя и двух десятков прямых попаданий. Только когда бронебойный 152-мм снаряд угодил в ствол кормовой десятидюймовки, превращая ее из дорогого технологического изделия в кусок металлолома, годный пойти только в переплавку, адмирал позволил отойти потрудившемуся крейсеру для тушения пожаров и исправления полученных повреждений. А исправлять там было чего. Три подводные пробоины и выведенное из строя второе котельное отделение, где продравшийся сквозь бронепалубу снаряд разворотил один из котлов, что привело к гибели всей смены кочегаров, требовали скорейшей отправки крейсера на верфи, но никак не продолжения ведения боя.

Поскольку обстреливаемая броненосцами в течение получаса батарея полностью перестала подавать признаки жизни, они обратили взор своих главных калибров на озарявшийся вспышками орудийных выстрелов порт. Дистанция до него была не маленькой — 27 кабельтов, что являлось лишь немногим меньше предельной дальности действия

орудий "Каио Дуилио", но идти на сближение, имея большую возможность наскочить на подводную мину, вице-адмирал не решился. Вместо этого на траление были вновь направлены минные крейсера, а удерживаемые машинами практически на месте броненосцы принялись бить по площадям, поскольку на таком расстоянии о какой-либо точности можно было говорить лишь для орудий главного калибра "Аффондаторе", устаревшие же коротыши "Каио Дуилио" для подобной работы никак не годились.

Обмен любезностями броненосцев с очередной батареей обороняющихся продолжался минут тридцать пока, наконец, не случилось то, чего так долго ждал и в то же время опасался вице-адмирал Каневаро — минные крейсера зацепили тралом и подняли к поверхности первую мину. Понимание того факта, что его броненосцы, что черепашьями темпами продвигались вслед за тральщиками, уже могут находиться на минном поле, слегка отрезвило командующего итальянской эскадрой и он был вынужден отдать приказ на державшийся в кильватере "Аффондаторе" дать задний ход. Одновременно с отдачей приказа, поступила информация, что одно из орудий главного калибра пошло трещинами в результате стрельбы усиленным зарядом. Нечто подобное уже случалось как раз на этом броненосце, так что, скрепя сердце, пришлось отдать приказ снизить и так невеликий темп стрельбы, чтобы окончательно не остаться без зубов. А их количество потихоньку уменьшалось — став главной мишенью для вражеской батареи, "Каио Дуилио" уже лишился двух 120-мм орудий и щеголял двумя пожарами на носу и корме. Всего же, согласно бортовому журналу, в броненосец успело попасть восемь снарядов среднего калибра.

Шедший уже более двух часов бой начал сказываться и на скорости стрельбы обеих сторон. Все без исключения орудия требовали пробанивания, а обливающиеся потом и хрипящие от забивших легкие пороховых газов расчеты — хорошего отдыха. К тому же, начала отказывать техника и сказываться огонь противоположной стороны. Так на позициях батареи N3 вернувшиеся артиллеристы обнаружили лишь два уцелевших орудия, но продолжать вести бой могло только одно, у второго от пыли, песка и мелких камней забившихся в щели отказал механизм отката, и на его приведение в рабочее состояние требовалось несколько часов. На первой батарее тоже пришлось оставить одно орудие после близкого разрыва крупного снаряда. Большая часть расчета оказалась контужена, и лишь наличие капонира собранного из сотен набитых песком и углем мешков и корзин, обложенных снаружи камнями, спасло жизни артиллеристов. Поленись они возвести это укрепление, и ударная волна с кучей осколков выкосила бы всех подчистую. На старичке "Аффондаторе" вышла из строя система подачи снарядов кормовой башни, а поднимать эти чушки вручную, нечего было и пытаться.

Лишь минные крейсера продолжали тихо мирно заниматься своим делом, вылавливая из воды одну мину за другой. Но отход бронепалубника и уничтожение большей части орудий среднего калибра головного броненосца сделали возможным предпринять атаку на "Полярном лисе". Ведь для прекращения попыток траления следовало вывести из строя лишь один из оставшейся пары минных крейсеров. А способный помешать ему "Марко Поло" благодаря своей дальнобойной артиллерии и действующий из-за спины броненосцев находился слишком далеко и вряд ли успевал предотвратить атаку на тральщики.

Не прошло и десяти минут, как запыхавшийся Иениш влетел в рубку минного крейсера и утерев струившийся по лбу пот, приказал сниматься с якоря. Все же возраст и не самое лучшее здоровье начинали сказываться при физических нагрузках, и даже забег на пол мили

от батареи до шлюпки уже давался куда тяжелее, чем в далекой молодости.

Появление на горизонте вражеского минного крейсера вице-адмирал Каневаро встретил скрежетом зубов. Он мгновенно просчитал возможность оставшихся кораблей оказать тому сопротивление и лишь чертыхнулся, поняв, что противопоставить ему практически нечего. Вражеский командующий тонко просчитал момент и воспользовался его прежней ошибкой с подставлением под огонь "Джованни Бозан". Находишь этот крейсер под рукой, и о каком-либо противодействии со стороны немногочисленного вражеского флота можно было не беспокоиться. Теперь же оставалось только надеяться на своевременный подход "Марко Поло".

Поскольку последние остатки боеприпасов для орудий Канэ пропали в затопленном трюме "Аддис-Аббебы", устраивать очередную карусель, довольствуясь результативностью в 1–2 процента попаданий, Иениш позволить себе более не мог. На сей раз предстояло сблизиться с противником кабельтов на восемь, чтобы наверняка вывести из строя хотя бы еще одного, до того как ответный огонь начнет сказываться на жизнеспособности "Полярного лиса". Иллюзий, насчет того, что противник промахнется со столь близкой дистанции, он не питал и лишь перекрестился отдавая приказ на сближение, поскольку ничего более поделать не мог. На сей раз оставалось уповать лишь на милость божью.

Сближение, скоротечный огневой контакт и поспешный отход занявшие всего пятнадцать минут, стоили ему никак не менее трех лет жизни если не больше. Во всяком случае, он был уверен, что седины в бороде и волосах изрядно прибавилось. Уж если засеребрились виски у молодого отставного лейтенанта, мертвой хваткой вцепившегося в штурвал и то и дело бросающего нервный взгляд на пробоину образовавшуюся в боевой рубке от прошившего ее насквозь 57-мм снаряда, то что было говорить о нем, старике, к тому же несущем куда большую ответственность нежели Бурхановский. Случись что с ним, и все доверившиеся ему люди могли окончить жизнь за решеткой, а то и на каторге. И это в лучшем случае! Про семью же даже не хотелось думать — вряд ли супруга смогла бы перенести очередную новость о его возможной гибели.

Закрыв глаза, он протяжно выдохнул и принялся по секундам раскладывать в своем сознании произошедшее буквально только что событие. Вот, разогнавшийся до 16 узлов и все еще наращивающий темп "Полярный лис" начал пристрелку из носового орудия. Вот впереди встает фонтан от 120-мм снаряда с броненосца, пытающегося оградить свои минные крейсера от кусачего противника. Вот борт вспыхивает искрами и двое человек из расчета носового орудия валятся на палубу посеченные осколками, что незамедлительно сказывается на скорости стрельбы. Еще спустя пол минуты точно такие же искры бьют уже ему прямо в лицо, которое к тому же обдаёт чем-то липким и теплым. И запах! Смесь сгоревшей стали, пороховых газов, железа и фекалий. Эта сногсшибательная вонь мгновенно заполнила собой всю боевую рубку "Полярного лиса" отчего желудок начало выворачивать наизнанку. Впрочем, плохо было не ему одному. Находившийся тут же Бурхановский уже вовсю освобождал свой желудок от завтрака, добавляя к царившей вокруг вони новые оттенки. Но винить молодого человека было не за что. Иениш и сам не знал, смог бы он в конечном итоге сдержаться, если бы и его так же — с ног до головы, обдало останками рулевого, разорванного на части прямым попаданием снаряда. Это уже после пришло понимание, что теплая и липкая субстанция, что покрыла его правый бок и причиняла некоторый дискомфорт, некогда также была частью организма погибшего матроса. Но сейчас ситуация требовала от него воспринимать все окружающее, как капитан ведущего бой корабля, а не

как человек, которому не были чужды обычные человеческие же слабости. Именно поэтому Бурхановский был поставлен к штурвалу по причине отсутствия в рубке других кандидатур. Причем, поставлен не руками, а отданной командирским не подлежащим сомнению голосом командой. По этой же причине он вскоре обнаружил себя стоящим на месте наводчика бакового орудия, чей расчет вновь уменьшился в силу очередного попадания в его минный крейсер. Все равно взять людей для орудия было попросту неоткуда, а оставшийся в рубке Бурхановский и сам знал, как следует действовать — не зря же он делился со своим старшим офицером пришедшими в голову мыслями, пока они сближались с противником.

Тот, кто годами учил стрелять других и сам умел положить снаряд куда надо, а не куда Бог даст. Вот крохотная черточка вражеского корабля появляется в прицеле и начинает потихоньку увеличиваться в размерах. Где-то на грани слышимости клацает замок орудия и слышится привычное "Товсь!".

Выстрел. Пара секунд ожиданий и поднявшийся фонтан воды дает понять, что прицел взят слишком низко.

Шебуршание за спиной заканчивающееся очередным клацаньем замка орудия и хриплым — Товсь!

Выстрел.

— *Есть накрытие!*

— *Теперь главное ничего не трогать и подождать столь ожидаемой "Товсь!". Но почему ее нет? Время уходит, а команды все нет и нет! Да чем они там заняты!* — мысли вихрем пролетают в голове, хочется развернуться и очень вежливо поинтересоваться, кто и почему там так долго возится. Но оторваться от прицела нет никаких сил.

— Товсь! — громом звучит в ушах.

Выстрел.

— *Две секунды, полет нормальный. Есть попадание! Прямо по ватерлинии!* — темно-красный всполох сменяется грязно-серым дымом, из которого постепенно проявляется противник. Не смотря на полученное повреждение, он еще живее всех живых и даже огрызается — в прицел хорошо видна вспышка ответного выстрела.

— Товсь!

Выстрел.

— *Перелет.* — равнодушно констатирует мозг.

— Товсь!

Выстрел.

— *Опять перелет!* — приходит негодование из района сердца.

— Товсь!

Выстрел.

— *Накрытие. Уже хорошо.* — вновь холодно, как не живой, выдает информацию содержимое черепной коробки.

— Товсь!

Выстрел.

— *Да что же ты будешь делать! Опять накрытие!* — вспыхивает огонек ярости в груди.

— Товсь!

Выстрел.

— *Есть!* — хором орут ликующие центры восприятия.

— Товсь!

Выстрел. Под ногами вздрагивает палуба, и цель мгновенно пропадает из прицела.

— *Что такое? Куда она делась? А! Вот она. Осталась на месте. Это мы движемся. Пошли на циркуляцию. Интересно почему?*

Выстрел.

— *Теперь понятно. Заговорило кормовое орудие. Ну ничего. Мы тоже сейчас вернемся к прерванному общению. Взяться за рычаги горизонтальной наводки? Нет! Кто-то из матросов уже успел подсуетиться! Ага, вот ты и снова на прицеле.*

— Товсь!

— *Нет! Мы спешить не будем. Подправим так и вот так. Выстрел. Тц! Слишком большое упреждение. Ничего сейчас подравняем.*

— Товсь!

Выстрел.

— Товсь!

Выстрел.

— Товсь.

Выстрел.

— *Да что же он, заговоренный!? Уже всего вокруг снарядами обложил!*

— Товсь.

Выстрел.

— *Ну точно заговоренный! Хотя нет! Молодцы на ютовом! Красиво положили!*

— Товсь.

Выстрел.

— *Ха! И мы не хуже! Пусть едва трубу задела, но еще не вечер!*

— Товсь.

Выстрел.

— Товсь.

Выстрел.

— Вашбродь, Виктор Христофорович, вернитесь в рубку. Мы тут уж как-нибудь сами.

— *Кто это? Кто меня отвлекает? А-а-а, знакомая личность. Вася Ремизов. Тоже с "Русалки". Чего это он? А-а-а! Сам пострелять хочет. Ну ладно. Можно и пустить. Тем более там и стрелять уже осталось недолго. Вот и рубка. Теперь можно привычно оглядеться по сторонам и выругаться. Увлёкся, однако! Слона то я и не заметил! Итальянский броненосец в какой-то миле от нас. Нельзя так увлекаться! Никак нельзя! Лево руля! Самый полный вперед! Не хватало еще получить какой-нибудь подарочек с борта этого толстокожего гиганта. Все. Убежали. Теперь можно и осмотреться.*

Иениш открыл глаза и как и планировал — осмотрелся. Милях в двух за кормой отползали назад все еще обстреливаемые береговыми батареями итальянские корабли, над двумя из которых подымались дымы пожаров. Впрочем, подобный дым подымался и с палубы "Полярного лиса" — несколько снарядов среднего калибра все же угодили в минный крейсер, изрядно погрызая фальшборт и палубу с дымовой трубой щеголяющей многочисленными пробоинами, из которых во все стороны вырывался черный угольный дым. Броня рубки и палуба вокруг носового орудия были обильно забрызганы кровью, и как передал подошедший вскоре боцман — трем артиллеристам срочно следовало попасть на прием к единственному на весь город врачу. Причем, врач был свой, с "Полярного лиса", но

по причине наличия немалого числа раненых оказался вынужден остаться в городе, где в бывшей казарме наскоро была организована больница. Но этим трем повезло больше, чем той пятерке кои уже никуда не торопились. Десяток сквозных пробоин от малокалиберных снарядов и вновь разбитая кают-компания — на фоне полученных повреждений и потерь в расчет вообще не принимались. Это, можно сказать, уже стало традицией для "Полярного лиса" — лишаться кают-компаний.

Попавшая же под раздачу малютка "Саетта" никак не могла похвастаться столь же неопасными повреждениями, которыми отделался ее обидчик. Две подводные пробоины, три уничтоженных орудия и половина экипажа стали результатом очередной перестрелки с вражеским минным крейсером. Еще повезло, что ни один из попавших снарядов не угодил прямоком в минный аппарат. Случись подобное, и отползать задним ходом уже было бы некому. Впрочем, скоро отползать действительно стало некому. Просачивающаяся через водонепроницаемые переборки и порванную осколками обшивку вода вскоре поставила небольшой минный крейсер на грань гибели, и принявшему на себя командование штурману пришлось отдать приказ покинуть корабль. Отползя от места своего избиения едва на пару миль, "Саетта" ушла под воду на ровном киле, оставив в качестве напоминания о себе лишь всплывший мусор с обломками.

Попытка возобновить траление силами имевшихся на кораблях эскадры паровых катеров оказалась сорвана мгновенно подлетевшим минным крейсером противника. Ни один из его снарядов не угодил в небольшие скорлупки, но отступившие экипажи даже под угрозой трибунала отказывались отправляться на верную гибель. Оставалось лишь продолжить обстрел вражеских береговых батарей силами броненосцев и крейсеров, да надеяться на успех высаженного в десяти милях от порта десанта.

Вновь подползшие на протраленный участок "Каио Дуилио" и "Аффондаторе" с маячившими позади них крейсерами продолжили закидывать позиции батарей береговой обороны тяжелыми снарядами, изредка получая в ответ увесистые плюхи. К вечеру избитый и местами все еще горящий "Каио Дуилио" прекратил попытки разбить в мелкий щебень то, что еще оставалось от порта и города. Впрочем, судя по тому, что под конец обстреливали его всего два орудия с разных батарей, разнести в клочья удалось не только дома и склады.

Сам флагман итальянской эскадры получил свыше полусотни прямых попаданий, что заметно сказалось не только на его внешнем виде, но и техническом состоянии. Большая часть лишенной всякой брони носовой части оказалась полностью разбитой, а три подводные пробоины обеспечили затопление семи отсеков и лишь работавшие на полную мощность водоотливные средства позволяли отстоять еще несколько, в которые через щели и заклепки, не переставая, поступала вода. Были уничтожены все 120-мм орудия, а дважды пораженная у мостика передняя дымовая труба слегка накренилась и грозила рухнуть в любой момент прямо на ходовую рубку. Вдобавок, не выдержало нагрузок еще одно орудие главного калибра, так что боевая эффективность броненосца упала вдвое. Зато на старичке "Аффондаторе" не было ни царапины. Весь день он вел огонь в полигонных условиях, в результате чего расстрелял девять десятых от имевшегося на борту боезапаса, пополнить который было неоткуда. На крейсерах ситуация со снарядами была чуть лучше. Но лишь чуть! Еще одного такого артиллерийского налета, который они устроили сегодня, эскадра не смогла бы выдать при всем желании. Попытка же штурма города сухопутными частями, насколько мог разглядеть вице-адмирал Каневаро, тоже не имела особого успеха. Впрочем, о деталях он мог узнать лишь через несколько часов, как только появится возможность

принять командира пехотного полка.

Сидя на своем ЗКП и наблюдая в бинокль приближающиеся плотные цепи итальянских солдат, Иван судорожно сглотнул и вытер вновь выступивший на лбу предательский холодный пот. Вот уж не думал он никогда, что судьбе будет угодно засунуть его в подобное "представление", да еще и сделать командиром нескольких сотен человек. Конечно, по сравнению с местными, даже его куцые, полученные на военной кафедре, знания по тактике действия пехотной роты и батальона, хотя изучал он конечно мотострелковые подразделения, превращали его едва ли не в гуру военного дела. Ведь ни о ДЗОТах, ни о окопах, ни о фланкирующем огне местные военачальники никогда не слышали. Да, они были хороши, как бойцы, и прекрасно умели воевать в условиях своих родных мест. Но здесь и сейчас, когда требовалось просто удерживать позиции созданные на открытой местности, именно Иван оказался наиболее сведущим командиром. И, как показало время, он не зря заставлял абиссинцев день за днем вгрызаться в эту лишенную жизни землю и выстраивать на ней целую цепь окопов полного профиля с запасными позициями для орудий и митральез.

Позволив первой цепи итальянцев подойти на две сотни метров, он дал отмашку на открытие огня и в течение десятка секунд заговорили все восемь сосредоточенных на данном направлении митральезы. Не отставали от их расчетов и скрывавшиеся до времени в своих окопах стрелки. Пусть уже устаревшие, но надежные винтовки Бердана наглядно продемонстрировали, что их еще рано списывать со счетов. Да и сожженные во время тренировочных стрельб десятки патронов на каждый ствол оказались вовсе не пустой растратой. О чем могли засвидетельствовать перед небесной канцелярией устремившиеся на тот свет полноводной рекой солдаты итальянской королевской армии. До тех пор пока непроглядный дым пороховых газов полностью не закрыл обзор, Иван смог рассмотреть, что не менее половины первой цепи итальянских солдат оказалось выбито, а остальные либо залегли, либо попятились назад.

Полученная в результате организации столь теплой встречи передышка позволила ему обратить внимание в сторону моря, откуда уже не менее получаса доносился гул работы десятков тяжелых орудий, что были способны в считанные минуты смешать с землей все выстроенные под его чутким руководством укрепления. Вот только Виктор Христофорович знал свое дело туго и надежно приковывал внимание вражеского флота к своим силам, за что Иван был ему искренне благодарен. Все же оказаться под градом крупнокалиберных снарядов он не желал от слова совсем.

Получившие же пощечину и очухавшиеся итальянцы вернулись спустя всего пол часа. Причем пехота вернулась не одна, а в компании с дюжиной горных пушек, что, открыто расположившись километрах в полутора от их линии обороны, принялись методично посылать на головы защитников Асэба один снаряд за другим. К своему несчастью вражеские артиллеристы знать не знали, что имелось в закромах обороняющейся стороны и потому изрядно растерялись, когда среди их орудий поднялся фонтан из песка с камнями от накрывшего одну из батарей 120-мм фугасного снаряда. Взятые трофеями еще у японцев тяжелые 120-мм осадные пушки, наконец, смогли показать себя во всей красе. По два таких орудия оказались размещены с северной и западной сторон города, и теперь одна из этих пар показывала свое превосходство над орудиями итальянских горных батарей. Вести контрбатарейную борьбу против столь тяжелых аргументов итальянские артиллеристы посчитали слишком глупым занятием и постарались как можно быстрее покинуть свои

позиции, но вывести они смогли лишь пять орудий. Остальные же оказались либо разбиты, либо брошены своими расчетами на растерзание врагу. Уж слишком большой деморализующий эффект оказывали тяжелые фугасные снаряды рвущиеся в каких-то десятках метров от тебя или разносящие в клочья соседнее орудие вместе со всем расчетом.

И пусть до первой мировой войны было еще 18 лет, солдаты 1-го африканского полка уже сейчас на собственной шкуре смогли прочувствовать хотя бы часть ее ужасов. Еще трижды командиры бросали в бой своих людей в попытке прорвать оборону абиссинцев. Но каждый раз несшие непомерно большие потери пехотные цепи рассыпались под градом пуль, и уцелевшие солдаты поворачивали назад, стремясь как можно быстрее отбежать подальше от верной смерти, границы которой обозначали тела их менее удачливых предшественников, густо устлавших собой подходы к окопам противника.

Лишь пятая по счету попытка штурма, в которую пустили остатки всех трех батальонов под прикрытием вернувшейся на поле боя артиллерии, увенчалась относительным успехом. Успехом — потому что итальянцы все таки смогли достичь окопы, в которых засели абиссинцы. Относительным — потому что достигли их только солдаты прореженной третьей и четвертой цепей, которых на подходе встретили вылетевшие из висевшей над полем боя дымовой завесы, словно черти из табакерки, абиссинцы. Встречный штыковой бой и последующая всеобщая рубка стала последним этапом сухопутной части операции по возвращению контроля над Асэбом. Из всего 1-го полка отступить от города смогли чуть более двух с половиной сотен солдат и офицеров, да еще с сотню набралось из состава 8-й и 11-й горных батарей, вывезших на двоих всего два уцелевших орудия. Остальные же навсегда остались лежать в эритрейской земле, поскольку разгоряченные боем и потерями абиссинцы пленных не брали. Однако и защитникам города этот бой дался не легко. Только погибших набралось 183 человека, да еще под три сотни оказались ранены и далеко не всех из них возможно было спасти даже с учетом помощи врачей с русских кораблей, к которым можно было бы обратиться за содействием лишь после ухода итальянского флота. Сам же Иван оказался больше в роли статиста. Все его действия сводились лишь к тому, чтобы отдавать команды на открытие и прекращение огня. Даже в штыковую атаку переломившую хребет итальянского соединения местные пошли по приказу своих командиров, а не непонятного русского, который даже не умел держать в руках ни меч, ни саблю, ни винтовку.

Узнав к вечеру о фиаско пехотного полка, вице-адмирал Каневаро, честно признаваясь себе, осознавал, что с превеликим удовольствием ушел бы от этого трижды проклятого порта этой же ночью. Но за столь короткое время уцелевшая пехота никак не успевала вернуться к месту высадки и погрузиться обратно на войсковой транспорт. Оставалось ждать наступления нового дня, да молиться, чтобы у противника все же закончились самоходные мины, каждую ночь сокращавшие силы его эскадры на один вымпел.

Вот только сбыться надеждам и чаяниям командующего итальянской эскадры было не суждено. Снятых с итальянских кораблей самоходных мин хватило бы еще на три полноценных ночных рейда оставшейся пары катеров. К тому же, в связи со значительным сокращением количества потенциальных целей, риск повреждения одного из крупных кораблей эскадры многократно возрастал, потому на якорь было решено встать поближе к берегу, создав сторожевую завесу из всех имевшихся в наличии шлюпок и катеров. Вот только плавсредств имелось катастрофически мало для предполагаемого охранного периметра. В результате, расстояние между шлюпками достигало двух-трех сотен метров и никак не связанные друг с другом они вдобавок расплылись за ночь, предоставив

катерникам возможность безнаказанно осуществить очередной налет.

Если можно так сказать, этой ночью удача изменила итальянской эскадре. Обе выпущенных мины нашли свои цели, и одной из них стал старичок "Аффондаторе". Построенный на тех же принципах что и некогда находившаяся под командой Иениша "Русалка", он отличался лишь вдвое большими размерами, да несколько более высоким бортом. Живучесть же корабля при получении подводной пробоины была столь же низкой что и у русской броненосной лодки. Единственное, что удалось сделать команде — подвести быстро садящийся в воду корабль как можно ближе к берегу. К утру все желающие могли наблюдать за торчащими над водой мачтами, трубами и надстройками под завязку забитых моряками.

Вторая мина поразила "Каио Дуилио" в пострадавшую днем носовую оконечность, отчего броненосец еще сильнее сел носом и получил заметный крен на левый борт. Тонуть он все же не собирался, но и двигаться теперь приходилось со скоростью не более 5 узлов.

Естественно, с такими потерями и повреждениями нечего было и мечтать о продолжении операции. Наоборот, предстояло сильно задуматься о том, как вообще унести ноги обратно в Массауа, поскольку круживший вне зоны досягаемости орудий вражеский минный крейсер тонко намекал, что почувствовавший кровь хищник просто так не отстанет. И даже направить последний целый минный крейсер, чтобы отогнать наглеца, было никак нельзя, поскольку вооружение противника не оставило бы "Конфьенца" ни одного шанса на выживание.

Вот и Иениш был полностью солидарен с невеселыми мыслями итальянского вице-адмирала. После учиненного эскадрой разгрома двух его сильнейших батарей береговой обороны, отпускать их без прощального пинка виделось в корне неверным. За последние два дня погибло четырнадцать его людей и свыше полутора сотен местных при обстрелах порта и Батарейного острова, еще две сотни сложили голову в боях с итальянской пехотой, а количество раненых теснящихся в бывшей казарме превосходило все мыслимые пределы.

Два 152-мм орудия батареи N1 оказались сильно повреждены, а два оставшихся требовали возведения новых оснований. К тому же, снарядов к ним оставалось не более трех десятков. Причем, одно орудие оказалось уничтожено вместе со всем расчетом прямым попаданием десятидюймового снаряда. Батарея N3 также лишилась двух орудий, но поскольку рядом с ними никого не находилось, на острове обошлись лишь десятком раненых и контуженных. Естественно, выстраивая защиту порта на скорую руку, он не ожидал каких-либо чудес и понимал, что возьмись итальянцы за них всерьез, потери будут неизбежны. Но одно дело планировать и совсем другое смотреть на лица погибших людей, что доверили тебе свои жизни. Тем более что коллектив то был все еще весьма небольшой — чуть больше двух сотен человек, не считая союзников.

Выступившие ночью на пять баллов катерники, несомненно, сполна отплатили за павших товарищей и честно заработали свои премии, но у итальянцев все еще оставалось несколько кораблей, так что принявший в кильватер оба катера и взявший на борт все оставшиеся самоходные мины "Полярный лис" пристроился вслед едва ковыляющей итальянской эскадре в ожидании очередной ночи. Обогнать противника с наступлением темноты и выпустить по курсу его движения катера виделось наиболее разумной и осуществимой идеей, поскольку его минный крейсер хоть и мог держаться на плаву, а также не потерял в скорости, внешне представлял собой скорбное зрелище. Обгоревший, покрытый

пробоинами, с разорванными местами бортом, он вряд ли мог внушить трепет и ужас даже тем остаткам вражеской эскадры, что держали курс к Массауа. Все же у итальянцев оставался еще совершенно не пострадавший броненосный крейсер и отремонтированный на скорую руку силами экипажа бронепалубный "Джованни Бозан", компанию которым могли составить два минных крейсера. Вот и выходило, что вся тяжесть окончательного решения вопроса итальянской эскадры ложилась на плечи самых маленьких и слабых вымпелов собранного им с бора по сосенке флота. Впрочем, эти крохи уже не раз доказывали делом, что способны очень болезненно кусать и теперь им предстояло продемонстрировать свои возможности хотя бы еще один раз.

Развязка затянувшейся трагедии итальянской эскадры случилась в первую же ночь обратного пути. Сперва, получил мину в борт и ушел на дно шедший головным "Джованни Бозан". Не спасли ни редкие уцелевшие прожектора, ни напрягающие слипающиеся глаза матросы. Рассмотреть в кромешной тьме низкий силуэт небольшого катера на расстоянии в пол километра оказалось выше их сил. Зато медленно плетущиеся и обозначенные ходовыми огнями итальянские корабли представляли собой отличную мишень для набивших руку и глаз миноносников. Стоило закончиться свалке, образовавшейся из-за начала спасательных работ, как разлетевшийся над морем звук подрыва возвестил о начале очередных бедствий. На сей раз досталось остававшемуся все это время целехоньким "Марко Поло". Учитывая, что именно он подошел к гибнущему бронепалубнику и принялся снимать с него людей, удерживаясь машинами на месте, броненосный крейсер превратился в идеальную мишень, чем и не преминул воспользоваться Георгий Керн.

Спустя два часа имевший солидный крен на левый борт и плетущийся со скоростью 8 узлов "Марко Поло" получил еще одну мину отправившую его на дно Красного моря вместе с большей частью экипажа и спасенных с "Джованни Бозан" моряков. Уцелеть удалось лишь четырем десяткам матросов успевших спустить пару шлюпок, которых на следующий день подобрал проходивший мимо английский пароход.

Активно же сопротивляющийся поступлению воды "Каио Дуилио" дотянул до самого утра, но в конечном итоге все же был посажен командой на мель во избежание окончательной гибели корабля. С ним же остался "Монзамбано", чьи повреждения не позволяли идти с большой скоростью, а то, что именно в ней заключается единственная возможность спасения оставшихся кораблей, было ясно, как божий день.

Вот только не раз перехватывавшим японские конвои морякам "Полярного лиса" безоружный войсковой транспорт идущий в охранении сравнимо вооруженного минного крейсера и лишенной какого-либо артиллерийского вооружения миноноски не показались грозным противником. В них всех они видели лишь жертв, к которым пришел белый и пушистый зверек. Навязанная уже в полдень артиллерийская дуэль закончилась для "Конфьенци" уничтожением обоих котельных отделений и полной потерей хода. Пусть "Полярный лис" тоже успел схлопотать два 120-мм снаряда и полтора десятка 57-мм, ни в ходе, ни в огневой мощи потерь он не понес, потому легко смог принудить оставшийся абсолютно без защиты транспорт к сдаче, а после и заставить спустить флаг итальянский минный крейсер. Причем, куда более ценным трофеем, нежели побитый "Конфьенца", смотрелся придерживавший раненую осколком руку вице-адмирал Каневаро, который не пожелал оставаться на разбитом броненосце и вместе со штабом перешел на единственный сохранивший ход корабль. Спасти удалось лишь старенькой миноноске, воспользовавшейся тем, что большие дяди заняты выбиванием зубов друг другу и выжавшей

из своих машин все, на что те были способны. Именно экипаж этого маленького кораблика принес в Массауа горькую весть об очередном поражении Королевского флота, чем поверг в ужас все колониальное начальство.

Иениш же, махнув рукой на удравшую миноноску, предпочел озаботиться процессом взятия пленных и сохранения трофеев. К его величайшему удивлению, адъютант итальянского командующего оказался русскоговорящим по причине своего появления на свет в Мариуполе и проживания в России едва ли не половины жизни, так что "найти общий язык" удалось весьма быстро. Не прошло и часа как взявшая на буксир охромевший минный крейсер "Тринакриа" двинулась обратно в сторону Асэба, правда, сделав по пути изрядный крюк, чтобы обойти стороной сидящий на мели броненосец и к утру 21 февраля оба трофея были доставлены к месту назначения в целости и сохранности. Как ни странно, за весь переход со стороны итальянцев не было ни одной попытки затопить свои корабли. Были ли тому причиной принципы следования правилам ведения войны с цивилизованным противником, каким итальянцы воспринимали Иениша и его людей, либо многочисленные акулы, облюбовавшие воды Красного моря — осталось загадкой, разгадывать которую отставной капитан 1-го ранга даже не собирался. Для него главным было то, что очередные трофеи, что могли принести весьма солидные деньги, добрались до порта. А всевозможные мелкие детали и гипотезы... Он оставил их на откуп историкам, что когда-нибудь возьмутся исследовать ход ведения данной войны.

Достигшее Рима сообщение о полном разгроме высланной к берегам Эритреи эскадры и пленении ее командующего, мгновенно просочившееся во все газеты, едва не сразило премьер-министра Италии. И так бывший весьма непопулярным в народе в связи с многочисленными скандалами, как политического, так и финансового толка, он оказался на краю пропасти и сделал то, что умел делать лучше всего — он надавил. Надавил на губернатора Эритрейской колонии так, как только умел давить — не взирая на конституцию и законы. В дело пошло все — обвинения во всех смертных грехах, шантаж, угрозы. В результате, изрядно взбодренный Оресто Баратьери был вынужден уже на следующий день после получения более чем резкого сообщения от главы правительства выдвинуть свои войска к Адуа, где располагались основные силы Менелика II, чтобы одним решающим сражением прекратить эту затянувшуюся войну.

Однако, судьба-злодейка даже не думала останавливаться на достигнутом, и вскоре Рим взорвала еще одна сногсшибательная новость. Впрочем, эффект холодного душа произошедшее произвело не только в столице Италии. В Париже, Лондоне, Вене и даже в Берлине с замиранием сердца читали сухие строки официальных сообщений, в срочном порядке посылавшиеся, как от военных моряков, так и дипломатов — на рейд Смирны пришли три броненосца под Андреевским флагом, которые по определению не могли оказаться в водах Средиземного моря. И, тем не менее, все желающие могли наблюдать трех бронированных гигантов во всей их смертоносной красе.

Конечно, что английская эскадра, что итальянская как минимум вдвое превосходили отряд русских кораблей даже с учетом наличия здесь же русской мореходной канонерки и пары рангоутных крейсеров 2-го ранга. Но ведь никто из них всерьез не собирался развязывать войну с Россией, начав с уничтожения кораблей, которые самим фактом своего появления в этих водах значительно меняли баланс сил в Средиземном море.

Впрочем, русские тоже не горели желанием опробовать в реальном деле свои орудия и снаряды. Наоборот, они с превеликим удовольствием приняли командующих европейских

эскадр, поспешивших выказать свое почтение наследнику русского престола и заодно поинтересоваться причиной столь неожиданного появления здесь русской эскадры. Вот только ни одна живая душа, за исключением императора Российской империи, даже под самыми ужасными пытками не смогла бы поведать интересующимся все аспекты, что преследовал Александр III осуществляя подобное мероприятие.

И хоть лежащие на поверхности причины были продиктованы сложившимися, что в Османской империи, что в Эритрейской колонии, обстоятельствами, по сути, являлись ширмой куда более долгосрочных планов. Впрочем, решая разом и несколько сиюминутных задач, среди которых числилась, в том числе, задержка английской и итальянской эскадр в Средиземном море, откуда они уж совершенно точно не могли как-либо повлиять на ситуацию сложившуюся близ Асэба.

Получив едва ли не первым из мировых лидеров информацию о разгроме близ Асэба очередной собранной итальянцами эскадры, Александр III не сомневался, что такой пощечины потомки древних римлян не стерпят, и вскоре ставший центром столкновения интересов мировых держав колониальный порт окажется погребен под сотнями тонн стали и взрывчатки, что обрушат на него итальянские броненосцы. Но, являясь более чем заинтересованной в данном вопросе стороной, постарался сделать все возможное и местами даже невозможное, дабы облегчить последующую жизнь Иенишу и его людям, но при этом остаться белым и пушистым в глазах мирового сообщества. А что, как не посылка своего преемника в качестве миротворца способствовало, как созданию требуемого образа, так и достижению поставленных целей лучше всего? Разве что организация посланнику мира достойного сопровождения, кое не позволило бы никому игнорировать будущие мирные предложения Российской Империи! И новейшие броненосцы Черноморского флота подходили для этой роли лучше всего, не смотря на практически стопроцентную уверенность в последующей невозможности возвращения этих кораблей обратно в родной порт. Но в данном конкретном случае видение правителей Российской и Османской империй на данную ситуацию должны были совпасть, хоть показывать этого Александр Александрович никак не собирался. Наоборот, с возникновением препонов в деле возвращения кораблей обратно в Черное море он собирался высказать немало претензий султану и возможно даже потребовать что-нибудь в качестве компенсации нанесения оскорбления наследнику русского престола. Или, в крайнем случае, пересадить наследника на какой-нибудь из крейсеров Средиземноморской эскадры — уж обратный проход одного крейсера вместо трех броненосцев добиться было более чем вероятно. В результате, состав способного действовать по всему миру Балтийского флота увеличивался на три вполне современных броненосных вымпела, а Черноморский флот мог, наконец, получить в свой состав полноценный крейсер поскольку "Память Меркурия" как бы его ни называли, являлся просто вооруженным транспортом.

Но даже это было лишь вторым слоем совершаемой многоходовки, а ведь были еще и третий и четвертый, прознай о которых те же англичане, они бы положили всю свою Средиземноморскую эскадру, но не пустили бы корабли, сопровождавшие наследника русского престола, не то что в Средиземное, а даже в Мраморное море, наплевав на все разногласия с турками и предоставив им свои корабли в качестве усиления многочисленного, но сильно морально и технически устаревшего и от того весьма слабого флота.

Впрочем, возможно именно для того чтобы не только значительно уменьшить

опасность своим берегам со стороны Черного моря путем двукратного уменьшения количества русских броненосцев, но и дабы насолить столь активно лезущим во все сферы управление его страной европейцам, султан негласно позволил трем русским броненосцам: "Георгий Победоносец", "Чесма" и "Три святителя" пройти в Средиземное море, не смотря на высказывавшиеся многими советниками опасения ловушки со стороны русских, которые столь хитрым образом решили беспрепятственно привести три своих сильнейших корабля прямым путем к столь привлекающему всех русских императоров и адмиралов Стамбулу. Понимая, что подобные подозрения отнюдь не беспочвенны, султан распорядился привести в полную боевую готовность все миноносцы флота, эффективность применения которых против крупных кораблей совсем недавно продемонстрировали сами же русские. И пусть путь тройки русских кораблей прошел в весьма нервной для обеих сторон обстановке, все благополучно завершилось с выходом броненосцев в воды Средиземного моря. Но если нервные терзания турок несколько уменьшились, то вот итальянцы как раз наоборот принялись заводить себя, гадая, пустит ли в дело русский император свой флот или нет. Но, как и в большей части уже отгремевших войн, судьба противостояния Италии с Абиссинией в конечном итоге решилась на суше.

Будучи весьма умным и здравомыслящим человеком, Оресто Баратьери отдавал себе отчет в том, что шестнадцати тысячам итальянцев и их союзников из состава местных племен нечего даже и мечтать разгромить собранную абиссинским негусом армию. Но проигнорировать приказ из Рима и расписаться в собственной слабости он тоже не мог. Потому вместо полноценного наступления на позиции абиссинской армии штаб разработал план демонстрации своей силы, итогом которого должны были стать разгромы передовых отрядов вражеской линии с последующим закреплением на достигнутых рубежах, где впоследствии на заранее подготовленных позициях и требовалось встречать артиллерийским и ружейным огнем волны нападающих, случись таким появиться.

Единственным недостатком данного плана являлось то, что с противоположной стороны находились отнюдь не дураки. Причем не дураки имеющие, как опыт ведения боевых действий, так и успевшие распробовать вкус победы. И пусть сами идти в атаку они не спешили, вести разведку им никто не мешал. А учитывая весьма серьезную партизанскую войну, разразившуюся по всей провинции Тигре, абиссинцы смогли наводнить ее достаточным количеством соглядатаев, чтобы быть в курсе любого поползновения вражеской армии. И уж конечно они не могли прозевать выдвижения к линии соприкосновения столь грандиозных сил, что в свою очередь могло свидетельствовать о скором начале генерального сражения, заранее подготовиться к которому сам Бог велел.

По причине потерь понесенных под Асэбом и от действия вражеских рейдеров, армия не досчиталась четырех пехотных батальонов и четырех артиллерийских батарей по сравнению с тем, что имелось в истории, которой уже было не суждено повториться. Потому, резервная колонна генерала Джузеппе Эллена лишилась всех орудий, 4-го африканского пехотного полка и батальона аскеров, которые влились в центральную колонну под командованием генерала Джузеппе Аримонди. Но даже так численность одной из ударных бригад с трудом перевалила за две с половиной тысячи человек, при том что в бою ей предстояло сойтись как минимум с двадцатью тысячами солдат противника. Левой и правой колоннам в этом смысле должно было повезти несколько больше, так как противостоящие им силы насчитывали всего в полтора раза больше человек, чем имелось в каждой из них. Если, конечно, не принимать в расчет резерв Менелика II численностью в 25

тысяч человек и состоящий из наиболее верных негусу и хорошо вооруженных бойцов.

Выдвинувшись ночью с тем чтобы с первыми лучами солнца занять удобные для обороны позиции на возвышенностях, с которых можно было контролировать всю долину Адуа, итальянцы перехитрили сами себя. Не имея точных карт и опыта ночных переходов, колонны лишь разбрелись в разные стороны и значительно растянулись, так что в итоге в бой итальянские бригады входили не всеми своими силами, а отдельными ротами или иногда батальонами, что никак не способствовало успеху мероприятия.

Первыми около шести часов утра в бой вступили солдаты левой колонны, в которую входили исключительно аскари под командованием итальянских офицеров. Заплутав в темноте и удалившись от остальных колонн на пару миль, утром они вышли к возвышенностям Ади-Абьюн, гряды которых ошибочно приняли за назначенную в качестве их цели Кидан Мерет. И эта ошибка впоследствии стоила жизни почти всем солдатам бригады генерала Альбертоне. На их беду здесь оборону держали воины раса Алула, откровенно не любившего колонизаторов и воевавшего с итальянцами начиная с 1887 года. Он как раз был одним из горячих сторонников похода абиссинской армии вплоть до Массаяу, дабы полностью выбить европейцев с земель, которые считал принадлежащие Абиссинии.

И пусть его взгляды не всегда совпадали с таковыми Менелика II, негус, признавая его авторитет, выделил под командование раса Алула дюжину орудий, которые первыми поприветствовали слитным залпом шедший в авангарде национальной бригады батальон и впоследствии играли активную роль в сдерживании атак противника пока основная часть войск раса Алула, обойдя бригаду генерала Альбертоне с фланга, не перекрыла Проход Гасгорие — единственный путь по которому к вышедшим на его войска итальянцам могло подойти подкрепление или через который они могли бы организованно отступить. Естественно, этот маневр невозможно было выполнить мгновенно, по щелчку пальцев. Только на обход итальянской колонны ушло не менее двух часов, в течение которых на подступах к Ади-Абьюн не смолкала канонада ружейных и орудийных выстрелов. Но в конечном итоге ловушка оказалась захлопнута, и теперь пришел черед найти тот молот, что расплющил бы итальянскую бригаду помещенную на выстроенную Алулой Энгидом наковальню. И вскоре такой инструмент нашелся. Правда, сперва силу его удара испытали на себе солдаты генерала Аримонди.

Как так произошло, что центральная итальянская колонна умудрилась выйти напрямик к ставке Менелика II, могла знать разве что путеводная звезда, что вела авангард бригады в течение всей ночи и помогла ей счастливо миновать оборонительные позиции пятнадцатитысячной армии раса Маконнена. Но факт имел место быть — бригада генерала Аримонди вышла во фланг вражеских позиций, однако бывший бы весьма удачным в иных обстоятельствах этот случайный маневр привел солдат и командовавших ими офицеров в логово смерти. Все же негус постарался изрядно обезопасить место своего пребывания и потому помимо лучших воинов его родной провинции под боком находились прибывшие из далекой России четыре десятка орудий и знающие как с ними обращаться "советники".

Первая рота 5-го национального батальона капитана Павеси выполнявшая роль авангарда перестала существовать, как боевое подразделение, уже спустя четверть часа. Огонь двух десятков находившихся на этом фланге орудий и тысяч винтовок не оставил им ни малейшего шанса на спасение. И даже подход седьмого африканского пехотного батальона не смог изменить ситуацию. Просто подоспевшее подкрепление вскоре само было

вынуждено вжиматься в землю под градом картечи, пуль и осколков, да молиться всевышнему о чудесном спасении. Но чуда не произошло. Даже когда к месту боя подтянулись остальные силы бригады, даже когда открыла огонь своя единственная батарея скорострельных орудий, даже когда у абиссинцев начали подходить к концу запасы патронов. Чуда не произошло. Два часа боя — именно столько определила им судьба, а после бригада попросту перестала существовать. К тому моменту, когда ударный кулак армии негуса насчитывающий под три тысячи кавалеристов и свыше десятка тысяч пехотинцев сдвинулся с места, грозя накрыть остатки итальянской бригады подобно огромной океанской волне, что играючи смывает прибрежные рыбацкие деревушки, способных держать в руках оружие итальянцев осталось менее тысячи. И они дрогнули. А кто бы не дрогнул, увидев мчащуюся персонально на тебя живую реку сверкающую тысячами клинков и то и дело озаряющуюся всполохами выстрелов? В результате, даже то подобие построения, что пытался выстроить метавшийся между остатками батальонов генерал Аримонди, окончательно развалилось и солдаты бросились бежать туда, где, по их мнению, у них был шанс уцелеть — на соединение с резервной колонной заодно осуществляющей прикрытие обоза всей итальянской армии. И несколькими сотням счастливиц даже удалось добраться до своих, но лишь затем чтобы сложить свои головы здесь, поскольку шедший по пятам противник даже и не подумал останавливать наступление, увидев перед глазами такую манящую вещь как состоящий из сотен повозок обоз. И даже две тысячи свежих, готовых к бою, стрелков не смогли изменить ситуацию. Да, им удалось пустить кровь абиссинцам, устлав ближайшую территорию тысячами сраженных пулями тел. Но и сами итальянцы вскоре сложили свои головы в этой далекой от Рима земле, когда абиссинцы ворвались в их ряды, разя налево и направо своими мечами и копьями, что многие воины всегда носили с собой, даже получив в руки винтовку.

Дольше всех, почти до полудня, продержался со своей бригадой генерал Витторио Дабормида. Узнав про бедственное положение, в котором оказался попавший в окружение генерал Альбертоне, он повел свою колонну на выручку товарищу по оружию, но, сперва, оказался блокирован как минимум вдвое превосходящими силами противника, а после, потеряв в перестрелке свыше тысячи человек, был вынужден отдать приказ к отступлению, которое продолжалось вплоть до выхода пятившихся батальонов его бригады в долину, где они все нашли свой конец. Впрочем, до того как волна кавалеристов ведомых расом Микаелом и насчитывающая пять тысяч сабель обрушилась на бригаду Дабормида, последний успел увидеть печальный конец тех, к кому спешил на помощь. Примерно в половину одиннадцатого на позиции остатков бригады генерала Альбертоне обрушился молот главных сил Менелика II, подводя кровавый итог затянувшемуся противостоянию.

Вырваться из захлопнувшихся ловушек удалось считанным единицам. В общей сложности, в распоряжение итальянских войск в Адди-Кэйх вышли 16 офицеров, включая генерала Аримонди и самого Оресто Баратьери и 427 солдат. Еще 93 солдата смогли пробиться к Асмэру. Всего погибли в бою или впоследствии умерли от ран более 11 тысяч солдат и офицеров итальянской армии, еще около 4 тысяч попали в плен. Причем со всеми сдавшимися аскари, провозглашенных негусом предателями, поступили так, что впечатлились даже прошедшие недавнюю мясорубку солдаты. Каждому из восьми сотен попавших в плен аскари отрубили стопу левой ноги и правую руку, после чего бросили их медленно умирать прямо на поле боя, так что впоследствии еще спустя несколько месяцев их иссушенные солнцем тела устилали берега ближайших ручьев, к которым те, кто не умер

от кровопотери подползали, дабы утолить жажду или промыть раны. А уж гора из сотен человеческих конечностей, не смотря на активную работу насекомых и хищников, возвышалась над высокой травой даже спустя несколько месяцев, когда к месту отгремевшего сражения смогли добраться первые репортеры.

Впрочем, досталось в этот день и абиссинской армии. Только непосредственно в бою погибли свыше восьми тысяч воинов и еще примерно десять тысяч оказались ранены, многие из которых впоследствии скончались, не имея возможность получить квалифицированную медицинскую помощь. Но захваченные трофеи оказались более чем знатными. Пятнадцать тысяч винтовок, 28 пушек и все припасы итальянских войск. С учетом же потерь понесенных у Асэба и войск захваченных вместе с пароходами, у итальянцев во всей Эритрейской колонии осталось не более трех тысяч солдат, треть из которых оказалась окружена в форте Адигарта. Вот только продолжить победоносное шествие вплоть до Массауа абиссинские войска никак не могли. Эпидемии, нехватка продовольствия, внутренние дразги и желание Менелика II поскорее заключить с Италией мир, спасли молодую колониальную державу от полнейшего унижения безоговорочного поражения.

Пережить удар очередного поражения премьер-министр уже не смог. Улицы крупнейших городов Италии оказались во власти требующих немедленного прекращения боевых действий и возвращения солдат домой толп негодующих горожан. Дошло до того, что от штурма резиденцию премьер-министра смогли спасти только срочно стянутые к ней значительные силы полиции, выставившие живую стену в несколько рядов. Не способствовали успокоению ситуации и газеты, принявшиеся печатать списки погибших солдат и матросов, так что пытающийся сохранить лицо в глазах своего народа король Умберто I даже был вынужден объявить 14 марта — день своего рождения, днем траура по погибшим.

Как результат, не только Морской министр, но и все правительство Криспи было отправлено в отставку, и в стране началась новая драка за власть, давшая столь необходимое время зашивавшимся защитникам Асэба. Из Обока удалось пригнать простаивавшую там уже пару недель "Находку", что держала курс к дальневосточным берегам с заходом в Мозамбик и снять с нее половину груза цемента. Насколько возможно, были отремонтированы орудия Армстронга 1-й и 3-й батарей. С помощью лома, такой-то матери и небольших ремонтных мощностей "Рюрика" удалось вернуть подобающий внешний вид "Полярному лису", имевшему совсем уж облезлый вид к окончанию разгрома итальянской эскадры. И как апофеоз всех "добрых дел" с подкравшейся ночью практически вплотную к сидевшему на мели итальянскому броненосцу канонерки "Поллюс" был выпущен весь боезапас 400-мм снарядов. Оставаясь в мертвой зоне главного калибра "Каио Дуилио" канонерка, не торопясь, разворотила всю корму некогда грозного корабля. Все вплоть до центральной цитадели оказалось разнесено в клочья, а начавшийся на борту пожар к утру оставил от броненосца лишь дымящиеся руины. Подрыва находившихся на борту боеприпасов удалось избежать лишь путем затопления бомбовых погребов. И если прежде у командира броненосца еще имелись какие-либо надежды на возвращение его корабля в строй, то теперь отремонтировать было попросту нечего. В ту же ночь наведавшийся в Массауа "Полярный лис", а если точнее — доставленный им катер, поразил последней самоходной миной стоявший у пирса "Монзамбано". С трудом доползший до порта минный крейсер меньше чем за минуту завалился на левый борт и затонул.

Стоявшая же на внешнем рейде итальянская миноноска, на скорую руку вооруженная

парой 37-мм пушек Гочкиса и мгновенно отреагировавшая на очередное нападение, включив всю возможную иллюминацию, лишь превратилась в хорошо заметную мишень для артиллеристов затаившегося минного крейсера. Выдержав всего два попадания, она прекратила подавать признаки жизни, и вскоре затонула. Не помог даже огонь со все еще сидевшего на камнях "Монтебелло". Зато сам минный крейсер оказался на месте погибшей миноноски на следующую же ночь и после подрыва нескольких находившихся на борту мин от прямого попадания в минный склад 120-мм снаряда, разломился надвое, оставив итальянцев без единого боевого корабля в Красном море. На большее сил у ввязавшихся в невероятную авантюру команды русских не хватило. На каждое из уцелевших орудий в среднем оставалось не более полусотни снарядов, пополнить запас которых было неоткуда. А для 120-мм скорострелок их количество вообще сократилось до трех десятков на все орудия. Причем для пушек Канэ, стоявшим на "Полярном лисе", осталось всего три снаряда, так что "Монтебелло" даже мог бы уцелеть, не стань последнее попадание золотым. С минами же, что самоходными, что якорными, дела обстояли еще хуже — в закромах не осталось ни одной. А вот кораблей у доведенных до белого каления итальянцев имелось еще более чем достаточно. Впрочем, войск у них имелось тоже много.

Именно в тот момент, когда Парламент Италии голосовал за получение займа в 400 миллионов лир на продолжение военной компании, со стороны монарха Российской Империи пришло предложение о посредничестве между противоборствующими сторонами в вопросе заключения мира, а в Красное море вошла возвратившаяся с Дальнего востока русская Средиземноморская эскадра.

Отмахнуться же от теперь уже двух прозрачных намеков имеющих, как солидное количество орудий, так и толстую броню, никто в новом итальянском правительстве не рискнул. Пусть каждая из двух русских эскадр не имела никаких возможностей противостоять тому броненосному флоту, что Италия все еще могла в любой момент выставить на игровую доску, никто в здравом уме не собирался развязать войну с Россией. Тем более, что засевшие в Асэбе "добровольцы" и так смогли продемонстрировать возможности русских моряков едва ли не играючи отправлять на дно броненосные корабли. Пусть даже не самые новые и мощные, что имелись в Королевском флоте. Вот только прекрасно зная, что они смогли добиться подобных результатов применением одних только небольших миноносных кораблей, итальянским адмиралам становилось дурно от одной только мысли о схождении в бою с русскими броненосцами.

Вдобавок, сам факт возможности потерять у безжизненных африканских берегов еще несколько сильнейших кораблей и так заметно сократившегося флота, заставлял задуматься даже самые горячие головы. Все же возместить потери в крейсерах и миноносных кораблях можно было за счет строящихся единиц и находящихся на хранении по причине отсутствия экипажей больших миноносцев. А вот заменить броненосец было нечем. Разве что строящимся для Аргентины броненосным крейсером "Гарибальди", который смело можно было назвать броненосцем 2-го или 3-го класса. Но деньги стране были нужны ничуть не меньше кораблей, а потому удерживать этот корабль, рискуя потерять заказчиков в лице стран Южной Америки, виделось в корне неправильным. Да и потребные на войну 400 миллионов так или иначе впоследствии надо было бы возвращать, а взять в условиях дефицитного вот уже на протяжении нескольких лет бюджета их было неоткуда.

И все же в Массауа были отправлены новые войска и корабли, но лишь затем, чтобы взять под контроль те границы, что должны были определиться во время проведения мирных

переговоров. Понесенные в боях потери и так слишком сильно подорвали престиж страны, чтобы кто-либо решился рискнуть, развязать новый раунд боевых действий и тоже проиграть. Но и оставлять в руках абиссинцев тот же Асэб было никак невозможно. Возникла патовая ситуация, когда всем участвующим сторонам требовалось заключить мир, но вопрос принадлежности территорий куда больше беспокоивший засуетившихся англичан, нежели самих итальянцев, не позволял поставить свои подписи под мирным договором. Даже не смотря на охлаждение отношений в англо-итальянских отношениях, имевшее место в последнее время, выходцы из Туманного Альбиона не постеснялись откровенно навязывать Министру иностранных дел Италии свое видение ситуации. И лишь прямое вмешательство двух монархов — Умберто I, у которого протестующие против войны горожане едва ли не жили на лужайке дворца и Александра III, оставшегося весьма недовольным откровенным издевательством над его наследником выступавшим в качестве посредника, обменявшихся за спиной всех вовлеченных в переговоры персон парой личных писем, позволило, наконец, закончить тот фарс, что назывался мирными переговорами.

В результате 9 мая 1896 года был подписан мирный договор, по которому Италия, уплатив контрибуцию в 10 миллионов лир, признавала независимость Абиссинии и ее новые границы, а также внесение всех потребных изменений в Уччальский договор. Впервые в новой истории европейская держава была вынуждена признать поражение перед африканской страной. Естественно, официально ни о каком поражении не было произнесено ни одного слова, но все и так было прекрасно понятно без слов. Провинция Дэбуб-Кэй-Бахри сохранялась в составе Эритрейской колонии Италии, но город Асэб с территориями простирающимися до французских владений на юге, Абиссинии на западе и проходящие по сороковой параллели на севере передавались на 99 лет в аренду частному пароходству "Иениш и Ко" за символическую плату — 1 лира в год. И то, что уже на следующий день между пароходством и Российской Империей было подписано соглашение о переуступке прав аренды большей части этих территорий, не смутило никого. В свое время итальянцы поступили точно так же. Правда, ради приличия, они подождали десятков лет, прежде чем начать экспансию в Эритрею. Удивляло другое — почему в свое время Российская Империя не вступилась за своих в Джибути, позволив французам выдворить переселенцев с применением силы. Так ли русские дорожили своим союзом с французами, что решили не нагнетать обстановку? Все же климатические условия в Джибути и таковые вокруг Асэба разнились как рай и ад. Пустынное пекло эритрейских земель не шло ни в какое сравнение с цветущими лесами и полями Джибути. Или, получив чувствительный и неприятный урок в первый раз, к новой попытке закрепиться на африканском континенте русские подготовились куда более серьезно? Всем оставалось только гадать, поскольку император Александр III хранил гробовое молчание даже в кругу семьи.

Отдельным протоколом было подписано соглашение на возврат всех захваченных у Асэба в плен военнослужащих и гражданских лиц в обмен на отказ Италии от прав на потерянные суда и корабли в пользу пароходство "Иениш и Ко". И как всегда, в целях прикрытия итальянского правительства, официально Иениш приобрел право на разборку на металл всех затонувших во время войны итальянских кораблей всего за 10 тысяч лир. Для любого понимающего человека эти деньги были смешными — даже один единственный минный крейсер в виде металлолома стоил в сто раз дороже, но итальянское правительство замяло вопрос, заявив, что нанимать для подъема погибших кораблей судоподъемную компанию выйдет слишком накладно и возможный возврат в строй устаревших кораблей не

покроет затраченных средств. Куда дешевле было бы построить пару новых крейсеров. Причем, собранная итальянцами комиссия признала потопленными и лежащие на мелководье "Пьемон", "Вольтурно", "Конфьенца" и "Поллюс", которые притопили вместе специально к ее прибытию в Асэб. Исключения сделали лишь для тех кораблей, что упокоились на дне бухты Массая, поскольку присваивать себе еще и эти корабли виделось бы крайней степенью наглости.

В результате, официально все выглядело чинно и благородно, но тот факт, что сильно изменившийся Александр III в очередной раз умудрился проверить все столь элегантно, что подкопаться оказалось попросту невозможно, вводил многих в шок и глубокую задумчивость. Слишком рано его стали списывать со счетов, в результате чего проморгали столь великолепно исполненные игры. Дважды за последние три года он умудрился продемонстрировать возможности и ресурсы опосредованного влияния на развитие боевых действий в конфликтах затрагивающих интересы его империи путем приложения минимальных сил. Причем, никаких официальных сил в самый разгар событий не применялось, они появлялись лишь под конец, чтобы зафиксировать достигнутые небольшой группой частных лиц результаты. И те, кто уже начинал всю примерять корону на голову Николая, были вынуждены кардинально пересмотреть свои взгляды на ближайшее будущее. А также обратить куда более пристальное внимание на скромного отставного капитана 1-го ранга, якобы находящегося в опале.

Глава 7. Сколько ниточка ни вьется...

Медленно раскачиваясь с носков на пятки и обратно, Иван с весьма скептическим взглядом рассматривал аппарат, который его создатели окрестили первым русским автомобилем с двигателем внутреннего сгорания. Не смотря на факт появления первенца этого вида транспорта в далекой Германии еще 11 лет назад, автомобиль все еще оставался невиданным чудом не только для русского населения, но и практически всех европейских гостей почтивших своим вниманием открывшуюся выставку. Впрочем, никто из тех, кто уже успел с интересом осмотреть или просто кинуть мимолетный взгляд на снабженную двигателем внутреннего сгорания пролетку, в принципе не мог себе представить, что будущее именно за потомками сего несколько несуразного результата труда двух гениальных инженеров и десятка рабочих. Впрочем, скорее всего, несуразным этот автомобиль казался только самому Ивану и сопровождавшему его Виктору Христофоровичу, который, в свое время, смог увидеть фотографии техники будущего. Для всех же остальных изделие господ Яковлева и Фрезе выглядело вполне нормально — в духе эпохи.

Как и многие другие экспонаты, первый русский автомобиль Иван смог увидеть на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде, подготовка которой началась по приказу императора еще в августе ныне уже далекого 1893 года. Подобные ей мероприятия уже не единожды проводились в России в целях стимулирования как экономического, так и технологического развития страны. И нельзя было сказать, что эти выставки обходились государству дешево. Особенно сие касалось данной, шестнадцатой по счету, и впервые проводимой не в Санкт-Петербурге или Москве.

Даже выставка 1882 года проведенная в Москве и собравшая свыше 5300 экспонатов меркла по сравнению с тем, что сумели подготовить в хлебной столице Российской империи. Только из государственного бюджета за три года подготовки было выделено три миллиона рублей на устройство территории и части павильонов самого выставочного парка и один миллион на облагораживание Нижнего Новгорода, большей частью пошедших на расширение транспортных ресурсов города. Чего только стоило устройство первой в империи электрической железной дороги или попросту — трамвайного пути, для которого пришлось не только прокладывать рельсы и развешивать провода, но и воздвигать электростанции, появление которых в свою очередь позволило значительно улучшить ситуацию с электрическим освещением не самого последнего и весьма богатого города империи.

Никак не в меньшую, если не в большую, сумму вылилось участие в подготовке со стороны всех заинтересованных частных лиц, обществ и предприятий. Свыше 120 возведенных павильонов и под девять тысяч экспонатов, некоторыми из которых и являлись сами павильоны, построенные по не имевшим аналогов технологиям, явно проделали неслабые дыры в карманах участников. Но, с другой стороны, в силу отсутствия иных рекламных возможностей, кроме как через объявления в газетах, как еще они могли заявить о себе на всю Россию? Да и не только на Россию тоже. Не все же крупнейшей стране мира было мелькать в заголовках всевозможных газет лишь в плане обвинений в бряцании оружием, которые в очередной раз полились полноводной рекой еще в процессе организации, к счастью уже завершившихся, мирных переговоров между Италией и

Абиссинией.

Вообще, как бы странно это ни звучало, сами виновники очередного военно-политического кризиса, потребовавшего вмешательства ведущих мировых держав, практически не принимали никакого участия в разразившейся битве дипломатов. Лишь пару раз сотрудники русского МИД-а проводили консультации с Иенишем, а так большую часть времени свалившие дальнейшие заботы со своих плеч "добровольцы" занимались подготовкой к убытию из Асэба.

Тогда, четыре месяца назад, одного взгляда на окружающие Асэб воды было достаточно, чтобы руки начинали опускаться сами собой. Кто бы что ни думал, но по окончании стрельбы работы не стало меньше. Наоборот! Ее, как бы, не прибавилось! Ведь теперь предстояло разгрести весь устроенный тут на пару с итальянцами бедлам и при этом не потерять впустую столь ценные время и деньги. Что, с учетом имеющихся сил, тянуло на очередной подвиг. Только теперь — трудовой. Хорошо еще, что со вставшей на якоря близ Асэба пришедшей с Дальнего востока русской эскадры не поскупились выделить рабочие руки и кое-какое оборудование. Ведь те же водолазы оказались более чем незаменимы при обследовании повреждений притопленных рядом с портом кораблей и последующих работах по заделке пробоин и иных отверстий оказавшихся ниже уровня моря. Все же бросать на произвол судьбы или отправлять на металлолом столь дорогие изделия, как боевые корабли, выглядело чистым безрассудством.

Еще при первой беседе с насевшими на него дипломатами, Иениш застолбил за собой право на все добытые в боях трофеи, каких бы размеров или какой бы ценности они ни были, согласившись оставить Абиссинцам лишь то, что они сами же захватили на суше и оба столь немало потрудившихся минных катера. Все же остальные суда и корабли, не принимая никаких возражений, он либо уже успел оформить на имя своего пароходства, как это произошло с захваченными судами, либо собирался сделать это после подписания сторонами конфликта мирного договора, оставляя на время боевые корабли под защитой вполне легитимного военно-морского флага Абиссинской империи. И то, что частному лицу в соответствии с законодательством Российской империи не позволялось владеть артиллерийским вооружением и уж тем более крейсером, остановить его явно не могло. Как ни крути, но Виктор Христофорович был моряком до мозга костей и если, пребывая на государственной службе, ему так и не удалось оказаться первым после Бога на борту настоящего крейсера, то сидевший на мели "Пьемонт" всем своим видом говорил, что давняя мечта получила право на воплощение. Печалило же в этой ситуации, помимо все еще существующей неопределенности, лишь понимание каких немислимых денег будет стоить исправление того, что они сами же и сотворили со всеми этими кораблями.

Впрочем, не было худа без добра. После стольких лет прошедших со времени трехлетнего кругосветного путешествия Иениш вновь повстречался со Степаном Осиповичем. Причем, случившейся встрече неимоверно рады оказались оба, хотя и не сильно сошлись во время памятного похода на "Витязе". Но памятные чтения тогда еще капитаном 1-го ранга Макаровым Устава, больше смахивающие на богослужения в соборе, а также многократные стрельбы минами Уайтхеда и постановки учебных минных заграждений ныне вспоминались Иенишем с немалым теплом, ведь полученный именно тогда опыт весьма немало способствовал его удачным действиям уже на двух войнах.

Макаров же куда больше воспоминаний прошлого, тяготел к делам нынешним. Точнее, недавно завершившимся. Не сумев обнаружить Иениша на Дальнем Востоке, дабы с

чувством, с толком, с расстановкой расспросить его о всех перипетиях боев с японцами, контр-адмирал решил отыграться за оставшееся весьма неудовлетворенным чувство любопытства ныне. Сколько десятков часов провели они вместе в адмиральском кабинете на борту "Николая I" не смог бы сказать ни один из них. Но, ни одна минута этого времени не была принесена в жертву праздности, за исключением разве что коротких перерывов на обеды иди легкие перекусы. Каждую минуту, каждую секунду они по косточкам разбирали действия всех людей, отдельных кораблей и эскадр в сражениях, через которые прошел Виктор Христофорович со своими людьми и после продолжительных, а порой и весьма бурных дискуссий совместно составляли доклад, что был обязан всколыхнуть застоявшееся болото Адмиралтейства. Ведь в результате выходило, что, за редким исключением, Русский Императорский Флот был абсолютно не готов к современным сражениям. И прекрасно зная, насколько тяжело проворачивались шестерни в этом громоздком государственном механизме, оба уже сейчас хватались за головы, представляя себе тот огромный объем работы, что требовалось бы проделать, позволь им кто-нибудь стать исполнителями всех этих реформаторских начинаний. И дело тут было даже не в деньгах, которых вечно не хватало. Умы людей имеющих право принимать решения — вот на что требовалось повлиять в первую очередь и что виделось обоим наиболее трудным, практически нереализуемым, действием. Слишком многое, как в армии, так и во флоте, решалось офицерами, генералами и адмиралами все еще мыслящими реалиями Крымской войны, тогда как неумолимо бегущее вперед время диктовало уже совершенно иные условия выгрызания победы у сравнимого по силе противника.

Да и собственные производственные мощности России явно не имели никакой возможности способствовать делу строительства того флота, что оба посчитали минимально необходимым в складывающихся международных отношениях. Ведь тот же броненосный "Рюрик", что столь сильно нервировал итальянского адмирала, у тех же англичан не вызывал особых опасений, поскольку, как и многие другие русские корабли, строился и вводился в строй слишком долго. И те характеристики, что еще пять лет назад казались превосходными, ныне вызывали лишь тихие вздохи разочарования. Нет, ни в коем случае нельзя было сказать, что новейший русский броненосный крейсер являлся гадким утенком. "Рюрик" являлся превосходным, красивым и сильным кораблем способным догнать и пустить на дно большую часть ныне существующих крейсеров, не говоря уже о транспортах, для охоты на которые он и создавался. Но до того как "русский волк" вышел в свой первый дальний поход, английские "судостроительные селекционеры" не только вывели достойную породу новых "сторожевых псов", но и спустили их на воду, нивелируя достижения офицеров Корпуса Корабельных Инженеров Российского Императорского Флота. И столь нерадостные дела обстояли во всех сферах военного кораблестроения России. Новейшие корабли закладывались либо в качестве подражания типам и конструкциям уже появившимся во флотах прочих мировых держав, либо в попытке соединения ежей с ужами, ярким представителем чего являлся тот же "Рюрик" и заложенные в прошлом году крейсера-броненосцы.

Конечно, можно было говорить, что у России попросту не было иного выхода, поскольку противников в мире у нее хватало, а вот денег, без которых нельзя было построить не то что броненосец, а даже угловую лодчонку, не хватало никогда. И чтобы противостоять немецким броненосцам на Балтике, а также иметь возможность прерывать английскую торговлю в водах трех океанов и десятков морей требовалось построить либо два корабля

абсолютно разного класса, денег на которые как раз не хватало, либо один, но содержащий в себе характеристики боксера-тяжеловеса и шустрого егеря. Но теперь, зная о незавидной судьбе "Рюрика" и "Осляби" в грядущей войне, Иениш превратился в самого ярого противника подобного подхода выбранного адмиралами русского флота. И во время бесед с Макаровым, всеми силами старался склонить того на свою сторону. Пусть Степан Осипович и не входил в узкий круг людей определяющих будущее отечественного флота, не даром же именно находящимся под его командованием флотом то и дело затыкали всевозможные "внешнеполитические дыры". Да и информация о том, кем он считался у потомков, стоила отнюдь немало в плане грядущего обсуждения будущего флота, которое, по мнению Иениша, несомненно, должно было состояться в весьма узком кругу, где непременно должны были бы присутствовать он сам и император всероссийский, как люди знакомые с ТАЙНОЙ. И подобные беседы, надо сказать, проходили совсем непросто. Контр-адмирал и сам имел определенное представление о лучшем корабле будущего. Можно сказать, он обогнал время на сотню лет, ведь, по его мнению, корабль вообще не должен был нести брони, обеспечивая себе боевую живучесть лишь солидными размерами и наличием большого числа водонепроницаемых отсеков. Тот же эпизод с японским вспомогательным крейсером "Сайкё-мару", который пришлось добивать самоходной миной, лег на благодатную почву его мыслей, и Иенишу с немалым трудом удалось вернуть адмирала в конструктивное русло обсуждения концепции броненосного корабля.

Не смотря на негласное звание самого активного и деятельного адмирала русского флота, даже Макаров, как и сам Иениш прежде, оказался ретроградом с зашоренным взглядом. Тот же новейший английский "Маджестик" или отечественный "Наварин" полагались им если не вершинами эволюции броненосного корабля, то близкими к этому. Даже не смотря на наличие в русском флоте трехбашенных броненосцев береговой обороны типа "Адмирал Грейг", а также появления у немцев их эволюционных потомков типа "Бранденбург", никто не рассматривал проекты кораблей с большим количеством башен орудий главного калибра. Те же немцы в конечном итоге вернулись к двубашенной схеме. И, надо сказать, у них были на то причины. Слишком тяжелыми выходили полноценные башни, слишком много места они занимали, а необходимость увеличивать для их размещения размеры корабля, мгновенно вызывала изжогу у всех облеченных властью принимать решения адмиралов. Ведь цена корабля рассчитывалась потонно, отчего в России до недавнего времени инженерам ставили строгие рамки водоизмещения корабля, за которые они не имели права выйти. Все это приводило к появлению не самых удачных образцов. Тот же балтийский "Гангут", прозванный "Одним недоразумением", черноморский "Двенадцать апостолов" или новые небольшие броненосцы береговой обороны, не смотря на причисление к роду броненосцев, вряд ли имели бы шанс уцелеть в бою с настоящим броненосцем. Ведь ни отбиться, ни убежать им было бы не под силу. Ну и развитие силовых установок тоже серьезно тормозило процесс перерождения броненосцев в линкоры. Однако, куда большую, нежели многие предполагали, палку в колесо эволюции броненосных кораблей вставляла система управления огнем. И немцы, и англичане, и французы пытались внедрить на своих кораблях центральную систему управления огнем и даже добивались определенных результатов. Вот только довести ее до ума смогли лишь к началу Первой Мировой Войны. И именно это планировал в корне изменить один из лучших специалистов в артиллерийском деле Российского Императорского Флота, каковым еще недавно числился Виктор Христофорович Иениш. И в отличие от всех прочих людей, имевших отношение к военному

кораблестроению, он проектировал свой предельный и возможный на текущем уровне развития технологий корабль, отталкиваясь именно от возможности внедрения на нем Центральной Системы Управления Огнем. Что, в свою очередь, требовало максимально снизить количество типов установленных на нем орудий и по возможности размещения всего вооружения в снабженных электрической системой наведения башнях, чтобы даже из центрального поста управления огнем артиллерийский офицер имел возможность наведения всех орудий разом и ведения полноценного залпового огня. И в ущерб этой поистине вожденной всеми военными моряками возможности он был готов принести в жертву, что скоростные характеристики корабля, что затраченные на его изготовление деньги.

Прекрасно зная, что в битве скоростей они все равно проиграют кораблям английской постройки, Иениш посчитал вполне приемлемым удовлетвориться максимальной скоростью хода в 15 узлов, но при этом сделал акцент на бронировании и вооружении корабля, что должен был стать истинной предтечей линкоров Первой Мировой Войны. Из всех нарисованных Иваном Ивановичем схем размещения артиллерии, он посчитал лучшей из реально применимого ту, кою в будущем и так выбрали русские кораблестроители — с четырьмя расположенными на одном уровне башнями главного калибра. Да, подобный проект уступал по возможности ведения огня на нос и корму кораблям с линейно-возвышенным расположением башен или будущим английским и немецким линкорам первых серий с 5-ю и 6-ю башнями главного калибра. Но зато позволял заметно сэкономить на строительстве, ничем не уступал прочим линейным кораблям в весе бортового залпа и вдобавок нес куда меньше рисков в плане остойчивости корабля. Все же даже сейчас при проектировании корабля и в процессе его строительства, ни сами кораблестроители, ни наблюдающие за постройкой инженеры не могли заранее сказать, где будет располагаться уровень метацентрической высоты. Даже журналы весовых нагрузок велись не для каждого возводимого на отечественных верфях кораблей. Так что опыты с прочими схемами он благоразумно решил оставить всем тем, кто, несомненно, включится в гонку вооружения, как только со стапеля сойдет первый корабль, спроектированный и построенный в соответствии с его ожиданиями. Дело оставалось за "малым" — выбрать проекты уже существующих корпуса броненосца, машин, котлов, башен и вооружения, чтобы собранные вместе они совмещались в тот самый корабль, о котором вот уже многие дни велись дискуссии на борту флагмана Средиземноморской эскадры.

Однако, помимо многочасовых зависаний в гостях у Макарова, отставной капитан 1-го ранга каждый день разрывался между работами по подъему кораблей и обеспечению жизни приходящего в себя города, где до сих пор разбирали завалы на месте обрушившихся домов. Хорошо еще что все вопросы с разворачиванием русского отделения Красного Креста как в самом Асэбе, так и в Абиссинии взял на себя Машков, а прибывшего познакомиться с земляками Леонтьева увлек в беседы на тему модернизации армии откровенно скужающий Иванов, которому оказалось попросту нечем заняться в силу отсутствия требуемого опыта. Мешаться же у людей под ногами он и сам не горел желанием, проводя большую часть времени за какими-то записями, да помогая в меру сил в госпитале. Кто же в тот момент мог знать, что лелеемое Иваном желание все же попытаться наложить свою лапу на часть трансваальского золота окажется несбыточной мечтой. Причем таковой ее сделает человек, на которого сам пришелец из будущего возлагал немалые надежды

И вот сейчас, стоя перед самобеглой коляской, в ожидании второй по счету аудиенции у Его Императорского Величества — Романова, Александра Александровича, Иван

прокручивал в голове первую встречу с хозяином земли русской, убежать от которой ему так и не удалось.

К его величайшему сожалению старая хитрость с попыткой спрятать на самом видном месте самое ценное — то бишь себя, не сработала от слова "совсем". Все же Иениш оказался слишком заметной и важной фигурой, чтобы император пустил на самотек не только все его начинания, но и личную жизнь, включая новые знакомства. Как-никак, отставной офицер, благодаря своим неоднозначным, но триумфальным действиям, кои вызывали восторг у одних и зубной скрежет у других, стал той фигурой, положение которой на "игральной доске" отныне следовало отслеживать во избежание, так сказать, неприятных неожиданностей. А ведь Иван, ставший компаньоном отставного офицера, как в официальных начинаниях, так и в "игре в добровольцев" оказался одним из немногих людей ранее не входивших в круг общения Виктора Христофоровича. Потому отработывавшие свой хлеб жандармы за считанные недели раскрутили всю подноготную этого доселе неизвестного человека и уткнулись в тот простой факт, что до осени 1893 года такого человека попросту не существовало, либо он провел всю жизнь в каком-нибудь медвежьем углу, куда и солнце заглядывало лишь по большим праздникам. Впрочем, справедливости ради, стоило сказать, что подобных мест имелось в избытке не только по всему миру, но и в России. Особенно в России с ее огромными просторами и явно недостаточным количеством дорог! Но в данной ситуации против Ивана сыграли показания выживших с "Русалки". Все как один, с кем сумели поговорить жандармы, опознали на предоставленной фотографии своего спасителя. А кем на самом деле являлся он, император знал прекрасно. Вот и вышло, что после подписания мирного договора между Италией и Абиссинией главные виновники получения Россией места для столь необходимой на пути с Балтики к водам омывающим Дальний Восток военно-морской базы получили "дружеский совет" от одного знакомого Иенишу офицера корпуса жандармов, затесавшегося в свиту цесаревича, вернуться обратно на родину как можно скорее. Причем, этот совет оказался подкреплен парой простых неофициальных писем от совсем непростого отправителя.

Все же Александр III был не тем человеком, чьи послания можно было бы проигнорировать, будь ты даже английской королевой. И вдвойне сие касалось граждан Российской Империи. А уж Иениша так и вообще не просто касалось, а буквально обволакивало из-за его статуса негласного перста монарха, проводящего в реальность проекты, что, без сомнения, являлись волей императора всероссийского. Во всяком случае, именно подобное мнение сложилось об этом отставном офицере в высшем обществе, как России, так и Европы, после событий в далеком Асэбе последовавших вскоре за его дебютом в Китае.

Учитывая же факт заметного освещения хода недавних боевых действий, как в поддерживавшей Абиссинию России, так и в Европе через французские газеты, не упускавшие шанса потоптаться по гордости итальянцев, не стать объектом пересудов держащих руку на пульсе людей, основные участники тех событий никак не могли. Вот так Иениш и превратился в человека, непосредственно за спиной которого маячила размытая тень, напоминающая своими очертаниями громадную во всех смыслах фигуру Романова Александра Александровича.

Вот только даже столь значительное возвышение фигуры Иениша в глазах общества и последовавшие за этим фактом всевозможные негласные преференции не могли перекрыть огорчения Ивана от предстоящей встречи с императором, которой он столь рьяно избегал на

протяжении двух с половиной лет своего проживания в этом времени. Любой иной человек на его месте, наоборот, прыгал бы от счастья, получи он приглашение от российского монарха "заскочить к нему на огонек", но пришедший из будущего гость ожидал от этой встречи куда больше проблем, нежели выгод. Нельзя было сказать, что он боялся ответственности или не желал помочь своей стране и народу обрести куда более спокойное будущее. Но давать советы, на что его, несомненно, начнут подбивать, считал для себя абсолютно невозможным. Это тогда, в свое время, при редких чтениях фантастических книг он когда-то полагал, что смог бы научить все тех прошлых правителей, как следует избегать тех или иных ошибок. Но, к счастью, все эти мысли "восторженного выюноши со взором горящим" выветрились из головы к тридцати годам. И попав таки в прошлое, Иван четко осознал, что на самом деле никак не смог бы стать непревзойденным советником, коему открыты едва ли не все тайны мироздания, по той простой причине, что он не имел никакого представления о реалиях прошлого, ставшего для него настоящим. Вспоминая, как нелегко ему поначалу давались даже простые походы в лавки или на рынок, он лишь горько усмехался своим мыслям гулявшим некогда в голове. Тем не менее, судьба таки решила подкинуть ему очередное испытание в виде беседы с императором, и теперь лишь оставалось принять его с высоко поднятой головой и постараться максимально скрыть охватившее тело и разум волнение.

Впрочем, как впоследствии выяснилось, мандражировал он зря. Их совместный с Иенишем визит в Гатчинский дворец, куда оба прибыли инкогнито, все же смог развеять часть страхов и сомнений Ивана по поводу своего будущего. Никто не стал хватать его и топить в ближайшем пруду. Никто даже не попытался заключить его в золотую клетку, не говоря уже о простой камере. Естественно, нельзя было сказать, что они посидели с императором за кружечкой чая, как старые знакомые. Нет. Прием хоть и происходил не в Зимнем дворце, носил более чем официальный характер. Будучи весьма неглупым человеком, Александр III смог подобрать очень верный стиль общения, чтобы не спугнуть и уж тем более не поставить против себя человека обладающего практически сакраментальными знаниями. Посол иностранного, но более чем дружественного государства — именно такую роль отвел гостю из будущего монарх, что, несомненно, способствовало более открытому общению.

— Ваше императорское величество. — синхронно вытянулись по струнке смирно, каждый в меру своих способностей, и склонили головы оба мужчины.

— Господа. — милостиво кивнул им в ответ император. — Рад, что столь долгожданные гости — выразительно посмотрел он на Ивана, — все же предстали пред моими очами, не смотря на все обстоятельства последних лет вашей непростой жизни. — Кинув мимолетный взгляд на закрывшиеся за спинами посетителей двери кабинета и удостоверившись, что никто не сможет их подслушать, монарх поднялся из-за рабочего стола и сам подошел вплотную к все еще мнущимся на входе в кабинет мужчинам.

— Ну, здравствуйте Иван Иванович, здравствуйте ГОСТЬ. - выделил интонацией последнее слово император, первым протягивая руку для пожатия. — Кто бы знал, как я желал и страшился встречи с вами. С тем, кому ведомо неведомое. С тем, кто предоставил стране ценнейшую информацию, чем уже помог избежать огромного количества ошибок и начать принимать более верные решения. С тем, кто не захотел взамен ничего, даже заслуженного за спасение моряков с "Русалки" вознаграждения. С тем, кто смог убедить вернейшего офицера солгать, глядя прямо в глаза своему императору. И вот после этого мне

стало в разы интереснее узнать, какими же такими знаниями вы еще располагаете, что Виктор Христофорович посчитал за меньшее зло ввести в заблуждение НАС, нежели позволить НАМ узнать всю правду о том, что ждет МОЮ страну.

— Кхм...здравствуйте. — промямлил в ответ Иван, удерживая на весу так и не встретившуюся с рукой императора кисть, которая застыла на месте, стоило приветственной речи хозяина кабинета перетечь не сказать что в обвинительный, но в упрекающий тон точно. И то, что высказывали ему за дело, как набедокурившему школьнику, подтвердили предательски заалевшие уши. Однако, кинув короткий взгляд на Иениша, у которого вдобавок принялись пылать красной краской и лицо с шеей, он даже несколько успокоился. Все же не ему одному предназначалась эта фраза, и высказанное недовольство можно было поделить надвое. А вдвоем справляться с неприятностями было куда как веселее. "Давай бояться вместе!" — внезапно всплыла у него в голове фраза из какого-то мультика, виденного в далеком детстве. — Ваше императорское величество. — все же добавил он спустя короткий промежуток времени и пожал таки огромную ладонь монарха.

— Мне нет прощения, ваше императорское величество. — понуро склонил голову Иениш, не дожидаясь, когда взгляд Александра III перейдет с его товарища на него самого. Пусть отставной капитан 1-го ранга и знал заранее, что прежняя ложь будет поставлена ему на вид, но все равно оказался не готов. Во всяком случае, смотреть не то что в глаза, а даже в лицо монарха в данный момент было бы для него куда труднее, нежели совершить дневную атаку вражеского броненосца на минном катере случись таковая в реальности.

— Это так, господин капитан 1-го ранга. — перешел от прищельца из будущего ко второму своему посетителю император. — Но, тем не менее, я вас прощаю. — протянув для пожатия руку и получив в ответ крепкое рукопожатие, слегка кивнул отставному офицеру монарх. — Делами своими вы низвели в ничто тот негатив, что возник в душе моей, когда стала известна правда о мнимом исчезновении нашего воистину дорогого гостя. Очень многие были вынуждены весьма сильно задуматься о возможностях российского флота по факту ваших успехов достигнутых с применением весьма скромных сил. И пусть в будущем это может выйти нам всем боком в виду чрезмерно возросшей самоуверенности офицеров нашего флота явно не соответствующей их знаниям и навыкам, если судить по тому, что стало известно нам всем, но дополнительный политический вес в эти непростые времена оказался более чем полезен во многих делах. Но, да не о том я желал поговорить с вами, господа. Пока вы героически отстаивали интересы России и отныне союзной нам Абиссинии в водах Красного моря, я заранее обдумывал, чем возможно было бы занять вас по окончании боевых действий с Италией и до начала войны с Японией, которой, несомненно, предстоит быть, что бы мы ни предприняли. Расширяться за счет внешней экспансии — это единственный путь выживания любой империи. А японцы, не смотря на крохотные размеры своих земель, считают себя империей. И считают вполне справедливо, раз уж однажды им уже удалось то, что до сих пор кажется мне немыслимым. Вновь соваться в Китай им будет не с руки, Америка слишком далеко, Корея и так теперь полностью находится в их руках. Впрочем, организовав убийство императрицы Мёнсон, японцы сами развязали руки многим заинтересованным сторонам, и теперь их позиции в Корее куда как более шатки, нежели сразу по окончании войны с империей Цин. Вот и выходит, что кроме как зариться на наши дальневосточные земли им ничего иного и не остается. Не Порт-Артур, так Владивосток станет центром неминуемого противостояния. Да и отдавать первый на откуп какой-либо из европейских держав никак неуместно. Мы все еще

слишком слабы на Дальнем Востоке и английская, французская либо немецкая военно-морская база, с которой весьма быстро окажется возможным дойти до наших практически не прикрытых и при этом весьма протяженных сухопутных границ, станет ключом к потере нами этих столь далеких, но столь богатых всевозможными ресурсами земель. Как вы понимаете, допустить подобное я не имею никакого права. Или, может быть, вы полагаете, что я в корне не прав? Прошу вас, Иван Иванович, Виктор Христофорович, выскажите свое мнение. Все же это вопрос, который я пока не вправе обсуждать ни с кем. Только с вами.

— Если позволите, ваше императорское величество, — подал голос Иениш, — то мы с Иваном Ивановичем в ходе долгих и многочисленных дискуссий все же сошлись в определенном мнении о грядущей войне. И я позволю себе его озвучить. — получив дозволительный кивок от монарха, отставной офицер продолжил, — Дабы не получить новых сюрпризов, о коих мы не сможем никак узнать, нам следует идти уже однажды проторенной дорожкой. Дорожкой, о ямах и ухабах на которой нас предупредил Иван Иванович. И хоть мы своими действиями уже внесли определенные изменения в ход истории, подготовка к войне с Японией не должна отличаться от того, что нам стало известно. Но не в частности, а в общем. А потому следует быть, как Порт-Артуру, так и всем тем кораблям, что уже встречались в бою с японцами во времена известные нашему дорогому гостю. Вот всяком случае, нам не следует превышать тот количественный состав крейсеров и броненосцев, дабы не спровоцировать противника на ответные действия и не растрачивать казенные средства на корабли, что все разом устареют уже через десять лет с появлением на свет первого линкора оснащенного не только куда большим количеством орудий главного калибра, но и новейшей силовой установкой. Однако, никто не может нам запретить сделать ставку на качество и некоторую конструктивную революционность наших будущих выпелов с одновременным отказом от анахронизмов вроде таранных форштевней и многочисленной, но откровенно бесполезной артиллерии противоминного калибра, а также новейшее вооружение, как морское, так и сухопутное. — все же Иениш являлся военно-морским офицером, а не политиком и потому посчитал возможным для себя комментировать только ту область, в которой он мог полагать себя изрядно сведущим, оставляя всевозможные подковерные вопросы на откуп дипломатам. — Мы знаем, какие корабли будут противостоять нам в сражениях, мы знаем результаты ряда этих сражений и примерное время, когда они происходили. Та же гибель все еще не существующего "Варяга" в корейском Чемульпо в первые дни войны, может позволить нам подловить весьма крупные крейсерские силы японцев, включая один из их броненосных крейсеров. То же самое касается тех броненосных крейсеров, что были закуплены японцами в последний момент у итальянцев. Нам известно, что прибыли они в страну восходящего солнца уже после начала войны, а, стало быть, вполне реально сделать так, чтобы они не дошли до порта назначения. Да, что-то будет совсем иным. Все же из-за нашего вмешательства японцы потеряли ряд своих кораблей и моряков во время войны с Китаем и вполне могут заказать некоторое количество дополнительных авизо или небольших бронепалубных крейсеров для возмещения понесенных потерь, но это не те корабли, что выигрывают войны. Следовательно, нам надо сохранить статус-кво в броненосных силах флота. Но на сей раз не прозевать первую атаку японских миноносцев и самим устроить ряд весьма неприятных сюрпризов. Те же подводные лодки, что, по словам Ивана Ивановича, одним фактом своего появления во Владивостоке отваживали от него японский флот, вполне неплохо могли смотреться в Порт-Артуре. Ну и естественно мы не имеем права не воспользоваться информацией о слабых

сторонах тех или иных проектов наших кораблей. Пусть подобной информации имеется куда меньше, чем хотелось бы, но даже этого достаточно, чтобы отказаться от строительства не совсем подходящих для войны с Японией кораблей и заложить вместо них вымпелы, что заставят противника показывать корму при встрече. В результате, количество останется тем же, как и размеры затраченных средств, а вот качество! Качество должно быть совершенно иным! То же касается и устройства обороны Порт-Артура, а также вооружения и подготовки тех армейских частей, что окажутся ввязаны в боевые действия. Иван Иванович посчитал невозможным просветить о многом грядущем даже меня, дабы не ввергать в раздрай мой разум. Но то, что потомкам пришлось весьма немало повоевать в грядущем веке — неоспоримо. И каждая война всегда приводила к эволюции, как тактики, так и вооружения. Нам же выдалась возможность не проходить тот же путь наравне со всеми, не набивать многочисленные шишки, а сделать, так сказать, эволюционный скачок по однажды уже проверенному пути, результат которого должен будет повергнуть в шок не только японцев, но всех стоящих за их спиной. Таково наше мнение — если говорить в общих чертах.

— Значит, эволюция. — огладив свою бороду, пробормотал император и воззрился на Ивана — Не революция? Не применение не имеющих аналогов средств ведения войн?

— Виктор Христофорович сказал верно, ваше императорское величество. — прочистив несколько пересохшее горло, вновь подал голос Иван. — Двадцатый век окажется весьма кровавым. И многое изменится в способах и правилах ведения боевых действий, что на земле, что на море. Но здесь и сейчас на революционные изменения у нас нет, ни временных, ни финансовых, ни человеческих, ни технических ресурсов. А потому все улучшения, кои вполне реально достичь с применением имеющихся сил и средств, должны быть именно эволюционными. Так, к примеру, не следует гнаться за идеей создания массовой автоматической винтовки или постройки эскадры быстроходных тяжелых крейсеров с паровыми турбинами. Все это станет вполне возможным в ближайшие годы, но выльется в столь масштабные затраты абсолютно всех ресурсов, что они не смогут окупиться. В своем времени я получил высшее экономическое образование, ваше императорское величество, а потому мыслю несколько иными императивами, нежели профессиональные военные. Все те потребности и желания, что некогда высказывались Виктором Христофоровичем, я старался рассматривать с позиции затраты-эффективность, шаг за шагом приближая нас обоих к тем проектам, что могли бы увидеть свет и изрядно удивить, как наших врагов, так и мнимых союзников, кои реально осуществить с применением имеющихся норм и технических возможностей. Зачастую ведь надо лишь немного подправить конструкцию того или иного изделия, дабы оно приобрело, с виду, незначительные дополнительные свойства. Но при внесении изменений не только в вооружение и механизмы, но и в тактику их применения, подобные незначительные усовершенствования позволяют солидно повысить боевую эффективность. Я сейчас не считаю возможным вдаваться в технические подробности, которые и так уже изложены на бумаге, а просто хочу сказать, что сейчас уже имеется более чем достаточное количество технических новинок и систем вооружения, что пройдут через войны грядущего века, претерпевая лишь относительно небольшие изменения и при этом оставаясь более чем грозным вооружением. Нам лишь следует стать первыми, кто сумеет реализовать весь вложенный в них конструкторами потенциал. То же, как правильно заметил Виктор Христофорович, касается и флота. Не надо стремиться первыми построить аналог английского "Дредноута", который поразит мир в 1906 году. Не следует поддаваться

желанию создать самый быстрый, самый защищенный, самый вооруженный корабль в мире. Давайте построим почти классический броненосец, но с тремя или четырьмя башнями главного калибра расположенными в продольной плоскости. Тем более что подобные корабли в составе Российского Императорского Флота уже ходят не один десяток лет. Да, они не будут самыми быстрыми, но возможностей главного броневого пояса выдержать попадание японского фугаса крупного калибра и наличия вдвое большего количества орудий главного калибра в ответном залпе окажется вполне достаточно, чтобы заставить противника пожалеть о встрече с подобным кораблем! — к концу своей эмоциональной речи Иван так увлекся, что принялся размахивать руками, пытаясь на пальцах продемонстрировать возможности многобашенных кораблей. Опомившись же, он мгновенно стушевался и резко затих, чем вызвал короткий добрый смех у императора.

— Благодарю за столь понятные объяснения, Иван Иванович. Надеюсь, что мне столь же наглядно не придется объяснять господам генералам и адмиралам все те коррективы, что, несомненно, придется вносить в устройство наших армии и флота после вдумчивого осмысления вашего доклада и консультаций со сведущими специалистами. И если с армией я постараюсь управиться сам, то вопросы формирования и подготовки к грядущим испытаниям флота я желал бы возложить на ваши плечи, Виктор Христофорович. Хватит вам уже испытывать судьбу, находясь под градом вражеских снарядов на ничем не защищенных мостиках небольших кораблей или того более — лично вести огонь из орудий по вражеским крейсерам. — продемонстрировал свою изрядную информированность монарх, не забыв погрозить Иенишу пальцем. — Не с вашими, как прежними, так и приобретенными, знаниями и опытом заниматься столь мальчишескими делами. Для того у нас имеется изрядное количество молодых мичманов и лейтенантов жаждущих славы. Вот пусть они ее себе и добывают в будущих возможных сражениях. Вам же, Виктор Христофорович, пришло время остепениться и заняться тем делом, участием в котором вы принесете куда как больше пользы отечеству, нежели потоплением очередной лоханки где-нибудь за тридевять земель.

— Вот она. Золотая клетка. — чуть ли не выдохнул себе под нос Иван, столь тихо произнес он эти слова, но все же был услышан.

— Нет, дорогой гость! Не золотая клетка! А ответственный пост! — аж прихлопнул ладонью по столу, у которого все и разместились, император. — Пост, который можно доверить ряду достойных людей, но который должен быть занят не только достойным, но и самым сведущим! А кто как не капитан 1-го ранга Российского Императорского Флота, обладающий солидными знаниями, как вооружения, так и несения службы с ведением активных боевых действий сможет лучше всех прочих подготовить наши корабли к боям!? Тем более что Виктор Христофорович и до вашего вмешательства был известен, как большой специалист в артиллерийском деле! Вот пусть и доказывает на практике истинность ваших общих суждений. У меня много адмиралов и капитанов 1-го ранга! У меня даже имеется несколько Иенишей! Но Виктор Христофорович Иениш у меня один! И потерять вас — повернулся он к несколько опешившему отставному офицеру, — по глупой случайности, я не имею никакого права! Потому отныне на ваши плечи ложится задача создания концепции тех кораблей, что принесут нам победу в грядущей войне! Ну и по артиллерийской части вы тоже, несомненно, будете привлечены к делу. А что касается вашего пароходства и планов по его всестороннему развитию, никто не будет запрещать вам владеть им и руководить. Более того, отныне именно суда вашего пароходства будут фрахтоваться для снабжения

углем наших кораблей находящихся в Средиземном море и на Тихом океане. Также вам будет передан подряд на поддержание запасов топлива на угольной станции в Асэбе. Это самое меньшее, что я могу сейчас сделать, дабы отплатить вам за ту пользу, что вы принесли России. Так что ремонтируйте свои суда, набирайте экипажи и работайте. Никто препятствий вам чинить не станет. И даже если появится кто-нибудь излишне ретивый... Полагаю, подобный человек изрядно огорчит меня своими действиями. Только и вы со своей стороны извольте действовать со всем прилежанием, не жалея сил своих.

— Не извольте беспокоиться, ваше императорское величество. — вскочил со стула и склонил голову Иениш, получивший действительно очень неплохой подарок, — Все будет сделано в лучшем виде. — наличие судов далеко не всегда означало наличие возможности заработать на их эксплуатации денег, что то и дело приводило к разорению больших и малых пароходств. И столь заманчивый, а также явно долгосрочный заказ от казны стоил дорогого. Единственная проблема заключалась в том, что из всех новых трофеев к этому делу можно было пристроить лишь бывший "Польцевера", да и то с натяжкой из-за его скромной грузоподъемности чуть более тысячи тонн. А вот лучше всех прочих подходящий для подобной работы "Владивосток" все еще лежал на песчаном дне близ Асэба с солидных размеров пробоиной в борту. И теперь вопрос возвращения его в строй поднимался в списке первоочередных задач едва ли не на первое место. И ведь мало было его поднять, потрудившемуся и пострадавшему судну требовался еще средний ремонт. Возможно, даже что до ввода его в строй на линию доставки угля в Асэб следовало поставить бывший же "Тринакрия", чьи трюмы и так вмещали не менее трех тысяч тонн угля, не считая собственных угольных ям, а после относительно простой переделки и демонтажа из трюма многочисленных ярусов коек для перевозки солдат эту цифру реально было бы довести до четырех с половиной тысяч тонн. Но рассчитанный на быструю доставку пары тысяч солдат теперь уже бывший войсковой транспорт Королевского флота все равно был бы вынужден таскать вхолостую почти тысячу тонн веса котлов и машин, что были необходимы ему во время военной карьеры, но откровенно мешали в мирной жизни. Впрочем, с подобными проблемами сталкивались все суда, так сказать двойного назначения, чья эксплуатация далеко не всегда являлась выгодной, вынуждая порой отказываться от эксплуатации особенно убыточных вымпелов. Однако, все это было делом будущего, а здесь и сейчас продолжалась беседа с государем императором, и потому Иениш постарался задвинуть все эти мысли на второй план. — Но, позвольте узнать, в качестве кого вы желаете меня видеть на флоте?

— Тут я буду вынужден слегка огорчить вас, Виктор Христофорович. Возвращать капитана 1-го ранга в отставке Иениша в действующий состав флота никак нельзя. Вы получите гражданскую должность Военного советника при начальнике Главного управления кораблестроения и снабжений, что соответствует вашему шестому классу в табели о рангах. Но при этом будете обладать весомыми полномочиями. А ваша репутация, надеюсь, позволит вам легко находить общий язык с господами адмиралами и офицерами. К сожалению, чин Статского советника я смогу присвоить вам не раньше, чем через три года. Надеюсь, что на данной должности вы сможете продемонстрировать столь же грандиозные успехи, какие вы показывали на мостике своей яхты. — усмехнулся император, выделив интонацией последнее слово. — Кстати, вы уже решили, что будете делать со всеми захваченными кораблями? До меня доводили информацию, что вы смогли отбить у итальянцев пару не сильно поврежденных крейсеров.

— Честно говоря, о данном вопросе мы пока еще не задумывались — хватало куда более насущных проблем, ваше императорское величество. Но в любом случае наиболее ценные корабли непременно будут отремонтированы. Более того, бывший итальянский "Пьемонт" уже прибыл к берегам Франции и введен в сухой док для должного исправления полученных повреждений. Через пару лет начнется Англо-Бурская война, а Иван Иванович имеет весьма серьезные планы на золото, что до сих пор покоится в недрах Трансвааля и то и дело утекает из его рук прямоком в хранилища английских банков. — усмехнулся Иениш, покосившись на своего спутника.

— А вот этого, господа, я вам позволить не смогу. — тяжело вздохнув, одним махом расстроил все планы Ивана хозяин земли русской. — Слишком часто в последние годы мы дергали этого тигра за усы и даже продолжаем дергать там, где пересекаются наши интересы. Впрочем, они отвечают нам той же монетой. Пока и мы, и они терпим, но существуют границы, переходить которые не следует никому. И золото Трансвааля, а также их грандиозный торговый флот, на который вы, несомненно, нацелились — это тот неприкосновенный святой Грааль, даже смотреть в сторону которого опасно не только для вас, но и для России в целом. Мне понятны и даже близки ваши мотивы. Но все же нет. Найдите себе иное занятие, что окажется вам по душе, господин гость. Или, может, вы позволите мне задать вам вектор, который, я полагаю, придется вам по душе?

— Несомненно, ваше императорское величество, я со всем вниманием выслушаю вас. — тут же отозвался сдвинувшийся Иван, получивший от ворот поворот в столь желанном деле.

— Если мне не изменяет память, больше англичан вы недолюбливаете только американцев и немцев. Полагаю, что причины нелюбви не известны не только мне, но и господину Иенишу? — дождавшись утвердительного кивка от отставного офицера, Александр Александрович продолжил, — Может вы все же посчитаете возможным приоткрыть для нас завесу тайн того будущего, которое вы не хотели делать достоянием любого моего современника? Хотя бы в части вашего отношения к представителям САСШ и Германской империи?

— Хитро, ваше императорское величество, — усмехнулся попытке самодержца разболтать его Иван, — хитро. Но так уж и быть. Кое-что я вам поведаю. Как вы сами можете помнить, в моем первом докладе, что был передан Виктором Христофоровичем вам в руки, я прервался на начале Мировой войны.

— Именно так, Иван Иванович. И я не могу сказать, что меня не напугали два этих слова.

— Уже после, в беседах с Виктором Христофоровичем, я пару раз проболтался, не уследив за своим языком. Вы ведь понимаете, о чем я говорю? — повернулся он к Иенишу.

— Первая. — тихо произнес отставной офицер. — Вы говорили — "Первая Мировая Война", что подразумевает под собой как минимум факт начала Второй Мировой Войны..

— Именно. — кивнул Иван. — Мир в грядущем веке познает множество войн и военных конфликтов. Но ни один из них по жестокости и влиянию на устройство всего мира не сравнится с Первой и Второй мировыми войнами. Скажите, ваше императорское величество, какова ныне численность населения Российской империи?

— К сожалению, не имею возможности ответить на ваш вопрос. — развел руками самодержец. — Первая всеобщая перепись населения хоть и готовится уже с прошлого года, вряд ли начнется ранее года следующего. Потому ныне разве что Всевышнему ведомо сколько и какого народа проживает в границах России.

— Вот даже как? — удивился Иван, — Не знал. — Почесав затылок, он решил подкорректировать свой вопрос. — В таком случае, как вы полагаете, двадцать семь миллионов человеческих жизней — это много?

— Я даже не могу сказать, насколько это громадная цифра.

— Именно столько потеряла наша страна только убитыми во Второй Мировой Войне. — глядя в глаза императора, произнес Иван.

— Господи, прости нас грешных. — трижды осенив себя крестным знамением, схватился за голову Александр III, ведь услышанная цифра попросту не укладывалась в голове.

— А еще половина от озвученной мною цифры погибли в результате Первой Мировой Войны и последовавших за ней событий. — решил не жалеть своих собеседников Иван.

— Но почему? — подняв блестящие от рвущихся наружу слез глаза на гостя из будущего, прошептал Иениш. — Иван Иванович, почему вы не предупреждали о столь грандиозных трагедиях ранее? Ведь у нас еще столько времени в запасе!

— Да потому что времени, на самом деле, нет. Мировой войне быть, хотим мы того или нет. Слишком большой клубок противоречий ведущих мировых держав скатывается из года в год. И распустить его нечего даже и мечтать. Нет! Он должен взорваться, как гнойный прыщ, всей той скапливающейся внутри гнилью. И участие в этом мировом безумии России предопределено. Предопределено теми миллиардами золотых рублей государственного долга, которые не могут не влиять на принятие тех или иных решений. Предопределено жаждой генералов и адмиралов повесить себе на кители побольше наград, да забраться повыше по иерархической лестнице. Предопределено самоуверенностью власть имущих. Предопределено потребностью каждой империи постоянно расширяться за счет внешней экспансии. Не вы ли это совсем недавно говорили, ваше императорское величество? — поинтересовался Иван у болезненного, старого, осунувшегося человека в которого буквально на глазах превратился еще секунду назад казавшийся огромным и непоколебимым, словно скала, император. — Но все это так, предисловие, что должно помочь вам понять, отчего я недолюбливаю немцев, англичан и американцев. Ведь все эти беды свалятся на голову нашего народа, нашей страны не только по вине тех, кто повел ее не по правильному курсу, но и в результате планомерной подготовки правительств Англии, Америки и Германии. Одни дадут деньги и создадут условия для разжигания конфликта, вторые обеспечат всех необходимыми ресурсами, а третьи пойдут как на убой, так и убивать. Вы знаете, у меня дома в тумбочке под телевизором осталась лежать коробка с наградами прадеда. Он прошел всю Вторую Мировую Войну, точнее Великую Отечественную, как было бы правильно называть ее нам. Нельзя сказать, что он вернулся домой с увешанной наградами грудью. Нет, домой он принес лишь три награды и два десятка осколков, что оставались в его теле до конца жизни. Но каждая из этих наград бесценна по той простой причине, что он вернулся домой живым, пройдя всю войну! И вы знаете, среди этих трех самых простых солдатских, но самых дорогих для меня наград, есть одна, которая никогда не даст мне забыть, в каком городе я родился. Потомком жителей какого города я являюсь. Пусть я в свою былую бытность и работал спокойно, что с американцами, что с немцами и всеми прочими иностранцами, не испытывая конкретно к этим людям какого-либо негатива, я никогда не забывал трех простых слов отчеканенных на невзрачном и потертом латунном кружляшке. Трех слов, за которыми скрываются почти 900 дней блокады, трех слов, за которыми скрываются один миллион погибших от голода, холода, пуль и снарядов жителей и защитников города, трех

слов, за которыми скрываются муки сотен тысяч людей вынужденных месяцами довольствоваться 200 — 300 граммами хлеба в день и считавших тощую крысу изысканным деликатесом. Дабы не мешать вам, жителям этого времени, творить новую историю, и впоследствии отвечать за дело своих рук, я не буду говорить, что там было написано дословно, но если переиначить эти слова на сегодняшние реалии, то получится — "За оборону Санкт-Петербурга".

"Хрясь" — коротко вскричало кресло, и император с недоумением посмотрел на зажатый в руке обломок подлокотника вырванного, что называется, с мясом. Медленно положив деревянный обломок на стол, он столь же медленно вытер друг о друга руки и сжав кулак, продемонстрировал тот посетителям, сунув его обоим по очереди едва ли не под нос.

— Вот им всем, а не Санкт-Петербург! — прорычал вновь преобразившийся в императора человек, которого в данный момент язык не поворачивался назвать уставшим или же выглядящим болезненно.

— Не тем грозите, ваше императорское величество. — оценив размеры кулака монарха, едва слышно хмыкнул Иван. — Причем, я сейчас имел в виду не нас с Виктором Христофоровичем. Вам ли не знать, что не народы и даже не страны начинают и заканчивают войны? Капитал, и те, кто ему служат — вот истинные виновники всех войн. Но вряд ли нам когда-нибудь будет суждено встретить на поле боя кого-нибудь из Ротшильдов, Рокфеллеров и им подобным. Правда, для них удар по карману будет куда страшнее потери кого-нибудь из родни. И потому бить нам надлежит именно по их карманам, по их вложениям.

— Это была одной из причин, по которой вы так жаждали появиться в Трансваале? — поинтересовался выдохнувший и слегка успокоившийся после вспышки ярости император.

— Я не жаждал там появляться, ваше императорское величество. Я просто считал это хорошим ходом с нашей стороны.

— И тем не менее — нет. — пристально посмотрев на пришельца из будущего, не стал менять своего решения Александр III. — Столь сильно задирать англичан нам никак нельзя. А вот насчет их кузенов я подумаю. Сильно подумаю! — слукавил император, поскольку все им уже было решено еще полгода назад. Иначе истории с пропихиванием черноморских броненосцев в Средиземное море вообще не случилось бы.

Целый день Иванов с Иенишем провели в компании императора, которого интересовали не только и не столько грядущие исторические события, хотя и о них он спрашивал много, сколько изменения в жизни и мировоззрении человечества будущего. Да, кое-что ему уже было известно из записей некогда переданных ему Иенишем. Но читать сухие строки отчета и иметь возможность поговорить с живым свидетелем всех грядущих свершений — это были две не просто большие, а огромные разницы. Медицина, образование, мода, досуг и сотни прочих тем поднимались императором во время беседы, и далеко не все услышанное приходилось владельцу земли русской по душе. Но, надо отдать ему должное, ни разу Александр III не высказал повествующему о грядущем своего недовольства. Но не потому что он являлся смиренным человеком, безропотно принимавшим удары судьбы, а потому что гость тоже оказался на диво благоразумным человеком. Ни разу он не попытался навязать императору свое мнение, что поднаторевший в политике император подметил сразу. Факты и только факты — вот, что составляли основу повествования и ответы на поставленные вопросы. Иван лишь предоставлял информацию, позволяя хозяевам этого времени самим проводить анализ и принимать те решения, что могли быть реализованы в имеющихся

условиях.

Но помимо разрешения немало мучавшего Ивана вопроса с его официальным статусом в этом времени, получением Иенишем солидных полномочий и возможностей как в плане личного развития и увеличения капитала, так и в плане подготовки к будущему противостоянию, встреча с императором принесла немало новых забот. Впрочем, заботы были, можно сказать, приятными. Так, помимо получения прав на снабжение флота углем, они получили дозволение на разработку угольных пластов Сучанского каменноугольного бассейна. Впрочем, выгонять оттуда тех, кто уже пытался организовать там добычу угля никто не стал, по той простой причине, что в подобном шаге не было никакой нужды. Как оказалось, находившиеся во Владивостоке совладельцы пароходства "Иениш и Ко" предоставили не совсем верную информацию, касающуюся обнаруженных залежей угля. Да, они были правы в том плане, что ныне проводящаяся выработка угольного месторождения откровенно не дотягивает до возложенных на него надежд. Ошибка же заключалась в том, что работы проводились не частным подрядчиком, а за счет казны, поскольку за два года, с того момента как подошел к концу первый этап изыскательных работ экспедиции горного инженера Дмитрия Львовича Иванова, не нашлось желающих вкладывать деньги и силы в столь рискованное занятие, как развитие угледобычи в глухой тайге. Так что возведение поселков, дорог и даже оснащение шахт некоторым количеством машин и механизмов производилось за счет государства. И все эти активы на ближайшие 25 лет передавались в полное пользование пароходству Иениша, но с наказом многократно преумножить имеющееся и дать, наконец, столь необходимый флоту отечественный уголь в потребных количествах не позднее чем через два года. К тому же им в очередной раз подтвердили "линию партии" в вопросе борьбы с браконьерами и пообещали в случаях поднятия большого ора недовольными японцами, американцами и англичанами прикрытие с самого верха.

Но прежде чем заняться новыми делами, требовалось подвести итоги "Африканской компании". Так, откровенно разгромленный итальянский "Флот Красного моря" оставил после себя в прилежащих к Асэбу водах столько потопленных или подтопленных кораблей, что даже простая сдача их на металлолом могла принести свыше миллиона рублей. Дело оставалось за "малым" — поднять это все и отвести на разборку. И пусть судоподъемных фирм в мире имелось в достатке, да и погибшие корабли большей частью нашли свой покой на мелководье, выставляя всем желающим на показ торчащие над водой трубы и мачты, удаленность этих мест от цивилизации и многочисленные акулы, что облюбовали местные воды, превращали процесс подъема в более чем затратное и долговременное мероприятие требующее постоянного пригляда со стороны кого-нибудь из высшего руководства пароходства "Иениш и Ко" получившего права на весь этот металлолом. Да и те корабли, что реально было вернуть к жизни, никак нельзя было оставлять без присмотра. Потому, на родину вместе с приведенными на Балтику трофеями смогли вернуться лишь раненные, да пятерка сопровождающих, в числе которых оказались Иванов и Иениш. Все же, являясь основными владельцами пароходства, именно они имели право принимать решения по столь серьезным проектам, как продажа трофеев и наем судоподъемной компании, а также были обязаны брать на себя хлопоты по окончательному расчету со своими людьми, включая выплаты на лечение и компенсации семьям погибших. Как бы Виктор Христофорович ни желал переложить этот непростой долг на плечи кого-нибудь другого, но именно он повел доверившихся ему людей на войну, и потому именно ему надлежало теперь смотреть в глаза

родных тех, кто уже никогда не вернется домой. А число последних к моменту ухода из Асэба возросло до двадцати девяти человек — все же отсутствие антибиотиков и должного медицинского ухода сыграли свою пагубную роль, так что не всем раненым удалось сохранить жизнь. И вот теперь они раз за разом стучались в двери комнат, небольших квартир или домов, дабы принести очередной семье горькую весть. И как было не трудно догадаться, ни в одной из них они не являлись желанными гостями, не смотря на огромные деньги, что оставались лежать на столе или тумбочке после их ухода. Три тысячи рублей, помимо полного оклада за весь срок компании, — именно столько в соответствии с заключаемыми контрактами они обязывались выплачивать семьям потерявшим своих мужей, сыновей или братьев. Да, это были огромные деньги — зарплата за десять лет среднего рабочего. Но в отличие от государственного флота способного позволить себе не считать людские ресурсы, частная лавочка, каковой являлось предприятие организованное Иенишем, могло рассчитывать на пополнение своего состава исключительно за счет своей репутации. А потому, чтобы иметь возможность выбирать лучших из лучших, а не кого Бог пошлет, требовалось делом доказывать выполнение взятых на себя обязательств. Пусть подобное и влетало в копеечку. И хоть оба прекрасно осознавали, что люди потеряли своих родных, а ряд многодетных семей — кормильцев, выданных денег было откровенно жалко. Все же сотня тысяч рублей ой как могли пригодиться им вскорости в виду необходимости устройства не малого количества поселков, шахт, заводиков и складов на Дальнем Востоке.

Эти, а также заботы по регистрации и постановке на ремонт или обслуживание приведенных на Балтику бывших итальянских судов вырвали у Иениша еще пару недель. И пусть никаких препон в деле документооборота не возникло, эти четырнадцать дней оказались для него настоящим испытанием. Уже на второй день после появления в столице империи ему перестало нравиться становиться центром внимания при любом выходе из дома. В него разве что не тыкали пальцем, заведя идущим на улице или расположившимся в коляске. А ведь не показываться было нельзя. И потому грядущие походы в театры, о которых в ультимативной форме известила его любимая супруга, ожидались Иенишем почти с содроганием. Конечно, не показаться в обществе и не зайти в гости к знакомым офицерам он не мог, но как же его начала раздражать та шумиха, что была поднята газетчиками вокруг его имени.

Наверное, именно потому очередное приглашение на встречу присланное императором он воспринял со вздохом глубокого облегчения. А может дело обстояло в том, что ожидали его не в одном из дворцов столицы и ее пригородов, а за сотни верст — в Нижнем Новгороде, где как раз вовсю шла грандиозная выставка. Так что имелся весьма неплохой шанс "затеряться" на время и надеяться, что связанная с его именем истерия, ставшая популярным трендом скучающего столичного общества, закончится куда быстрее в его отсутствие. Ведь падкая на всевозможные сенсации толпа всегда очень быстро теряла интерес к тому или иному, если исчезал сам источник возникновения интереса.

Вообще, изначально, ни Иениш, ни Иванов, вернувшись в Россию, даже и думать не думали о скорейшем появлении на этой выставке. Да, рано или поздно они непременно отметились бы на ней, хотя бы для ознакомления с отделом выставки под номером 5, имевшем наименование "Охотничьи, пушные и рыбные промыслы", а также отделом номер 7 — "Горное дело и металлургия", интересы, в развитии которых, они имели более чем масштабные. Но кто бы что ни говорил, а желание императора, по крайней мере для этих двух людей, являлось законом. Потому вскоре все семейство Иенишей в сопровождении

друга семьи с простой русской фамилией — Иванов, отбыли из просто столицы Российской империи в ее хлебную столицу, куда на осмотр достижений "народного хозяйства", как пошутил Иван, стекались сотни тысяч людей со всех уголков империи. Не даром же к открытию выставки из 183 городов России были проложены специальные маршруты, дабы людям было возможно прибыть на это мероприятие с минимальными издержками, как по времени, так и по деньгам.

И пусть строительство новых железнодорожных путей с вокзалами и спуск на реки новых пароходов влетели в копеечку, эти средства остались внутри страны, дав работу сотням предприятий и десяткам тысяч людей, вдобавок улучшив насыщенность транспортных путей империи новой техникой. Так что эффект от организации выставки вышел даже не двойной, а тройной. Что, в принципе, и ставилось в основных целях при начале всего данного проекта.

Да и цены на билеты этих конкретных маршрутов оказались более чем приемлемыми даже для простого рабочего люда. Впрочем, то же самое можно было сказать про цену входного билета непосредственно на выставку. Причем, для многих слоев граждан проход оказался и вовсе бесплатным, что, несомненно, способствовало повышению количества посетителей. Правда, данный шаг серьезно сказался на денежных поступлениях в кассы, но ведь никто и не предполагал, что окажется возможным окупить все вложенные средства одной лишь продажей билетов.

Внесли свою посильную лепту в виде пары серебряных рублей и чета Иениш, что сейчас вместе с детьми стояла рядом с Иваном. Однако, не смотря на живой интерес плещущийся в глазах пришедшего из далекого будущего гостя, мысли его в данный момент были далеки от технических новинок и прочих экспонатов свидетельствующих о гениальности народа государства российского. В преддверии очередной встречи с самодержцем, коя была назначена как раз в хлебной столице России, он вспоминал свое первое знакомство с этим могущественным человеком, ведь ответы на поднятые именно тогда вопросы должны были пролиться на свет уже в ближайшее время.

— Господа, мадам. — прервал процесс изучения самобеглой коляски одетый в штатское, но столь знакомый Иенишу жандарм. — Не соблаговолите ли составить мне компанию? — почтительно улыбнувшись и приподняв котелок, склонился в легком поклоне посланник императора.

— Почтем за честь. — зеркально поприветствовав прервавшего процесс ознакомления с достижениями отечественных производителей мужчину, ответил за всех отставной капитан 1-го ранга.

К удивлению Иениша сопровождающий привел их не к Царскому павильону, а в Военно-морской отдел, где и передал далее по цепочке ни кому иному, как государыне-императрице. Впрочем, Мария Федоровна тоже не стала задерживать мужчин, удовлетворившись короткой беседой, большей частью состоявшей и посыпавшихся на нее комплементов, и увлечением вслед за собой супруги Виктора Христофоровича с детьми, дабы позволить мужчинам пообщаться одним. Сам же император обнаружился рядом со входом в павильон рассматривающим выставленную на всеобщее обозрение миноноску. Хотя вряд ли его действительно могло увлечь сие зрелище после всех тех десятков крейсеров и броненосцев, что он успел посетить за свою жизнь. Но встреча недавних "добровольцев" и императора как раз напротив этого небольшого кораблика выглядела более чем символично.

Окинув взглядом оцепленные полицейскими и гвардейцами дорожки ведущие к

павильону, на которых уже скопился не один десяток любопытствующих углядевших фигуру своего монарха, Александр III указал рукой на двери здания, — Предлагаю осмотреть экспонаты, что уместились внутри павильона, дабы не смущать нашим видом умы граждан. — и показывая пример, первым двинулся в сторону входа в павильон.

Вот только, как оба приглашенных императором на очередную беседу и догадывались, уделить время выставленным экспонатам им не удалось. Все же изрядно занятыми людьми были не только они. У императора дел было как бы не в разы больше, отчего он и предпочел перейти сразу к делу.

— Итак, господа, я принял решение...

Прошедший 1897-й и едва успевший начаться 1898-й года оказались столь же богаты на события, как и все предыдущие года уходящего века. Однако вряд ли кто-нибудь смог бы перечислить хотя бы все новости, что нашли отражение на страницах мировых газет. Ну разве что наиболее громкие, сулившие внести небывалые изменения в жизнь всего мира. Такая, к примеру, как более чем странная Греко-Турецкая война, закончившаяся более чем плачевно для древней Эллады, чья банковская система, вслед за османской, попала под полное внешнее управление мировых держав. Утешением для греков здесь могло быть разве что решение критского вопроса, да и то в конечном итоге оно не устроило, ни Османскую империю, ни Греческое королевство. Или же занятие русскими Порт-Артура вместе со всем Ляодунским полуостровом, отчего английские газеты до сих пор исходили желчью, уже сейчас подливая масла в огонь будущего противостояния на Дальнем Востоке. Но куда большей неожиданностью для многих стала передача Российской империей трех эскадренных броненосцев Испании в обмен на самый западный из состава Филиппинских островов — Балабак, а также все Ладронские острова, включая крупнейший из них — Гуам. В этом не было бы ничего особо интересного, ведь строили же те же англичане испанцам целую серию броненосных крейсеров, для чего сами же и модернизировали одну из испанских верфей, если бы не состояние нахождения одной из старейших империй Европы на пороге войны с молодыми, но дерзкими и активно ищущими место под солнцем САСШ. Вот уж где сейчас действительно скрипели зубами, так это в Белом доме. Получить дозволение на войну от Англии, подготовить революционные массы на Кубе и Филиппинах, создать правильное общественное мнение у себя в стране, выстроить добротный флот, в конце концов, и даже подготовить многочисленные политические претензии. Сколько всего было сделано, дабы с вероятностью в 100 % показать мировым державам, что в их составе скоро станет на одного игрока больше! И все эти приготовления внезапно столкнулись с непробиваемым во многих смыслах этого слова фактом появления у намеченной в заклание дряхлой жертвы трех современных эскадренных броненосцев. И ведь спустить пар, дабы остановить запущенную военную машину, уже было слишком поздно. Все, кому следовало, прекрасно поняли намерения заокеанских кузенов англичан, и теперь от дальнейшего шага американцев зависело то, как их в ближайшие годы, а то и десятилетия, будут воспринимать на мировой политической арене. Лишь еще более громкая новость, нежели подвижки кораблей Российского Императорского Флота давали правительству САСШ надежду на все таки удачное завершение столь долго подготавливаемой ими войны — в ближайшее время русским совершенно точно было не до них. А как могло быть иначе, если звезда невероятно ярко вспыхнувшего напоследок императора Александра III потухла во взрыве бомбы очередного революционера?

На фоне таких новостей прочие смотрелись откровенно блекло, а уж сообщение о внезапной смерти отставного лейтенанта Российского Императорского Флота и владельца "Первого русского завода газовых и керосиновых двигателей", господина Яковлева Евгения Александровича и вовсе затерялось среди десятков тысяч опубликованных некрологов. Но именно его смерть не просто заинтересовала, а несказанно встревожила одного полковника Отдельного корпуса жандармов, бывшего последним из живущих, кто знал, какая связь была

между павшим, подобно своему отцу, жертвой бомбиста императором и отставным лейтенантом. Двигатель, странный двигатель, от одного вида которого в свое время Яковлев пришел в неописуемый восторг, с не менее странного катера, скрытно сожженного дотла по приказу самого императора. И теперь этот двигатель исчез. Испарился. Будто его никогда и не существовало. А подобное на совпадение никак тянуть не могло. Потому, жужжащая, свистящая и гремящая, как работающий на износ двигатель, машина политического сыска, всеми своими силами разматывающая клубок связей террористов устроивших покушение на императора, получила дополнительную информацию для размышлений.

Но то, что заботило полковника жандармов в далеком Санкт-Петербурге, было вообще неведомо коммерческому агенту САСШ только прибывшему во Владивосток. Являясь первым афро-американцем получившим образование в Гарвардском университете, Ричард Гринер появился в России в весьма непростой период, когда отношения двух, вроде бы не воюющих стран, отпустились до той красной черты, пересекать которую было смерти подобно. Сперва, взвыли охотники на морских зверей, ходивших за добычей к русским берегам. Не менее трех с половиной десятков шхун оказались реквизированы, либо пропали в море при невыясненных обстоятельствах всего за три года. Потом оказался не просто разгромлен, а захвачен почти весь китобойный флот, промышлявший здесь же. Десять новейших паровых судов-китобоев оказались арестованы моряками свалившегося, как снег на голову, "Добровольного охранного флота", а после реквизированы русским правительством и проданы с аукциона русским же китобоям. Следом пришел черед немногих оставшихся контрабандистов, чьи потери хоть и были значительно меньшими, все равно принесли убытки весьма влиятельным людям. И как вишенка на торте — с единственной в САСШ фабрики по обработке меха морских котов была украдена вся технология выделки столь ценных шкур, так что в прошедшем году ни одна шкурка не добралась не только до САСШ, но и до Лондона, где располагалась меховая биржа, долгие десятилетия считавшаяся монополистом по установке цен и выкупу шкур морских котов. Ныне же Шанхай и Владивосток превратились в единственных поставщиков меховых изделий для европейских и американских модниц. И поделаться с этим что-либо оказалось невозможно. Ни оружие в крепких руках отчаянных зверобоев, ни пачки денег передаваемых чиновникам разной руки не смогли повлиять на складывающуюся ситуацию. Слишком уж большая сила, что в военном, что в административном плане стояла за новыми хозяевами русского Дальнего Востока, кои, похоже, решили для себя извести под корень всех возможных конкурентов. И лишь редким счастливицам с их стороны поступали предложения о взаимовыгодном партнерстве.

Именно для начала исправления столь удручающего положения он был направлен в эти непростые земли, но догнавшие его уже в дороге известия сильно поколебали его уверенность в возможность претворения в жизнь намеченных планов.

Больше книг на сайте - Knigolub.net